

Даниель Ранкур-Лаферриер

ПСИХИКА СТАЛИНА: Психоаналитическое исследование

Daniel Rancour-Laferriere
Прогресс-Академия
1996

Всеми миру известны проделанные американскими психоаналитиками исследования сакраментальных личностей XX века: работы Эриха Фромма о Гитлере, Эрика Гомбургера Эриксона о Мао Дзэдуне и другие. Но до последнего времени среди них не было психоаналитического исследования личности Сталина.

И вот появилась работа слависта-психоаналитика Д. Ранкура-Лаферриера «Психика Сталина».

Что породило тягу Иосифа Джугашвили к злодейским преступлениям против, казалось бы, близких людей? Как отразились на ментальности взрослого человека побои, которым подвергал маленького мальчика пьяный отец-сапожник? Чем объясняется глубокое доверие Сталина к Гитлеру? Не было ли среди подспудных причин сталинских поступков скрываемой и от себя самой гомосексуальной ориентации?

Вариант ответа на эти и многие другие вопросы и пытается дать предлагаемая читателям книга.

[Психоаналитически портрет тирана](#)

[Введение](#)

- [Глава 1 ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА: НЕКОТОРАЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА](#)
- [Глава 2 ПОВЕРХНОСТНАЯ СТРУКТУРА ДУШИ ДИКТАТОРА](#)

- [Глава 3 ВОПРОСЫ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА: МОЙ СТАЛИНИЗМ ПРОТИВ СТАЛИНИЗМА СТАЛИНА](#)
- [Глава 4 «БИТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ»](#)
- [Глава 5 ЗАЩИЩАЯ ИДЕАЛИЗИРОВАННОЕ «Я»](#)
- [Глава 6 ЕГО ЛУЧШАЯ ЗАЩИТА](#)
- [Глава 7 ПОБОИ ДЕТЕЙ В РОССИИ](#)
- [Глава 8 ОСОБЫЙ ИНТЕРЕС СТАЛИНА К НОГАМ](#)
- [Глава 9 ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ СО МНОЖЕСТВОМ АГРЕССОРОВ](#)
- [Глава 10 ЕГО ЛЮБИМЫЙ АГРЕССОР](#)
- [Глава 11 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ](#)
- [Глава 12 ЭЛЕМЕНТ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ](#)
- [Глава 13 ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО И ВОССТАНОВЛЕНИЕ](#)
- [Глава 14 ПОДВОДЯ ИТОГИ](#)
- [Послесловие](#)
- [Примечания](#)
- [Литература](#)

Психоаналитически портрет тирана

В зарубежной литературе имеется множество публикаций о Сталине. В последние годы такого рода исследования появились и в нашей стране. Ясно, что без знания всех перипетий борьбы за власть в постреволюционной России, механизмов возникновения культа личности и массового террора вряд ли возможно развитие подлинной демократии и осознание скрытых опасностей, которые подстерегают людей на тернистом пути обретения свободы, оборачивающейся подчас разгулом необузданных политических страстей, идейных амбиций, национальных притязаний и честолюбивых интересов. Другое дело, что после всплеска долгое время подавляемых эмоций и публицистического шквала информации, который обрушился на пробудившееся от спячки общественное сознание, многочисленные рассуждения о Сталине стали все чаще наткаться на своеобразную аллергию и негативную ответную реакцию: ну сколько же можно муссировать одну и ту же тему! Поэтому отнюдь не исключаю, что, прочитав заголовок предлагаемой вниманию читателя книги, кто-то испытает, возможно, раздражение при одном только упоминании имени Сталина.

И все же я бы рекомендовал потенциальному читателю не поддаваться эмоциям и чувствам, негативным суждениям и преждевременным выводам, основанным на психологическом неприятии еще одной работы о Сталине.

Данная книга заслуживает того, чтобы ее внимательно прочитали, ибо рассмотрение портрета тирана ведется в ней с непривычных для отечественного читателя позиций. Должен отметить, что психоаналитическое исследование личности Сталина не столь частое явление даже за рубежом, где в общем-то существует разнообразная психоаналитическая литература, в том числе касающаяся изучения различных политических лидеров, как, например, работа В. Лангера «Психика Адольфа Гитлера» (1972). Поэтому, полагаю, читателю было бы полезно и интересно познакомиться еще с одной интерпретацией жизни и политической деятельности Сталина, до сих пор остающейся за пределами внимания отечественных биографов, историков, социологов.

Автор книги — Даниель Ранкур-Лаферриер (р. 1943), профессор русской литературы Калифорнийского университета в Дейвисе, один из видных специалистов США по изучению русской культуры методами психоанализа. Его перу принадлежат такие работы, как «Пять

русских стихотворений» (1977), «Знак и субъект» (1978), «Из-под шинели Гоголя» (1982), «Знаки плоти» (1985 и 1992), «Пьер Безухов Толстого» (1993)».

Будучи студентом, Д. Ранкур-Лаферриер интересовался главным образом естественными науками, в частности биологией. Особенно его привлекали птицы, обитающие на территории бывшего СССР, в результате чего он начал изучать русский язык. В дальнейшем он поступил в аспирантуру на биологический факультет Гарвардского университета, но, разочаровавшись в биологии и естественных науках как таковых, решил получить гуманитарное образование и начал серьезно изучать русскую литературу. Перешел в Браунский университет, где специализировался по русской литературе и славянским языкам.

Во время обучения в аспирантуре Д. Ранкур-Лаферриер впервые обратился к психоаналитическим идеям, ибо был неудовлетворен тем, что преподававшие в университете профессора, много знавшие о писателях, в частности о Пушкине, Толстом и Достоевском, при изучении и трактовке литературных произведений не опирались на какую-либо фундаментальную теорию.

Five Russian poems: Exercises in a theory of poetry. Englewood (N.J.), 1977; Sign and subject: Semiotic and psychoanalytic investigations into poetry. The Netherlands. Vol. 14 of the series Studies in semiotics. 1978; Out from under Gogol's overcoat: A psychoanalytic study. Michigan, 1982; Signs of the flesh: An essay on the evolution of homind sexuality. Berlin, 1985; Tolstoy's Pierre Bezukhov: A psychoanalytic study. Bristol, 1993.

Прочитав работу Фрейда «Толкование сновидений», он нашел для себя много полезного как в содержательном отношении, так и в методологическом плане. Это послужило толчком к изучению основополагающих трудов Фрейда и других психоаналитиков. Преподававшие в то время в университете профессора не только не интересовались Фрейдом, но и негативно относились к психоанализу. Исключение составлял, пожалуй, известный филолог и лингвист Роман Якобсон, читавший в те годы лекции в Браунском университете. Не встретив поддержки со стороны своего научного руководителя, Д. Ранкур-Лаферриер обратился к Р. Якобсону, который не возражал против использования психоаналитических идей в диссертации о творчестве Фета. Под руководством Р. Якобсона он написал диссертацию и в 1972 году получил докторскую степень в области славистики.

Позднее, во время преподавания в Тафтском университете в Бостоне, Д. Ранкур-Лаферриер стал широко использовать психоаналитический подход к осмыслению произведений русской литературы. Однако в 1979 году он был уволен из Тафтского университета, так как психоаналитические идеи не были популярны среди специалистов по славянским языкам и русской литературе. Переехав в Калифорнию, он стал преподавать в университете в Дейвисе, возглавив кружок прикладного психоанализа и опубликовав ряд статей и книг, посвященных психоаналитическому исследованию личности и художественных произведений. В 1989 году под его редакцией вышел сборник работ «Русская литература и психоанализ», включающий в себя материалы, представленные на конференции по проблемам психоаналитического исследования литературы, проведенной в Калифорнийском университете в 1987 году.

Закончив работу над книгой «Знаки плоти», в середине 80-х годов Д. Ранкур-Лаферриер заинтересовался Сталиным как исторической фигурой. Ранее написанная книга не была связана с русской литературой. В ней обсуждалась проблематика человеческой сексуальности в свете эволюционного психоанализа. Теперь же он вновь обратился к русским сюжетам, что было сопряжено с обстоятельствами и переживаниями личного характера, о чем Д. Ранкур-Лаферриер сам поведал во время своего пребывания в России летом 1990 года. «В то время, — вспоминает он, — у меня были глубокие переживания, связанные с моим отцом. Обнаружилась некая внутренняя связь между моим личным отцом и «отцом народов». Воспоминания

детства, строгость отца, мои страхи и переживания, некоторые параллели между тем, что Сталин бил своих детей (сталинская формула «битие определяет сознание»), и своеобразными отношениями в моей семье (я был старшим из одиннадцати детей) — все это предопределило мое желание написать книгу о Сталине». В результате в 1988 году появилась работа «Психика Сталина», с которой теперь познакомится и русскоязычный читатель.

Russian literature and psychoanalysis / D. RancourLaferriere. Amsterdam/Philadelphia, 1989.

« Российский психоаналитический вестник. 1991. № 1. С.150.

Для того, кто возьмет в руки данную книгу и начнет ее перелистывать с целью определения жанра повествования, должен сразу же сделать пояснение. В ней речь не идет ни о хронике жизни Сталина, ни о его психобиографии. По выражению самого автора, это скорее попытка ответить на ряд вопросов, которые не возникают, как правило, перед исследователями, незнакомыми с психоанализом.

Как Сталин относился к тем, кто проявлял агрессивные чувства по отношению к нему, включая его собственного отца? Каков онтологический статус паранойи, мегаломании и нарциссизма человека, пребывающего в лоне советской культуры? Каково было отношение Сталина к женщинам и как он относился к гомосексуальности? Каковы психологические последствия его телесных дефектов? Почему он верил Гитлеру? Как и каким образом способности Сталина к ведению политических интриг сказались на становлении советского общества? Таковы, собственно говоря, основные вопросы, как они сформулированы в самом начале психоаналитического исследования.

На данные вопросы как раз и пытается ответить автор книги. При этом он исходит из того, что психоанализ не тождествен психиатрии и, следовательно, при психоаналитическом исследовании не столь важно, был ли Сталин здоровым человеком или страдал психическими расстройствами (так считают некоторые специалисты, в том числе и в нашей стране). Более важно понять, как, в силу каких психологических механизмов и в какой степени он перенес свои примитивные влечения, индивидуально-личностные амбиции и интересы на жизнь общества, предопределив тем самым его социально-экономическое, политическое и культурное развитие.

Читателю, хотя бы в общих чертах знакомому со спецификой психоаналитического подхода к изучению личности и общества, не составляет труда понять направленность исследования, акцентирующего внимание на некоторых интимных сторонах жизни человека, являющегося объектом анализа. Для него не окажутся неожиданными, экстравагантными или шокирующими авторские рассуждения о сексуальных влечениях, агрессивных наклонностях или гомосексуальных фантазиях исследуемого лица. Для тех же, кто имеет весьма поверхностное, расхожее представление о психоанализе, подобный интерес к обычно не предаваемой огласке потаенной жизни человека может показаться излишним или, возможно, не имеющим отношения к объективному изучению взаимоотношений между личностью и обществом, психологическими процессами и политической деятельностью власть имущих.

Во избежание каких-либо недоразумений стоило бы, разумеется, обстоятельно наложить исходные положения психоанализа, с тем чтобы подготовить читателя к восприятию соответствующих суждений и выводов, содержащихся в работе Д. Ранкур-Лаферриера. Однако в ограниченных рамках вводной статьи нет возможности подробно остановиться на рассмотрении психологических идей, способствующих пониманию всех тонкостей и нюансов, связанных с психоаналитическим подходом к исследованию личности и общества, индивида и культуры. Интересующийся этими вопросами читатель может обратиться к классическим трудам

3. Фрейда о психоанализе, за последние годы опубликованным в нашей стране массовыми тиражами. Напомню лишь некоторые основные положения психоанализа, позволяющие лучше понять содержательную часть книги Д. Ранкур-Лаферриера.

Согласно психоаналитическому учению З. Фрейда, определенную роль в развитии каждого индивида, общества и человечества играют бессознательные влечения и желания человека, основанные на «принципе удовольствия», в отличие от сознательных интенций, соотносящихся с требованиями окружающего мира и придерживающихся «принципа реальности». Сшибки между бессознательными влечениями человека и социальной реальностью, нравственными императивами культуры могут приводить к внутренним коллизиям и драмам, разыгрывающимся в глубинах человеческой психики. Острота внутриспсихических конфликтов сглаживается благодаря возникновению разнообразных психологических механизмов защиты, когда асоциальные влечения вытесняются из сознания индивида. Однако эти защитные механизмы создают лишь видимость разрешения внутриспсихических конфликтов, ибо часто люди отстраняются от действительности, погружаясь в созданный ими иллюзорный, фантастический мир и спасаясь от требований культуры «бегством в болезнь». Цель психоанализа — способствовать осознанию человеком своих бессознательных влечений. Для этого необходимо выявить закономерности функционирования бессознательных процессов, понять язык бессознательного и его символику, что возможно осуществить средствами толкования сновидений, выявлением смысла оговорок, ошибок, описок и иных «мелочей жизни», интерпретацией «свободных ассоциаций». В конечном счете психоаналитическое исследование бессознательного предполагает обращение к детско-родительским комплексам, сексуальным и агрессивным желаниям, проявляющимся на ранних стадиях развития ребенка и сказывающимся на образе жизни взрослого человека.

Пытаясь раскрыть особенности психики Сталина, Д. Ранкур-Лаферриер опирается на психоаналитические идеи. Его интересует не поверхностная структура психики тирана, рассмотренная в некоторых исследованиях, авторы которых выявляют такие черты Сталина, как его склонность к садизму и авторитаризму. Автор стремится проникнуть в бессознательные пласты психики и с этой целью обращается к рассмотрению детско-родительских взаимоотношений, имевших место в семье Джугашвили.

Из двойственного отношения к отцу, который, будучи пьяным, нередко избивал сына и жену, и большей близости с матерью, безумно любившей Сосо и зародившей в нем бессознательные чувства восхищения самим собой, выводятся многие особенности формирования у Сталина защитных механизмов, будь то проекция собственных страхов и агрессивных желаний на других людей (политических деятелей, включая Ленина, Бухарина и Троцкого, своих детей, многообразных «врагов народа») или идентификация с агрессором, в частности с Гитлером.

Автор проводит параллели между реакцией маленького Сосо, который, защищая свою мать от побоев пьяного отца, нередко хватался за нож, и смертью отца в пьяной драке от удара ножом. Детское желание смерти отца со стороны ребенка как бы воплотилось в реальной жизни, где нож как орудие убийства явился своеобразным символом, напоминавшим Сосо о его вине.

Другим важным фактором, предопределившим политическое поведение Сталина, был страх, возникший в детстве на почве того, что отец часто избивал его и мать, пинал их сапогами. Страх быть битым сохранился у Сталина на всю жизнь, и его защитные реакции вылились в разнообразные формы, включая любовь к высоким сапогам, с помощью которых он в буквальном смысле пинал своих детей, или использование изошренных средств надругательства над людьми, где пинки имели метафорическое значение.

Наконец, будучи выходцем из низшего сословия и имея различные телесные дефекты (левая рука короче правой, два пальца на левой ступне соединены вместе, маленький рост, лицо в оспинах), он с детства испытывал чувство неполноценности, что также сказалось на формировании характера и психики тирана. Однако, как считает Д. Ранкур-Лаферриер, главным источником развития нарциссизма, тщеславия и социопатии у взрослого Сталина были все же не физические дефекты маленького Сосо, а его отношения с родителями. В этом смысле автор книги разделяет скорее психоаналитические установки З. Фрейда, нежели идеи индивидуальной психологии А. Адлера, согласно которым комплекс неполноценности, возникающий на почве телесных недостатков, является необходимым стимулом развития личности и формирования специфических черт характера взрослого человека.

Анализируя свои сновидения, возникшие в период работы над рукописью, Д. Ранкур-Лаферриер подчеркивает то обстоятельство, что явившийся во сне образ Сталина часто вызывал у него необъяснимое чувство страха, определенные ассоциации с отцом или разнообразные знаки его собственной идентификации с русским тираном. Но не мешают ли подобные субъективные переживания объективному анализу исторической личности? Не служат ли они помехой на пути непредвзятого исследования психики конкретного человека?

Автор книги считает, что субъективное вхождение в исследуемый материал не только не мешает, но, напротив, способствует изучению бессознательного. Согласно его взглядам, в работе по «реконструкции» внутриспсихических процессов изучаемой личности, в частности Сталина, исследователь обязан использовать свои собственные внутриличностные переживания точно так же, как он опирается на внешние, исторически зафиксированные данные, касающиеся фактов жизни конкретного лица. Наряду с архивными материалами и биографическими сведениями не менее важным источником информации служат собственные сновидения и фантазии, ибо, по выражению Д. Ранкур-Лаферриера, на бессознательном уровне мышления и действия «мы все сталинисты», а так называемые патологические свойства Сталина в той или иной степени присущи каждому из нас. В этом смысле самоанализ выступает в качестве полезного средства исследования и лучшего понимания другой личности.

З. Фрейд считал, что шутки, анекдоты, остроумные высказывания содержат богатый материал, способствующий лучшему пониманию содержания бессознательного. Д. Ранкур-Лаферриер также обращает внимание на этот пласт полезной для психоанализа информации и приводит в своей книге ряд анекдотов, вносящих дополнительные штрихи в раскрытие психологии Сталина. В частности, приводится шутка меньшевика И. Церетели о том, что Сталин с его грузинским акцентом говорил: «Битие определяет сознание». Эта шутка обернулась впоследствии зловещей и кошмарной реальностью, когда метафорический эдиповский аспект «бития» (пьяный отец-сапожник бьет Сосо, а взрослый Сталин, будучи отцом, бьет своих сыновей) обернулся массовыми репрессиями и гулаговским террором в стране («отец всех времен и народов» осуществляет политику избиения своих соотечественников).

В работе Д. Ранкур-Лаферриера значительное внимание уделяется проведению параллелей между Гитлером и Сталиным. Отмечается, например, что тот и другой были диктаторами, требовали соблюдения железной дисциплины, имели имперские амбиции, коварно и беспощадно расправлялись со своими политическими друзьями и соперниками. Подчеркивается и то обстоятельство, что, несмотря на реальные факты жизни, свидетельствующие об интенсивной подготовке Германии к войне с СССР, Сталин верил Гитлеру. Автор объясняет это «слепой идентификацией с агрессором». Подобная идентификация с Гитлером привела Сталина к действиям, которые, по словам автора, значительно ослабили «экономическую и военную структуру Советского Союза».

Благодаря психоаналитическому методу исследования личности в книге выявляются те бессознательные мотивы политического поведения Сталина, которые далеко не всегда становятся в отечественной литературе объектом изучения и осмысления. Многие содержащиеся в ней соображения о роли психологических механизмов защиты в практической деятельности тирана являются интересными, нетривиальными, заслуживающими внимания. Они позволяют заглянуть в глубины человеческой психики и понять сложную динамику формирования психических процессов, оказывающих соответствующее воздействие на мышление и поведение личности, пришедшей к власти.

Работа Д. Ранкур-Лаферриера включает в себя обширный документальный материал, мало известный или вообще неизвестный отечественному читателю. Полагаю, что ознакомление с этим материалом позволит по-новому взглянуть на существо взаимоотношений, имевших место в свое время между Сталиным и Гитлером, тираном и его ближайшим окружением. Во всяком случае, непредвзятый читатель, несомненно, почерпнет из данной работы такую насыщенную, документально подтвержденную информацию, которая позволит ему самому сделать соответствующие сравнения и обобщения, не вписывающиеся в ранее навязанные ему моноидеологией штампы и клише.

Правда, не все авторские предположения и суждения могут быть восприняты как безупречно доказанные и документально подтвержденные. Не исключено, что у критически настроенного читателя могут возникнуть сомнения относительно истинности тех или иных положений, высказанных Д. Ранкур-Лаферриером в связи с раскованным обсуждением им некогда запретных в нашей стране тем. Так, например, размышления автора книги о возможных гомосексуальных наклонностях Сталина вряд ли вызовут одобрение у тех, кто до сих пор видит в нем некий идеал политического руководителя. И уж конечно, трудно рассчитывать на то, что приведенные в работе материалы, содержащие намеки на скрытую гомосексуальность Сталина, будут восприниматься каждым читателем вполне однозначно.

Впрочем, Д. Ранкур-Лаферриер и не претендует на провозглашение истины в последней инстанции. Более того, он открыто пишет о том, что при исследовании психики Сталина нередко приходится сталкиваться с ложной информацией, недостоверными биографическими источниками, различного рода измышлениями, заблуждениями, предвзятыми мнениями. Если же речь идет о сугубо интимных сторонах жизни политического деятеля, как, впрочем, и любого рядового человека, если объектом исследования становятся сексуальные ориентации конкретного лица, то вполне очевидно, что информация на этот счет является весьма ограниченной и, по сути дела, проблематичной. Не случайно автор книги подчеркивает, что никакие факты жизни Сталина исчерпывающе и полностью не подтверждают его реальной гомосексуальности. Кроме того, исторические данные свидетельствуют о том, что Сталин не только крайне отрицательно относился к гомосексуалистам, но и всячески способствовал тому, чтобы гомосексуализм в стране был объявлен противоправным явлением и подлежал строгому осуждению, вплоть до заключения в тюрьму тех, кого причисляли к гомосексуалистам. Но, как отмечал в свое время З. Фрейд, такой активный протест против чего-то как раз и должен настоятельно психологика, стремящегося вскрыть и понять истинные мотивы, побудившие человека к тем или иным действиям.

Хотелось бы, чтобы читатель не с раздражением (если кому-то претит сам факт обсуждения гомосексуальной ориентации), а с пониманием отнесся к разделу в книге, посвященному анализу латентной гомосексуальности Сталина. С пониманием того, что психоаналитическое исследование личности предполагает изучение тех скрытых от сторонних наблюдателей аспектов жизнедеятельности человека, о которых обычно предпочитают умалчивать, считая их недостойными внимания, непристойными, неприличными. При этом следует иметь в

виду, что Д. Ранкур-Лаферриер высказывает предположение о наличии у Сталина гомосексуальных интересов и, исходя из этого, осуществляет анализ взаимоотношений между Гитлером и русским тираном. «Все мы бисексуальны, — поясняет свою позицию Д. Ранкур-Лаферриер. — Тем самым в своей книге я хотел сказать, что Сталин был нормальным человеком и, как все нормальные люди, имел латентные гомосексуальные тенденции».

Думаю, читатель сам в состоянии по достоинству оценить содержащиеся в данной работе идеи, суждения, заключения. И мне вовсе не хотелось бы навязывать ему свое мнение. Каждый имеет право на собственное прочтение, понимание и толкование попавших в его поле зрения текстов. Важно только, чтобы за индивидуально-личностным отношением к прочитанному не искажалась, переоценивалась или, напротив, недооценивалась подлинная значимость тех или иных методов анализа, в частности психоаналитического метода исследования личности, с помощью которого действительно можно обнаружить важные пласты бессознательного в мышлении и действиях политических лидеров.

Российский психоаналитический вестник. 1991. № 1 С.150.

Что мы знаем о действии бессознательных сил, таящихся в глубинах человеческой психики? Обращаем ли внимание на социальное, коллективное бессознательное, обуславливающее многие политические процессы и вызывающее к жизни политические движения? Почему рациональные действия людей или групп неожиданно оборачиваются иррациональными отношениями между ними? Почему рациональные действия различных государств приводят к политическим последствиям, вызывающим взрыв иррациональных чувств, ненависти одного народа к другому, безотчетной подозрительности, усиливающегося недоверия и бессознательного страха?

Полагаю, что до тех пор, пока исследователи будут ориентироваться исключительно на рациональное поведение людей и не будут уделять должного внимания бессознательным мотивам политических действий, вряд ли возможно адекватное понимание происходящих в мире изменений и выявление продуктивных решений, способствующих устранению кризисных ситуаций. Думаю, что исследование политических процессов и структур может оказаться бесперспективным, если оно не будет включать в себя информацию о бессознательных мотивах мышления и действиях политических лидеров. Другое дело, что именно об этой сфере человеческой жизни наши знания являются весьма ограниченными, требующими серьезной и кропотливой работы по изучению специфической логики, особого языка и скрытой символики бессознательного, сопровождающих протекание политических процессов.

Здесь налицо сложный комплекс проблем, связанных, с одной стороны, с выявлением закономерностей возникновения и функционирования бессознательных структур в различных политических системах, а также защитных механизмов личности, а с другой — с учетом наших знаний об индивидуальном и коллективном бессознательном — о тонкостях и нюансах, сопряженных с проведением различий между рациональным и сознательным, иррациональным и бессознательным. Ясно одно: психоаналитический метод исследования личности и общества может внести посильный вклад в изучение бессознательного, скрытых мотивов принятия политических решений, иррациональных страстей и драм, бушующих и разыгрывающихся в сфере политики.

Предлагаемая читателю работа Д. РанкурЛаферриера — один из наглядных примеров того, как и в какой степени психоаналитические идеи могут быть использованы при раскрытии психики человека, некогда стоявшего на вершине политической власти и придавшего стране такое направление социально-экономического и культурного развития, которое дает о себе знать и по сей день, несмотря на все попытки коренного преобразования общества. Остается лишь пожелать, чтобы, вопреки возможному внутреннему сопротивлению, вызванному уста-

лостью от повседневной жизни и неоднозначной, часто противоречивой реакцией на упоминание имени Сталина, читатель не только до конца прочитал данную книгу, но и осознал важность и необходимость понимания бессознательных процессов, протекающих как в недрах психики политических лидеров, так и в глубинах души каждого из нас.

Доктор философских наук Валерий Лейбин

Введение

Один из способов дать определение предмета — это указать, чем он не является. Настоящая книга не является ни историческим, ни политическим, ни социологическим анализом эры Сталина. Не является она и биографией Сталина. Это даже не его психобиография. Книга представляет собой психоаналитическое исследование избранных, дающих нам наиболее яркие свидетельства об этой личности моментов поведения Сталина, начиная с его детства и до старости.

Я не делаю систематизированного хронологического повествования о жизни Сталина, но обращаюсь к вопросам, которые ранее никогда не задавались или, по крайней мере, на которые не было дано правильного ответа. Как обращался Сталин с теми, кто совершал против него агрессивные действия, например со своим отцом? Каков онтологический статус его паранойи, мегаломании (мании величия) и нарциссизма? Каково было его отношение к женщинам? Что он думал о гомосексуализме? Почему он доверял Гитлеру? Каковы были психологические последствия его физических недостатков? Какую роль сыграл мимикрический талант Сталина в его политической жизни? И так далее. Я затронул проблемы, кажущиеся интересными, а не проблемы, предписываемые некой абстрактной схемой. Я пошел по пути наименьшей беспристрастности, которая для психоаналитика является важнейшим способом толкования личности (см. главу 3). Короче, я хорошо провел время.

Это вовсе не означает, что у меня не было проблем. Психоанализ сам по себе отнимает много сил, но, когда объектом анализа становится кремлевский зверь, возникают некоторые особые проблемы. Аналитик, например, склонен видеть кошмары. Они неприятны, но, если к ним относиться внимательно, они могут одновременно помочь аналитику отбросить ложные пути и подсказать новый взгляд на проблему (снова см. главу 3).

Более прозаической проблемой, с которой вынужден мириться любой биограф Сталина или историк сталинского периода, является проблема недостатка информации. Большинство фактов из жизни Сталина было окутано тайной. Некоторые следы, возможно, исчезли навсегда. Можно только догадываться о том, что могло и чего не могло быть в архивах КГБ.

Существует также проблема ложной информации. Некоторые биографические источники о Сталине оказались поддельными, состряпанными под псевдонимами «Кирилл Калинов», «Эссед Бей», «Буду Сванидзе», «Имам Рагуза»,

«Ивес Делбарс» и пр. Я признаюсь, что попался на удочку некоторых этих клоунов на ранних этапах своего исследования. Книга «Заметки в журнал» («Notes for a Journal»), якобы написанная Максимом Литвиновым, также оказалась недостоверной. Исследователи личности Сталина, такие, как Гайд (138»), Марку (206) и др., не сумели распознать поддельную природу этих источников. Я предлагаю будущим исследователям личности Сталина занести в свой обязательный список работы следующих авторов: Суварина (267); Блекстока (84); Вульфа (313, 207—222); Вихавайнена (304).

Дело еще более усложняется тем, что некоторые источники о Сталине хотя и не имеют намерения преподнести ложную информацию, являются весьма сомнительными по содержанию, по крайней мере частично. Примером может служить недавно опубликованная противоречивая книга Антонова-Овсеенко «Времена Сталина» (75), которую критики как хвалили, так и ругали. Здесь не место обсуждать достоверность подобного документа либо документов, перечисленных в списке литературы настоящей книги. Достаточно сказать, что, рассматривая отдельные действия или модель поведения Сталина, я пытался; Здесь и далее при ссылке на источники в скобках дается порядковый номер работы в списке литературы, данном в конце книги, затем (если издание многотомное) номер тома римскими цифрами, дальнейшие цифры отсылают к страницам. Если дается ссылка на несколько источников, то они разделены точкой с запятой. — Прим. ред.

1) подтвердить их достоверность на основе как можно большего количества документов; 2) подтвердить это источниками, общепризнанно считающимися достоверными; 3) если источник не совсем достоверный, я использую только ту часть, которая представляется надежной, и я также могу делать попутные комментарии по поводу достоверности сведений. Например, см. примечание 2, с. 192—193 относительно надежности сведений Давричеви (112).

Очевидно, в пункте 3 содержится слишком большая доза субъективности с моей стороны. Однако мое впечатление таково, что в нем не более субъективности, чем я встретил в большинстве научных исследований по русской или советской истории.

Несмотря на проблемы с некоторыми из источников, все же существует много разнообразных достоверных источников. Их круг варьируется от записей родственников Сталина (Светлана Аллилуева, Анна Аллилуева) до мемуаров его политических соратников (Хрущев, Микоян); от материалов осведомленных бывших оперативных работников службы безопасности (Бармин, Кривицкий, Орлов) до сведений, полученных от переводчиков, работавших с Генсеком (Бирсе, Бережков, Лунги); от записей генералов Сталина (Болдин, Жуков, Мережков и пр.) до свидетельств западных дипломатов и глав государств, которые лично имели дело со Сталиным (Гарриман, Черчилль, Рузвельт, Гопкинс, Тэннер и пр.). Количество достоверных сведений очевидцев о Сталине действительно

достаточно велико, и многие из них могут с успехом быть использованы для психоанализа.

Еще одно преимущество психоаналитика состоит в том, что Сталин был диктатором. Политические события в стране, вероятнее всего, служат отражением рассудка признанного диктатора, нежели интеллекта других политиков в стране. Это следует из самого определения диктатора, то есть политика, который сосредоточивает все управление страной в своих руках. Если, например, мы хотим объяснить с точки зрения психоанализа советскую внешнюю политику после 1929 года, можно смело держать пари, что ее содержание будет иметь большее отношение к рассудку Сталина, чем к рассудку, скажем, Карла Радека или даже Максима Литвинова. Положение именно Сталина позволяло ему (сознательно, бессознательно, часто непоследовательно) претворять в жизнь свои представления о внешней политике, в то время как другие политические деятели были ограничены определенными рамками.

Это вовсе не означает, что Сталин имел полный контроль после 1929 года. Например, есть некоторые свидетельства о том, что «Сталин периодически терял дееспособность из-за проблем со здоровьем в первую половину семи—восьми послевоенных лет» (234, 179—180). Можно также отметить, как это сделал Гетти (137), что многие события в смутное время массовых арестов и террора в 1937—1938 годах выходили за пределы контроля Сталина. Но даже Гетти признает, что на Сталине лежит «главная ответственность за события, имевшие место под его руководством» (137, 9, курсив мой. —Д. Р.-Л.). Это утверждение можно также сравнить с несколько более умеренным заявлением Конквеста: «Все, что происходило в те годы, в конечном итоге должно уходить корнями в особый менталитет Сталина и правящей сталинской группы, то есть в субъективную силу, воплощенную в политической линии партии, которая использовала различные политические механизмы, имевшиеся в ее распоряжении, для создания и упрочения радикально нового порядка, неприемлемого для всех остальных в стране» (106, 3, курсив мой. — Д. Р.-Л. }.

Выражения «особый менталитет» и «субъективная сила» предполагают проведение психоаналитического исследования личности Сталина и его коллег на высшем правительственном уровне. Я принимаю приглашение провести исследование в той мере, в какой это относится к Сталину.

Многие источники, привлеченные мною для настоящей книги, написаны не на английском, а на других языках. Но там, где это возможно, я представил перевод на английский язык соответствующих отрывков. Переводы сделаны мною, если не оговорено особо.

По ходу работы над книгой я получил конструктивные замечания от многих людей. Среди них были: Билл Дикапо, Дан Броуэр, Сьюзан Берк, Алан Элмз, Джон Фаин, Джим Галлант, Бен Хельман, Соломон Иоффе, Валерий Джоссон,

Магнус Лjungгрен, Карл Менгес, Барбара Мильман, Маргарита Томпсон и Элизабет Вуд.

Большая помощь была оказана персоналом Внутреннего отдела Библиотеки Шилз университета штата Калифорнии в г. Дейвисе. Предоставленные мне гранты научно-исследовательским факультетом Калифорнийского университета, а также летний грант Российского и Восточно-Европейского центра университета Иллинойса в Шампейн/Урбана значительно ускорили проведение исследования.

Я выражаю признательность своим ассистентам по научной работе: Валерию Джоссону, Тому Куртцу и Джону Гивензу за оказанную мне помощь в поиске библиографических раритетов. И наконец, огромной благодарности заслуживает Хайнц Фенкль за терпение и многие ночные часы, которые он провел за компьютерной версткой книги.

Дейвис, Калифорния Май 1987 г.

Глава 1

ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА: НЕКОТОРАЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Работа Роберта К. Такера «Сталин как революционер» (292) является наиболее полной научной психобиографией Сталина. Эта книга представляет собой первую часть запланированной трилогии (см. также: 289; 290; 292; 294; 296—298; 300). Психологические категории, используемые Такером, заимствованы не столько из общепринятого фрейдовского анализа, сколько от ревизионистов Эрика Эриксона и Карен Хорни (в частности, из ее работы «Neurosis and human growth», 1950). Также можно почувствовать влияние психоаналитических политических теорий Харольда Лассуэлла, но в то же время Такер (294) отвергает Лассуэлла в пользу Хорни.

Такер утверждает, что личность Сталина является решающим фактором в понимании хода советской истории вплоть до 1953 года — года смерти Сталина: «Вопрос психоисторического исследования влиятельного политического лидера — это не просто изучение личности субъекта по возможности систематическим методом проникновения в его сущность. Это, кроме того, поиск таких

связей и взаимодействий личности с социальной средой и политической ситуацией, которые дают возможность личностному фактору стать исторически важным в каждом данном случае.

В рассматриваемом здесь случае объяснение результата — восхождение Сталина и последующая диктатура — следует искать в природе Сталина, в при-

роде большевизма как политического движения, в сущности исторической ситуации советского режима в 20-х годах, а также в природе России как страны с традицией автократического правления и с расположением к нему народа. Но только путем выяснения сложной взаимосвязи всего этого можно определить, почему в этот момент личность оказалась, как с запозданием, но правильно предвидел Ленин, решающим пустяком» (292, XVI).

Под личностью Такер подразумевает не просто минимум чисто физической энергии, настойчивости, организаторских способностей, личного интереса и политической проницательности, чем должен обладать каждый активный политик. Скорее, он имеет в виду уникальное сочетание личностных характеристик в одном особом политике, в данном случае сложную паутину поведенческих реакций и эмоций в жизни Иосифа Виссарионовича Джугашвили, известного под именем Иосиф Сталин.

Такер доказывает (289), что если бы личность Сталина не была решающим фактором, то было бы крайне трудно объяснить некоторые хорошо известные факты советской истории. Например, большинство специалистов по советскому периоду истории сходятся в том, что Большая Чистка в 1936—1938 годах, во время которой было арестовано, по различным оценкам, от пяти до девяти миллионов человек, нанесла чрезвычайный вред экономике и военной мощи Советского Союза. Это поставило Советский Союз *vis-a-vis* со смертельной опасностью со стороны несомненно враждебной нацистской Германии. Большая Чистка не могла быть «потребностью системы», как сказали бы социологи. Но никто не сомневается, что Большая Чистка была инициирована и поддержана Сталиным. Следовательно, она должна быть отражением, по крайней мере отчасти, личных потребностей Сталина, и некоторые из них, по утверждению Такера, были психопатологическими.

Другим примером может служить то, как изменилась жизнь в Советском Союзе после смерти Сталина. Если бы террор был неотъемлемой чертой советского общества или советской системы правления, нельзя было бы объяснить значительное снижение уровня террора после того, как умер Сталин: «Советские граждане настойчиво называют ослабление террора, возможно, наиболее существенным общим впечатлением от изменений, которые они почувствовали в постсталинской России...» (289, 571; ср.: 222, 115-116).

Вышесказанное не означает, что другие факторы, помимо личности Сталина, не повлияли на политические события в Советском Союзе во время сталинской эры. Сталин не смог бы выдвинуться без социального хаоса, который возник в результате первой мировой войны, революции 1917 года и гражданской войны. Ему был необходим бюрократический аппарат, подчиненный его воле, и он смог постепенно его выстроить. Он нуждался в эффективной полицейской силе, взаимодействующей с населением, способным привлекаться к различным

формам устрашения и доносов (массовая психология советского народа в сталинское время должна еще быть изучена). Сталину требовались — и он в итоге получил — эти и другие внешние составляющие, необходимые для реализации внутренних потребностей его диктаторской натуры. Когда он умер, его личность перестала быть действующим фактором, и террор прекратился. Внешние составляющие еще сохранялись, но личность Сталина отсутствовала. Такер в этом случае оправданно соглашается с тем, что Гирш называет «соблазном разгадки тайн исторической эпохи, исходя из духовного мира одного индивида» (153, 424). Период с 1929 по 1953 год не зря зовется «сталинской эрой».

Вероятно, сталинский террор в Советском Союзе возможен до сих пор. Так думает Надежда Мандельштам (205, 568). Александр Зиновьев так не думает (26). Может быть, в этой стране до сих пор присутствуют условия, благоприятствующие росту такой диктаторской личности, как Сталин, в противовес другим странам, например Соединенным Штатам и большинству стран Западной Европы. Но какие бы ни были ответы на эти академические вопросы, ясно, что в течение первых десятилетий советской истории некоторые свойства личности Сталина действительно сочетались с внешними условиями таким образом, что дали ему возможность стать диктатором.

В своих психоисторических трудах Такер или косвенно (напр., 292), или прямо (напр., 289; 291) основывается на идеях, изложенных в интереснейшей работе Харольда Лассуэлла «Psychopathology and politics» (1960). Центральной из них является утверждение, что политическое поведение есть, по существу, воплощение «личных» интересов. По Лассуэлли, «политическая» фигура думает, что она действует в общественных интересах, то есть логически обосновывает свои поступки. На самом же деле, она действует на основе личных, «первичных» мотивов, в первую очередь тех, которые сформировались в детстве на базе отношений к членам родной семьи. Это «перенос личных мотивов с объектов семьи на общественные объекты» (187, 75). Например, «...подавляемая ненависть к отцу может быть повернута против королей и капиталистов, которые являются социальными объектами, играющими свою роль во главе или внутри общества» (там же). Посредством «процессов символизации» «обычные частные действия» оказываются связанными с «отдаленными социальными объектами» (там же, 186).

В статье, опубликованной до выхода написанной им биографии Сталина, Такер обсуждает двух наиболее видных диктаторов недавнего прошлого — Сталина и Гитлера. Он применяет к ним основной тезис Лассуэлла следующим образом: «Диктатор, так сказать, не ограничивал выражение своих психопатологических потребностей личной жизнью в то время, как «нормально» функционировал в публичном политическом качестве. Скорее, он находил главный выход этим потребностям в политической идеологии и политической деятельности. В терминах Лассуэлла его психопатологические «личные аффекты» переносятся на «общественные объекты» (289, 566).

Резерфорд соглашается: «По Лассуэллу, личные мотивы и мания заговоров Сталина переносились на общественные объекты — Коммунистическую партию, внутренние и международные отношения — и объяснялись общественными интересами, а также интересами благополучия и безопасности России» (245, 390).

Сказать, что политик действует на политической арене исходя из своих личных интересов, не значит утверждать, что это все, чем он занимается. Политик может приносить вполне реальную пользу обществу, даже совершая самый эгоистический поступок, такой как назначение друга на важный политический пост. Законодатель может применять объективные критерии, решая, как голосовать за предложенный закон. Что дает политическая власть (а политика без власти ничего не значит), так это возможность политику проявить личные интересы в политической сфере. Не все политики и не всегда используют эту возможность. Политический спектр широк. Он содержит психологические типы от умеренного Цинцинната, который бросил заниматься политикой и вернулся к плугу после того, как был диктатором, до мегаломаника Сталина, который вряд ли мог представить себе, что можно бросить политику. Как сказала Светлана Аллилуева о своем отце, «политика отодвинула в нем все другие человеческие интересы на задний план — и так было всю жизнь» (10. 315).

Через полвека или близко к этому, после того как Лассуэлл впервые предложил свою теорию, она была подвергнута значительному теоретическому обсуждению и даже некоторой эмпирической проверке (см.: 245; 121, 58 и далее). Насколько я понимаю Лассуэлла, он не утверждает, что политики умственно больны, хотя иногда складывается обманчивое впечатление, что именно таков его довод.

Действительно, Лассуэлл, как отмечал Такер (291, 39), исключает возможность занятия высоких должностей в тоталитарном правительстве личностями, не испытывающими к этому страстного желания. Но в любом случае «категория психопатологии» (Такер) на самом деле не была наиболее важной частью в теоретическом вкладе Лассуэлла. Я склонен согласиться с Резерфордом, подтверждающим теорию Лассуэлла следующим образом: «Дисктинция типов личности политиков должна проходить не между умственной болезнью и здоровьем, а скорее между интернализацией и экстерниоризацией как основами их поведения. Мир политики — плодотворная почва для экстерниоризации беспокойства и интрапсихического конфликта и как таковой притягивает личности с потребностью нахождения объектов для проекции и замещения» (245, 402).

Такер утверждает, что Сталин на самом деле был умственно больной («патологическая личность» — 290, 160; «где-то на континууме психиатрических проявлений, означающих паранойю» — 289, 566). В период политики гласности Горбачева даже в Советском Союзе стало возможным выдвинуть предположение, что Сталин страдал умственным недугом («душевная болезнь» — 19). Но

важно понять, что лассуэллианский (или общий психоаналитический) подход к объяснению поведения Сталина в действительности не требует решения вопроса о его умственном здоровье или болезни. Необходимо рассмотреть, как и в какой степени Сталин воплощал свои «личные» и «первичные» интересы на общественной арене. Даже применение таких клинических терминов, как «паранойя», «мегаломания», «садизм» etc., к Сталину не означает обязательно утверждения о его психопатологии. Фрейд и другие психоаналитики часто используют эти термины вне клинического контекста. Например, они могут быть применены при описании поведения ребенка во время игры или при анализе народных выражений. Психоанализ не эквивалентен психиатрии (ср.: 236, 11—13), как психобиография не эквивалентна патографии.

Глава 2

ПОВЕРХНОСТНАЯ СТРУКТУРА ДУШИ ДИКТАТОРА

Еще одной причиной, которая затрудняет решение вопроса о «патологии» поведения Сталина, является тот факт, что Сталин обладал огромной политической властью. Он был не простым смертным, а правителем. Обычные оценочные категории не всегда можно применить к тем, кого Гегель назвал «фигурами мировой истории».

Если Джо Блоу в словесной форме или как-то иначе попытается выразить иллюзию политического руководства, его психиатр верно поставит диагноз «патология мегаломании». Но если то же самое делает «Джо» Сталин, то это совсем другое дело. Борьба с оспой Джо Блоу может иметь «патологию», тождественную случаю с оспой «Джо» Сталина (Сталин действительно болел оспой в возрасте семи лет), но мания величия Джо Блоу не может быть приравнена к представлениям Сталина о его действительном величии. Здесь, возможно, срабатывает тот же внутренний механизм, но разные социополитические контексты дают совершенно разные результаты. Джо Блоу либо игнорируют, либо, если его поведение начинает слишком раздражать окружающих, помещают в лечебницу. Иосиф Сталин, окруженный послушным политическим аппаратом, напротив, мог серьезно тешить себя иллюзией о своем превосходстве над другими политическими фигурами, правящими Советским Союзом, и заниматься прославлением себя даже в неполитических сферах (например, к концу жизни он вообразил себя специалистом в лингвистике).

Сталин мог организовать — и организовал — постоянный хор лести и низкопоклонства, в который включились и средства массовой информации, и деятели искусства и академической науки. Алексеев (8) на основе документов исследовал частоту, с какой имя Сталина начиная с 30-х годов и до 1953 года упоминалось в советской прессе. По наблюдениям Вольского и Суварина, уже сам по себе характер того, как относилась к Сталину пресса тех лет, может служить

доказательством его мегаломании (306, 7). Панорамное исследование Лабиной бесчисленных способов, которыми превозносили Сталина, у здорового читателя может вызвать тошнотворное чувство (181, 61). Вот список, представленный Антоновым-Овсеенко, некоторых грандиозных эпитетов, использовавшихся средствами массовой информации по отношению к Сталину при его жизни: Великий Вождь советского народа

Вождь мирового пролетариата и просто —

Великий вождь

Великий Друг детей, а также — Друг женщин, колхозники! художников, шахтеров и актеров, водолазов и бегунов на длинные дистанции...

Продолжатель дела Ленина Великий мастер смелых революционных решений и крутых поворотов Творец Сталинской Конституции Преобразователь природы Великий Кормчий Великий стратег революции Величайший полководец Маршал

Генералиссимус Знаменосец коммунизма Отец Народов

Отец, Вождь, Друг и Учитель. Великий интернационалист Почетный пионер Почетный Академик Гений человечества Корифей науки

Величайший гений всех времен и народов (11, 283).

Ни одно его — используя этот термин в разговорном смысле — никогда не восхвалялось столь высоко и столь многими людьми. Или, если выразиться соответствующими психоаналитическими терминами (см., напр.: 127, 387 и далее), никогда нарциссические потребности индивида не встречали столь обильного «нарциссического предложения». Конечно, некоторые грандиозные титулы Сталина обнаруживают иллюзорный аспект его мегаломании («Корифей науки», «Великий стратег революции», «Величайший гений всех времен и народов»), Но другие описывают подлинное величие Сталина. Сталин действительно был «Преобразователем природы» и «Великим мастером смелых революционных решений и крутых поворотов». И только из-за его действительно могущества миллионы людей верили в поддельные эпитеты.

Медведев рассказывает историю, которая многое говорит о мегаломании Сталина. Разговаривая с католиком Грузинской Православной Церкви в середине 40-х годов, Сталин спросил его: «И кого же Вы больше боитесь — меня или Бога?» Служитель церкви был в замешательстве и не смог ответить. Тогда Сталин высказал следующее наблюдение: «Я знаю, что Вы больше боитесь меня, иначе Вы не пришли бы на встречу со мной в обычной гражданской одежде» (213, 2). В этом контексте отождествление Сталиным себя с Господом Богом полностью подтвердилось. Католик действительно боялся Сталина больше, чем Бога.

В других случаях, однако, Сталин, казалось, ставил себя в положение, подчиненное Богу, в которого он (по крайней мере какое-то время) верил. Так, когда в 1942 году Уинстон Черчилль спросил Сталина, мог ли он простить ему его роль в интервенции Антанты против Советов в 1918—1920 годах, Сталин ответил: «Все это в прошлом. Не мне прощать. Бог простит» (146, 161). Возможно, это заявление было искренним. Несомненно, что Сталин был глубоко религиозен в тот период, когда учился в духовной семинарии в Тифлисе, и что он сохранял необычайно положительное (для большевика) отношение к Русской и Грузинской Православной Церкви всю остальную жизнь (66).

Все то, что сказано в связи с мегаломанией Сталина, может быть сказано и о его паранойе. Когда Сталин был у власти, он мог в какой угодно степени быть параноиком. Хрущев в своей речи на XX съезде партии в 1956 году описывает то, что является очевидными параноидальными симптомами: «Сталин был очень недоверчивым человеком; он был болезненно подозрителен; мы знаем это по работе с ним. Он мог посмотреть на кого-нибудь и сказать: «почему ты сегодня не смотришь прямо?» или «почему ты сегодня отворачиваешься и избегаешь смотреть мне в глаза?» Такая болезненная подозрительность создала в нем общее недоверие и к выдающимся партийцам, которых он знал годами. Всюду и везде он видел «врагов», «лицемеров» и «шпионов» (57, 38).

«Вследствие необычайной подозрительности Сталина, у него даже появилась нелепая и смехотворная мысль, что Ворошилов был английским агентом. (Смех в зале.) Да, да, — английским агентом. В доме Ворошилова была даже сделана специальная установка, позволяющая подслушивать, что там говорилось. (Возмущение в зале.)» (там же, 67).

Де Йонг цитирует отчет Министерства иностранных дел Великобритании, где говорится, что Сталин так боялся покушения, что его врач «...должен был осмотреть ряд людей, которые все были так похожи на Генерального секретаря, что он не знал, кто из них был Сталин» (114,455).

Паранойя Сталина особенно ярко проявилась в его антисемитизме. К концу жизни он был поглощен идеей «сионистских» заговоров и организовал кампанию против так называемых «безродных космополитов». Гитлеровское «окончательное решение еврейского вопроса» он считал «правильным» и даже «гениальным» (42, 106). Евреи были вычищены из Центрального Комитета, городских комитетов, райкомов, судов, больниц, военных организаций и других заведений. В 1948 году Сталин приказал арестовать почти весь состав Еврейского антифашистского комитета. Он приказал арестовать писателей, которые пользовались идишем, таких как Маркиш, Февер, Квитко и пр. Еврейские школы, театры, газеты и журналы были закрыты. Квоты на евреев были установлены в университетах, институтах и на многих заводах. Сталин взял на себя личную ответственность за расследование «дела врачей», в котором группа докторов, главным образом евреев, была обвинена в убийстве или попытке убийства

различных высокопоставленных советских работников, принимавших участие в подрыве деятельности Международного еврейского благотворительного общества. В середине процесса Сталин обвинил членов Политбюро в недостатке суровости: «Страна погибнет, потому что вы не умеете распознавать врагов» (57, 54). Если бы Сталин умер позже, советские евреи, возможно, были бы депортированы из центральных городов в отдаленные районы. Те, кто остался в Москве, должны были бы носить желтые звезды, пришитые на рукавах. Эти и другие проявления антисемитского варианта паранойи Сталина хорошо документированы и выделены в лучших исследованиях личности Сталина.

Процессы 30-х годов, связанные с чистками, были, безусловно, самыми яркими публичными проявлениями того, что Сталин постоянно ощущал себя кем-то преследуемым (это, безусловно, не означает, что у этих процессов не было также и других причин, таких, как разногласия в партии или потребность Сталина получить более жесткий контроль над своими подчиненными). Такер выражается в сугубо лассуэллианских терминах: «...процессы служили не только политическим символом логической обоснованности Большой Чистки, но в то же время были психологическим символом попытки логически оправдать параноидальную тенденцию самого Сталина» (291, 71). Далее он говорит: «Мир Большой Чистки и процессов, с ней связанных, заполненный множеством замаскированных врагов, плетущих заговор с целью уничтожения сталинского режима и самого Сталина, был образным миром самого Сталина. Под сталинским руководством НКВД с помощью Вышинского и других подтверждал реальность этого мира и заставлял его проявляться еще более конкретно и убедительно, используя для этого аресты большого числа советских граждан, вынуждая их сознаваться, что они были замаскированными врагами, и выставляя их на показательные процессы, в которых бывшие ведущие оппозиционеры и другие люди публично объявляли себя виновными в измене. Соответственно, мы можем рассматривать процессы как приводной механизм, передающий

вовне работу чего-то похожего на параноидальную маниакальную систему, составляющими которой являются центральная тема (великий заговор) и злобная псевдообщность («Блок правых и троцкистов»). В этом отношении стенограмма процесса является документом из истории человеческой психопатологии» (там же; ср.: 94, 289).

Последнее утверждение, похоже, предполагает, что не только Сталин, но и вся политическая общность вокруг него была «патологической». Паранойя Сталина, другими словами, была заключена в нетипичный социальный контекст. Это была привилегированная паранойя² так же, как была привилегированной его мегаломания. Советское общество приспособлялось к этой паранойе, уничтожая себя. Это общество не устранило Иосифа Сталина. У нас нет причин думать, что внутренние психологические процессы, происходившие в Сталине, когда он появлялся на публике со своей паранойей, отличались от тех процессов, которые

управляют поведением обыкновенного параноика Другим был социальный отклик.

Известная садистская жилка Сталина — еще один аспект его личности, который можно было бы считать патологическим вне контекста деятельности Сталина. Эрих Фромм (135, 285) говорит, что садизм Сталина был «несексуальным садизмом». Сиомопулос и Гольдсмит (257, 637) предпочитают термин «характерологический садизм». То есть Сталин наслаждался, причиняя боль другим, но при этом якобы не испытывая сексуального возбуждения⁴. Например, он

лично уверял людей, что они находятся в безопасности, а непродолжительное время спустя их забирали. В тот самый день, когда был арестован Николай Вознесенский, Сталин пригласил его на свою дачу и даже предложил тост за его здоровье (75, 293). Сталин также арестовывал членов семей высокопоставленных партработников (жену Калинина, брата Кагановича и пр.) и затем наслаждался, наблюдая отчаяние этих функционеров, которые не осмеливались протестовать. Медведев приводит следующую историю: «...беседуя однажды с О. Куусиненом, Сталин спросил его — почему он не хлопчет об освобождении своего сына. «Очевидно, были серьезные причины для его ареста», — ответил Куусинен. Сталин усмехнулся и дал указание об освобождении сына Куусинена» (38, 595; ср.: 180, 227).

Одной из излюбленных жертв Сталина был его личный секретарь Александр Поскребышев: «Однажды под Новый год Сталин решил поразвлечься таким образом: сидя за столом, он стал сворачивать бумажки в маленькие трубочки и надевать их на пальцы Поскребышева. Потом он зажег эти трубочки вместо новогодних свечей. Поскребышев извивался и корчился от боли, но не смел сбросить эти колпачки» (38, 639; ср.: 239, 275—276).

«Говорят, что Поскребышев сам был вынужден представить на подпись Сталину ордер на арест своей жены. При этом он попытался встать на ее защиту. «Так как органы НКВД считают необходимым арест Вашей жены, — сказал Сталин, — так и должно быть». И он

подписал ордер. Увидев выражение лица Поскребышева, Сталин засмеялся: «В чем дело? Тебе нужна баба? Мы тебе найдем». И действительно, вскоре в квартире Поскребышева появилась молодая женщина и сказала, что ей было предписано вести его хозяйство» (122, 79; другие примеры приведены в книге Аллилуевой, 10, 386).

Эти акты жестокости Сталина, в сущности, не отличаются от еще более распространенной практики обычных профессиональных пыток (некоторые межкультурные и исторические документы по этому ужасающему предмету содержат следующие источники: 89; 84, 48—83; 262, 93—143; 227; 73). В целом садист есть садист, будь он испанским инквизитором или немецким нацистским «доктором», аргентинским военным мучителем или грузинским диктатором Со-

ветского Союза. Что делает садизм Сталина более интересным и имеющим большие последствия, чем другие виды садизма, так это то, что он имел несравнимую систему поддержки, громадную политическую машину, состоящую из многочисленных послушных чиновников (многие из которых сами были садистами), готовых исполнять любую прихоть тирана. Сталин не только знал о «примерах беззакония». Сталин фактически приказал применять «методы физического воздействия» против «врагов народа» и при случае даже уточнял, какой вид пыток нужно было использовать (57, 39; 211, 296— 297). Антонов-Овсеенко говорит: «Операции по истреблению безоружных подданных он планировал, готовил и осуществлял сам. Он охотно

входил в технические детали, его радовала возможность непосредственного участия в «разоблачении» врагов. Особое наслаждение доставляли генсеку очные ставки, и он не раз баловал себя этими поистине дьявольскими представлениями» (11, 167). Ввиду того что он был человеком умным и обстоятельства были благоприятными, Сталин был в состоянии реализовать фантазии подчинения, унижения и причинения боли в отношении большего числа людей, чем любой другой садист в истории человечества.

Садистское поведение отражает не только потребность причинять боль, но также страсть управлять другими. Эта страсть была достаточно очевидна тем, кто хорошо знал Сталина. Говоря о позиции, которую он выразил по отношению к различным странам Восточной Европы на Ялтинской конференции, Гарриман сказал: «Сталину нужны были слабые соседи. Он хотел доминировать над ними...» (146, 405).

Само имя «Сталин», производное от слова «сталь», предполагает огромную силу. Но сила — это всегда относительное понятие, отражающее властные взаимоотношения. Сталин часто выражал свою политическую силу посредством стальных инструментов, таких, как оружие его полиции. Либо если сталь не служила инструментом его воли, то это был металл, который он навязывал советскому народу во время «революции сверху», то есть во время проведения больших промышленных и сельскохозяйственных изменений в 30-е годы (индустриализация и коллективизация). Например, он воспринимал сопротивление крестьян попытке

подчинить их как отказ принимать его тракторы. Уинстону Черчиллю он сказал следующее: «Для России, если мы хотим избежать периодического голода, совершенно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы дали крестьянам тракторы, это испортило их в несколько месяцев... он [крестьянин] всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов» (100, IV, 408). Действительной проблемой, конечно, было не осуществление механизации. Советское сельское хозяйство можно было с успехом механизировать и без коллективизации. Напротив,

проблема заключалась в нежелании крестьян вступать в колхозы, а также в наличии потенциала националистической борьбы среди украинских крестьян (см.: 109). Но Сталин предпочел рассматривать проблему посредством стальных орудий, которые он навязывал крестьянам.

Личная потребность Сталина поработать свой народ была не всем очевидна. Некоторые наблюдатели попались на удочку его ненарочитого полувоенного платья, его тенденции прикрываться партийной организационной черной работой, его привычки публично отчитывать мелких чиновников, преступное поведение которых становилось слишком заметным (хорошим примером является статья в «Правде» 1930 года «Головокружение от успехов», в которой Сталин бранил чиновников, навязывавших коллективизацию крестьянам силой). Но даже не прибегая к психоанализу, большинство исследователей теперь осознали, как велика была

садистская потребность Генсека держать всех под контролем.

Властный характер Сталина был замечен очень рано его одноклассниками в Гори. Очевидно, маленький Сосо Джугашвили был классическим забиякой школьного двора: «Ребенком и юношей он мог быть хорошим другом до тех пор, пока подчинялись его требовательной воле» (164, 6, цит. по: 292, 72). Советские выборы, сделанные Каминским и Верещагиным, естественно, содержат только эвфемистические характеристики задиристого поведения Сосо, например: «Иосиф был тверд, настойчив и энергичен» либо «Сосо обычно был у нас «маткой» (руководителем, вождем) одной из групп» (28, 41 и 33). Немецкие фразы Иремашвили, описывающие молодого революционера, выглядят совершенно в духе Ницше: «Führerschaft Kubas», «Führer... unserer jungmarxistischen Gruppe», «Liebe zur Gewalt», «Streben nach Macht», «Produkt seines personalichen Machtwillenes » и пр. Словарь подобного рода, конечно, мог применяться и к другому тирану, который набирал силу в Германии в то время, когда Иремашвили писал там эти строки, а именно к будущему противнику Сталина, Адольфу Гитлеру. Джилас говорит, что «Сталин верил во власть an und für sich...» (119, 219). Троцкий придерживался мнения, что «желание упражнять свою волю, как спортсмены упражняют мышцы, навязывать ее другим — такова была главная движущая сила его [Сталина] личности» (288, 336). Медведев также утверждает, что жажда власти была основным мотивом преступлений, совер-

шешных Сталиным (211, 324 и далее). Даже противник психоанализа Чалидзе признает, что жажда власти могла лежать в основе преступного поведения Сталина после 1925 года (61, 17). Такер, который имеет склонность преуменьшать жажду власти Сталина, по крайней мере в 20-е годы (292, 488—489), указывает на «страстное желание Сталина осуществлять полный контроль и управление» (290, 159) в 30-е годы и позднее.

Это страстное желание было столь велико, что в итоге в бюрократическом аппарате, созданном Сталиным, не осталось ни одного человека, за которым не

была бы установлена слежка: «Секретариат [Сталина] превратился в государство в государстве, партию в Партии. Его действия распространялись на все партийные и государственные структуры. Поучительно взглянуть на организационную схему этого института, какой она была установлена в 1930 году. В ней были перечислены шесть главных подразделений: Организационный и директивный отдел, который следил за оргпарработой; Отдел агитации, отвечавший за разработку лозунгов и пропагандистских тем, которые внедрялись в сознание каждого советского гражданина, обрушиваясь на него с заголовков газет и из громкоговорителей; Отдел культуры и пропаганды, осуществлявший контроль над интеллектуальной и артистической деятельностью; Административное отделение; Отдел кадров, который осуществлял и одобрял назначения во всех областях правительственного управления,

политической и экономической жизни; Секретный отдел, осуществлявший контроль над политической полицией и разведывательной деятельностью внутри страны и за рубежом. Это была громадная сеть для сбора информации, осуществления контроля и перекрестного шпионажа, все нити которой находились в руках Сталина. Обладающий властью политический или правительственный деятель мог быть уверен, что где-то в Секретариате находится человек, который проверяет его работу и докладывает о проводимой им политике и исполнении приказов. Даже самый любимый помощник — Орджоникидзе или Каганович — знал, что все, что он говорит и делает, записывается по крайней мере в двух службах: ГПУ и Секретном отделе Секретариата (который после 1934 года стал носить невинно звучащее название Особый отдел). Слежка перестала быть просто чертой системы — она стала образом жизни» (301, 321).

Изобретение такой системы повальной слежки было делом самого Иосифа Сталина, жаловавшегося в 1931 году Эмилю Людвигу, бравшему у него интервью, на слежку, которую ему пришлось вынести во время учебы в семинарии: «...характер дисциплины бесил меня. Место это было очагом слежки и доносительства. В девять утра мы собирались пить чай, и, когда возвращались в свои спальни, все ящики были перерыты» (198, 18). Конечно, это были детские игры по сравнению с той слежкой, которую организовал Сталин, когда стал Генеральным секретарем Партии. Еще в 1923 году он установил аппаратуру, необходимую для прослушивания

4.

бесед высокопоставленных правительственных чиновников (14, 56 и далее). Массовая сеть шпионов, в итоге созданная им, стала одним из наиболее садистских его деяний. Несчетное количество людей, находившихся под его надзором, жили в постоянном страхе, и Сталин, должно быть, знал об этом. Жестокость в отношении, скажем, Поскребышева, которому он поджег пальцы, бледнеет по сравнению с этим.

Мстительность была еще одним важным компонентом характера Сталина. Многие из его жертв — Троцкий, Смирнов, Енукидзе, Тухачевский, Бухарин и другие — ранее каким-то образом обидели его. Уже в юности Сталин находился в плену навязчивой идеи отомстить («Rachegedanken» — 164, 12). В разговоре с Каменевым и Дзержинским в 1923 году Сталин сказал: «Выбрать своего врага, подготовить все детали удара, утолить жажду жестокой мести и затем отправиться спать... Нет ничего слаще в мире!» (224, 25). Эта фраза стала широко известна в партийных кругах как «теория сладкой мести» Сталина (ср.: 292, 211). Описание некоторых типов невротической личности Хорни довольно хорошо подходит к Сталину: «Главной мотивирующей силой в его жизни является потребность в триумфе мести» (159, 197; ср.: 292, 431, сноска 11). И он добился триумфа. Почти все советские политические деятели, которые когда-то в прошлом были хотя бы малейшим препятствием на его пути к диктатуре, а также многие из тех, кто являлся лишь воображаемым препятствием, были либо убиты, либо заключены в тюрьму, либо сосланы к тому времени, когда он достиг вершины власти в конце 30-х годов.

Для того чтобы действовать в соответствии со своими мстительными намерениями, Сталин, конечно, должен был проявлять терпение. Ему приходилось откладывать садистское наслаждение. Он и в самом деле был талантлив в оттягивании почти любого вида удовлетворения. Огромное терпение Сталина было известно всем в его окружении (см., напр.: 79, 257). Наряду с потребностью осуществлять контроль над другими параллельно существовала потребность самоконтроля. В редких случаях он срывался и вскипал от раздражения (большей частью такие вспышки гнева не были опасны в политическом смысле, например, это выражалось в том, что он кричал на подчиненного или бил своих детей). Обычно он мог держать себя в руках. Для некоторых выражением его самоконтроля были сами жесты. Один из переводчиков, работавших с ним, говорит: «Когда Сталин стоял, у него была монашеская манера сцеплять руки на животе или выше, сохраняя их сцепленными, даже когда он жестикулировал, просто слегка поворачивая ладони наружу, не отнимая их от груди, и именно эта поза была для меня символом его закрытой натуры» (200, 25).

Часто в моем воображении я вижу Сталина в этой позе. Я чувствую вызов с его стороны: что именно он «прячет» за этими лживыми жестами? Давая волю своему воображению, я начинаю желать, чтобы у меня был большой стальной резец и тяжелая киянка и чтобы я мог с их помощью проникнуть в грудь диктатора и тщательно исследовать содержимое.

Это, будьте уверены, всего лишь фантазия. Но я утверждаю, что такие фантазии играют важную роль в психоаналитическом исследовании исторических личностей.

Глава 3

ВОПРОСЫ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА: МОЙ СТАЛИНИЗМ ПРОТИВ СТАЛИНИЗМА СТА- ЛИНА

Представим теперь в самых общих чертах психологический портрет Сталина, возникающий при первом рассмотрении: чрезвычайно сдержанный, мстительный, параноидальный мегаломании с садистскими наклонностями, который не делал попыток приспособиться к обществу, но, напротив, в конечном счете заставил общество в некоторых отношениях приспособиться к себе.

Это довольно статичный, поверхностный портрет, почему я и называю его поверхностной структурой души диктатора (ср. понятие «феноменологическое описание», предложенное Гринстейном, — 142, 65). Надо признаться, что данный портрет требует интерпретации. Но тем не менее он дает представление о личности непреклонной, наводящей ужас. Портрет не из приятных. На деле же эта личность столь отвратительна, что многие историки предпочли обойти ее вниманием (либо вовсе отрицать ее существование), в еще меньшей степени они пытались проникнуть глубже, в подсознание Сталина.

В своей работе под названием «Мемуары биографа Сталина» Такер удивительно откровенно заявляет о своем личном отношении к Сталину: «Дело в том, что я испытываю отвращение к Сталину, и чем лучше я познавал его как объект своего биографического исследования, тем сильнее росло чувство отвращения» (297, 26). Чистосердечие такого рода радует. Важно отметить тот факт, что на каком-то этапе всем исследователям личности Сталина пришлось пережить по отношению к нему сильные эмоции, независимо от того, готовы они или нет открыто признать это в печати, как сделал профессор Такер. Психоаналитик Джордж Морейтис говорит в комментарии к «Мемуарам...» Такера следующее: «...временное подчинение воображению и логике личности, подобной Сталину, безусловно должно быть чрезвычайно пугающим и отталкивающим. Для этого требуется способность выдерживать регрессивные восприятия примитивного индивида, потерявшего связь с интеллектуальным и эмоциональным чувством реальности обыкновенного человека» (217, 336).

Я лично могу признаться в том, что испытал по отношению к Сталину сильные чувства, хотя и не был его прямой жертвой. Например, Сталин часто мне снился. Вот некоторые записи из

дневника: «Сон. Я на Таити. Я только что узнал из сообщения в журнале, что Сталин в действительности был не грузин, а выходец с Таити. Более того, он был не мужчиной, а женщиной с двумя грудями и бронзовым цветом кожи. Никто только что вскрыл его могилу на Таити. Я приехал из Москвы, чтобы взглянуть на останки, но было слишком поздно.

Я жил во времена Сталина. Но я не принадлежу к его времени. На самом деле я — секретный агент из будущего. Вначале я себя не обнаруживал. Я был мелким аппаратчиком в правительстве Сталина, выведывая о нем все что можно, при этом не выдавая себя. Но я не мог удержаться от искушения не вмешиваться. Временами я появлялся перед ним, затем растворялся в воздухе, когда он пытался причинить мне вред. «Я — голос будущего», — сказал я, напоминая ему, что он скоро умрет...

Сталин вышел из себя настолько, что готов был убить меня. Казалось, смерть неизбежна. В конце концов он все же меня убил. Я лежал на дороге возле своего автомобиля. Т[...] был рядом, пытаюсь меня спасти. Он снял трубку ближайшего телефона, чтобы позвонить 911 — но затем повесил ее или бросил ее, так и не повесив».

В некоторых из своих снов о Сталине я испытываю гнетущий страх перед этим человеком, настоящий ужас. Я проснулся от одного из таких снов, — не помню, о чем он был, — все еще не освободившись от ужаса. Я вынужден был сказать себе, что Сталина больше нет в живых, что он ничего не может мне сделать.

Когда у меня на несколько минут возникают свободные ассоциации, все эти кошмары неизбежно возвращают меня к отцу, и я вспоминаю о том безмерном страхе, который я некогда испытывал по отношению к нему. Сталин, как оказывается, лишь личина, под которой выступает мой отец в некоторых из моих наиболее гнетущих кошмаров. Эти два человека соединены в моем сознании разнообразными ассоциациями. Например, мой отец — калека, которому нужен костыль, чтобы передвигаться. Я представляю Сталина калекой — его физические недостатки будут описаны ниже. Костыль моего отца сделан из стали, которая дала имя Сталину. Во мне живет воспоминание о том, что я держался от отца на безопасном расстоянии, когда он впадал в гнев, — расстояние точно соответствовало длине его костыля. Существуют и другие ассоциации, еще более тревожные, более отталкивающие. Читатель поймет, что я не могу обсуждать в печати все подробности. Достаточно сказать, что я мучительно преодолел — верный термин из психоанализа «проработал» — большое количество подобного психического материала, чтобы с уверенностью утверждать, что истоки моего интереса к Сталину лежат в интересе к моему отцу.

Враждебные и полные страха чувства к Сталину временами уступают место более положительному отношению. В какой-то момент, когда я с головой погрузился в чтение всех биографий Сталина, которые мне удалось достать, мне стало откровенно жаль этого человека. Написав до этого пространный очерк о русском писателе Александре Солженицыне, я сделал в дневнике следующую запись: «Занимаясь анализом такого «хорошего парня», как Солженицын, я позволил себе отождествиться с ним и испытываю чувство вины, обнаруживая злые намерения, скрытые за возведенным им фасадом. Но когда я занимаюсь «плохим

парнем», подобным Сталину, у меня нет угрызений совести, если я точно указываю каждый порок, каждый мотив, скрытый за его фасадом. И все же я с ужасом ловлю себя на том, что отождествляю себя с ним (например, у Сталина было три или четыре десятилетия полезной, продуктивной работы — сколько десятилетий отпущено мне?)».

Должен ли исследователь личности Сталина признаваться, что он настолько увлекся им, что начал говорить о «полезной, продуктивной работе»?

Я утверждаю — да, он имеет такое право; но даже это не исчерпывает ответа полностью.

Я наблюдал многочисленные признаки отождествления себя со Сталиным. Например, работая над этой книгой, я занимался организацией научной конференции в своем университете. Однажды, составляя планы заседаний конференции, я немного пофантазировал: «Я не стану руководить церемониями заседаний конференции. Вместо этого я назначу кого-нибудь другого заняться этим, а сам буду управлять действием из-за кулис, как это сделал бы Сталин. Во время выступления докладчиков я поднимусь с места и стану прохаживаться по сцене, заставляя нервничать докладчика и публику, и время от времени буду вставлять резкие замечания, как обычно делал Сталин на политических заседаниях».

Однажды летом, когда я день и ночь напролет занимался только исследованием личности Сталина, я записал в дневнике следующее: «...Я с ужасом думал о том, что мне придется пойти на вечер к Б[...] и встретиться с ее политическими единомышленниками и коллегами.

Я представлял себе встречу с ними и что я отвечу, если меня спросят, чем я сейчас занимаюсь. В одном конкретном случае в моем воображении возникла картина того, как я протягиваю руку, чтобы поздороваться с кем-то, и говорю: «Привет, я — Джо Сталин». В этот момент я не осознавал, что это была игра воображения, и минутой спустя пришел в ужас, когда понял, куда завела меня фантазия».

Тем же летом я прочел изумительные мемуары Шостаковича под названием «Свидетельство». Меня поразило то, что Сталину не нравился роман Зощенко «Перед заходом солнца» (254, 267). Как же так, подумал я, ведь мне он всегда нравился? По-видимому, в этом случае мое отождествление со Сталиным предполагает также наличие проекции.

Дело в том, что никто не возьмется за исследование личности Сталина, не пропустив через себя ее особенности. Я убежден, что даже биограф Сталина, не имеющий никакого отношения к психоанализу, отводит Сталину место в своих фантазиях. Это означает, что во многих биографах Сталина бьется слабая жилка мазохизма, — если предположить, что, подобно Такеру, они исполнены «чувства омерзения» к Сталину и все же продолжают заниматься «омерзительным» объектом своего исследования. И разве это противоречит тому, что объект их имел

такие садистские наклонности? Такер говорит нам, что его друзья стали называть его «последней жертвой Сталина» (297, 26).

Или, может быть, в действительности Сталин не столь отвратителен биографам, как они хотели бы внушить это читателю. Возможно, биографов привлекает к Сталину нечто, помимо мучительной необходимости сосредоточивать свое внимание на актах чудовищного социопата. Такер говорит, что он так увлечен желанием понять Сталина, что теперь может постигнуть, каково было быть Сталиным: «Теперь, когда я вместе со Сталиным пережил события 30-х годов, пытаюсь воссоздать его действия в том виде, как они формировались в его сознании, я считаю, верно или нет, что знаю его достаточно хорошо, чтобы быть в состоянии думать за него и, в этом смысле, быть Сталиным при поиске ключевых решений и проведении их в жизнь» (там же).

За этим признанием, я думаю, таится еще одно откровение, которое относится ко всем тем из нас, кто когда-либо испытывал глубокий научный интерес к Сталину: в нас живет потребность быть Сталиным, потому что через личность Сталина мы в какой-то мере познаем самих себя. (Д-р Морейтис, обращаясь на конференции к Такеру, упомянул о «Сталине в нем». См.: 300, 267.) При «воссоздании» внутренних мыслительных процессов Сталина нам приходится прибегать к собственным мыслительным процессам так же часто, как мы используем внешние, отраженные в истории факты из жизни Сталина. Мы были бы не в состоянии постичь необузданную мегаломанию Сталина, его паранойю, садизм, нарциссизм и пр., если бы не испытали этих явлений в себе — хотя и в гораздо более слабой форме, не имеющей общественнополитических последствий. Сталин напоминает нам самих себя даже тогда, когда мы приходим в ужас от его «патологических» деяний.

Позвольте привести конкретный пример. Те, кто пишут книги (и хотят, чтобы их книги читали), обладают сильным Эго. На деле более сильным, чем я предполагал, прежде чем занялся написанием книги о Сталине. Так случилось, что, когда я писал о нарциссизме и претенциозности Сталина, я тоже с волнением предвкушал публикацию книги, недавно мною завершенной. Это было напряженное время, гораздо более напряженное, чем должно было быть. В какой-то момент ожидания выхода книги мне пришло в голову, что частично причиной чрезмерного напряжения был мой собственный нарциссизм. Сталин слишком сильно напоминал мне меня самого. Я обнаруживал, что мои мысли переносятся от темы культа личности к конкретным случаям из моей собственной юности, когда я занимался самообманом относительно моих личных способностей в некоторых областях. Я не собираюсь описывать эти случаи, приводя и далее выдержки из своих дневников. Но я могу сказать, что мое понимание того, как Сталин обманывал себя и посредством этого сохранял созданный им идеализированный образ, помогло мне лучше осознать собственные примеры самообмана и, напротив, мой собственный самообман помог мне постичь, каким образом Сталин мог обманывать себя из самолюбования. Возможно, такая связь между моей

претенциозностью и претенциозностью Сталина осталась бы неосознанной, если бы книга не появилась в печати. Вероятно, я постиг бы нарциссизм Сталина более поверхностно, если бы я постоянно не думал о предстоящем выходе книги и, следовательно, моем представлении о себе¹.

В психоанализе принято считать, что в каждом индивиде заложено ядро нарциссизма. Это означает, что претенциозные иллюзии, страх быть сломленным, страсть к уничтожению других, потребность управлять и пр. — все это совершенно типично для ранней стадии развития человека и сохраняется в воображаемом мире нормальных взрослых людей. Если допустить возможность, что психоанализ правильно освещает этот вопрос, тогда, по определению, следует согласиться с возможностью того, что в глубине души, на уровне неполного осознания и ограниченной возможности действовать, мы все сталинисты.

Однако после сказанного позвольте мне добавить, что тем не менее можно изучать Сталина научными методами и сделать выводы, верно отражающие реальные события жизни Сталина. Познавая природу собственных душ, мы тем самым увеличиваем, а не уменьшаем возможность приблизиться к «объективному» Сталину, даже если в конечном счете полное сближение и должно быть признано недостижимым. Мы расширяем, а не сужаем инструментарий нашего научного анализа, так как помимо биографий, архивов, литературных описаний, свидетельств оставшихся в живых очевидцев и пр. мы также можем использовать самих себя — наши дневные грезы и ночные сны, ошибки при письме, нашу глубинную интуицию — как правомерные источники информации о Сталине.

Конечно, мы обязаны использовать все источники, проявляя должную научную осторожность, — например, рассматривая приснившийся прошлой ночью сон о «Дядюшке Джо», мы должны проявлять в той же степени скептицизм и сдержанность, что и при чтении весьма тенденциозной биографии Сталина, написанной Львом Троцким, а также жестокого, местами непоследовательного портрета тирана, данного Антоновым-Овсеенко.

Биографы и историки, конечно, всегда пользуются «здравым смыслом» и «суждением», решая, что сказать и о чем умолчать в отношении объекта своих исследований. Этот процесс принятия решения частично подразумевает использование интуиции для понимания того, как работает человеческий мозг. Историк Питер Гей говорит следующее: «Профессиональный историк всегда психолог, но психолог-любитель» (136, 6). Психоанализ предлагает способ избежать такого непрофессионализма, а также непосредственно помогает использовать интуицию в биографических и исторических целях.

Все это может показаться новшеством ученым, использующим традиционный подход в исследовании сталинского периода, но это вовсе не ново для психобиографов и психоаналитиков. Если, например, мы обратимся к недавно аннотированной Уильямом Гилмором библиографии психоисторических исследований, мы обнаружим, что в ряде его статей говорится о привлечении духовной

сферы самого историка как источника изучения исторических личностей (139, напр., 7 [Эриксон], 13 [Де Мауз], 23

[Безансон], 30 [Девере]). Психоисторик Питер Лоуэнберг ссылается на психоаналитическое явление переноса при объяснении того, что происходит с ученым-историком: «Историк или исследователь переживает иллюзии и переносы в связи с материалом, который он исследует. Ему необходимо знать о них и использовать такие реакции как инструмент познания, с тем чтобы углубить исследование, как это делает современный психоаналитик» (195; ср.: 182, 228). Итак, сильные ощущения подсознательного происхождения, связанные главным образом с теми, что были испытаны людьми в раннем детстве (в моем случае — с отцом), неизбежно переносятся ученым, исследующим личность Сталина, на Сталина. Если ученый не использует такой перенос, тогда маловероятно, что он сможет проникнуть в подсознательный мыслительный процесс самого Сталина. Пользуясь терминологией Фрейда, без переноса ученому, который занимается изучением Сталина, будет трудно применить свое бессознательное «как рецептивный орган» к «передающему бессознательному» Сталина (133, XII, 115).

Но в этом заключен парадокс. Если я путаю Сталина со своим отцом (перенос) или если я принимаю себя за Сталина (отождествление, проекция), тогда как можно утверждать, что я «понимаю» Сталина? Возможно, напротив, я его неверно понимаю?

Так оно и есть. Но в идеальной психоаналитической ситуации такое неверное понимание должно отбрасываться. Со временем оно выбраковывается, так как при психоанализе налицо

как анализирующий, так и анализируемый (в том случае, если в процессе оба лица выступают в одном, то процесс носит название самоанализа, наиболее известным примером которого является анализ Фрейдом его так называемого «сна Ирмы»). Историкам и биографам, находящимся в неведении относительно своих собственных переносов, отождествлений и проекций, то есть тем, кто не использует самоанализ, угрожает опасность представить объект своего исследования в неверном свете (но это вовсе не означает, что отсутствие самоанализа — единственная причина неверного толкования объекта). Я думаю, что в течение трехлетнего периода работы над своим объектом я добился некоторых успехов в определении того, в чем различие между советским диктатором и дерущимся костылем стариком, а также мною самим.

Но преимуществом самоанализа является нечто большее, чем просто способ избежать ложных выводов. В сущности своей люди очень сильно похожи друг на друга. Следовательно, они имеют много общего и со Сталиным. Так называемые «патологические» качества Сталина, по моему утверждению, нам понятны, так как и мы в какой-то степени ими обладаем (я обладаю ими, мой отец ими обладает, читатель книги ими обладает). Явления переноса, отождествления, проекции — это проявление потребности человека находить сходство.

Иногда сходство отсутствует. Но чаще оно есть. Если бы его не было, мне кажется, сама тенденция его поиска давным-давно исчезла бы в результате процесса естественного отбора Дарвина. Таким образом, я мог сделать мгновенный и ошибочный вывод, что Сталину должен был нравиться роман Зощенко, потому что я восхищался им. Но я также пришел к другим, более убедительным выводам, основанным не на проекции, а на объективно различимых чертах личности Сталина, которые мне никогда не пришло бы в голову искать, если бы они некоторым образом не соотносились бы с чертами моей личности или личности моего отца.

В настоящую книгу не включены записи самоанализа, сопровождавшего мой психоанализ Сталина (выдержки из дневников, приведенные выше, лишь малая часть айсберга мысленных образов и аффектов). Напротив, я отбросил самоанализ, раз он выполнил роль инструмента научного исследования.

Эффективный научный психоанализ, включающий отождествления, переносы, проекции и интуицию, необходимо использовать наиболее полно. Это касается меня, а не Сталина. Психоанализ и самоанализ соотносятся так же, как, к примеру, персональный компьютер IBM и тот текстовый редактор, которым я пользуюсь. Компьютер производит разного рода сложные операции, когда они мне необходимы, но вряд ли нужно было бы описывать эти операции в окончательном варианте распечатки.

Я не стану более обременять читателя подробностями своего самоанализа, несмотря на то что они, возможно, и сыграли существенную роль в процессе написания настоящей книги (об этом см.: «Послесловие»),

Глава 4 **«БИТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ»**

В попытке найти причину возникновения некоторых черт личности диктатора Тагер обращается к его детству.

Мать Сталина, Екатерина (Като, Кеке) Джугашвили, была обремененной тяжелым трудом женщиной-пуританкой, которая часто колотила своего единственного оставшегося в живых ребенка, но была безгранично предана ему (164, 10—12; 28, 28 и далее; 72, 360; 71, 153). Друг детства Сталина Давид Мачавариани говорит, что «Като окружала Иосифа чрезмерной материнской любовью и, подобно волчице, защищала его от всех и вся. Она изматывала себя работой до изнеможения, чтобы сделать счастливым своего баловня» (112, 34). В интервью американскому журналу Екатерина сказала: «...Сос был моим единственным сыном. Конечно, он был дорог мне. Дороже всего на свете» (175, 2). Позднее Екатерина была разочарована, когда ее сын так и не стал священником, хотя он и посещал духовную семинарию в Тифлисе.

Отец Сталина, Виссарион (Бесо), был сапожником, подверженным пьянству и приступам жестокости. Он избивал Екатерину и наносил маленькому Сосо «незаслуженные, ужасные побои» (164, 10—12; contra: 44, № 5, 76; ср.: 79, 262; 75, 233—234). Был случай, когда ребенок попытался защитить мать от избиения отца. Он бросил в Виссариона нож и пустился наутек (72, 360). В другой раз Виссарион ворвался в дом, где находились Екатерина и маленький Сосо, обозвал Екатерину «шлюхой» и набросился с побоями на нее и сына: «Минутой позже мы [Давид Мачавариани со своими родственниками и соседями] услышали звук бьющейся посуды, пронзительные крики жены [Виссариона], а маленький Сосо, весь в крови, стремглав бросился к нам с криками: «Помогите! Идите быстрее, он убивает мою мать!» Мой отец и соседи с трудом уняли Бесо, который с пеной у рта и усевшись верхом на грудь Като душил ее. Чтобы утихомирить его, пришлось стукнуть его и связать по рукам и ногам. Моя мать занялась беднягой Сосо, у которого на голове была рана, и, так как он боялся возвращаться домой, они с Като остались на ночь у нас, тесно прижавшись друг к другу на матрасе на полу» (112, 36—37).

Жестокого отца и мужа постигла страшная участь. Когда Сосо было одиннадцать лет, Виссарион «...погиб в пьяной драке — кто-то ударил его ножом» (71, 145; ср.: 44, № 5, 76). К тому времени сам Сосо проводил много времени в компании молодых хулиганов Гори и развивал свои способности уличного драчуна (см.: 112).

Иремашвили говорит, что смерть отца «не произвела никакого впечатления на мальчика» (164, 12). Но, с точки зрения психоанализа, такое утверждение является в высшей степени наивным. Несмотря на жестокость Виссариона, он все же был до этого момента самым важным человеком в жизни Сосо. Более того, едва ли Сос мог оставаться безразличным к человеку, который спал с его собственной матерью. И далее, именно нож Сосо бросил в Виссариона, который впоследствии умер от ножевой раны. Ранее испытанное им желание смерти отца исполнилось буквально. Мысль о том, что можно фактически уничтожать своих противников, должно быть, закралась в подсознание Сталина задолго до того, как он начал осуждать, ссылать, сажать в тюрьму, казнить и другими способами уничтожать настоящих и воображаемых врагов, уже будучи взрослым человеком.

Взрослый Сталин не хотел признаться в том, что провел ранние годы в атмосфере насилия, царившей в доме. Когда биограф Эмиль Людвиг, частично использующий фрейдизм, прямо спросил Сталина об этом, тот решительно отрицал подобное утверждение: «Людвиг: Что Вас толкнуло на оппозиционность? Выть может, плохое обращение со стороны родителей?

Сталин: Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо» (48, XIII, 113).

Здесь Сталин либо лжет, либо (что более вероятно) просто не помнит о тех ужасных побоях, которые испытал в детстве от отца. Несомненно, различные свидетельства о том, что в детстве его били, заслуживают большего доверия в этом вопросе, чем сам Сталин.

Такер утверждает (292), что побои, свидетелем которых был Сталин (и, я бы добавил, испытал на себе), в результате привели к сохранившейся на всю жизнь потребности бить оппонентов как в прямом, так и в переносном смысле (ср. также: 126,136). Например, сформулированный Лениным применительно к борьбе социализма с капитализмом вопрос «кто — кого?» оказал на Сталина гипнотическое действие. Идея «бей кулака», бытовавшая в некоторых партийных кругах в 20-е годы, была с энтузиазмом воспринята Сталиным. На протяжении всего процесса о «заговоре врачей», проходившего как раз накануне смерти Сталина, он, говорят, давал следующие указания по поводу того, как нужно обращаться с обвиняемыми: «Бить, бить и еще раз бить»(цит.по:57,53).

Современники Сталина, похоже, знали о его одержимости идеей битья. Грузинский меньшевик Ираклий Церетели шутил, что в устах Сталина, говорившего с сильным грузинским акцентом, фраза «Бытие определяет сознание» звучала как «Битие определяет сознание» (243. 13).

Вероятно, одним из самых ярких примеров одержимости Сталина побоями в переносном смысле, которыми изобилует публичная речь Сталина, может служить отрывок из сборника «Вопросы ленинизма» (Генсек в 1931 году дает советы, каким образом ускорить темпы промышленного и сельскохозяйственного производства): «Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно за твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная» — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит ты неправ, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нам нельзя больше отставать. В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите

ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утерю свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет» (48, XIII, 38—39).

Синтаксический параллелизм в первом абзаце, основанный на глаголе «бить», совершенно очевиден. На одной странице русского текста речи Сталина производные от основы глагола «бить» встречаются 17 раз.

Выражаясь в терминах Лассуэлла, навязчивая идея Сталина о битье как в прямом, так и в переносном смысле является ярким примером «перенесения личных мотивов с объектов семьи на объекты общества» (187, 75). В отрывке, процитированном выше, нетрудно разглядеть «объект семьи». Это собственная мать Сталина, представленная в «объекте общества», каковым является «матушка Русь». Комментируя этот отрывок, психоаналитик Абрахам Фельдман говорит следующее: «С точностью греческой трагедии ребенок Кеке Джугашвили мстил, в виде символических действий на сцене мировой истории, собственному отцу, злобу на которого он затаил еще с тех пор, когда жил в Гори» (126, 136). Но следует отметить поэтику этой мести: Сталин переходит от метафоры «матушка Русь», которую бьют, к новой метафоре — «нашего социалистического отечества», которое не бьют. Тиран отдал явное предпочтение отождествлению себя с агрессором («власть у нас»), а не с тем, против кого направлена агрессия. («Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!»)

Однако на другом уровне страна все же избивалась — самим Сталиным. Теперь он бил тех, кто «отстал», кто не смог угнаться за «большевистскими темпами». Таким образом, в переносном смысле в «побоях», которые Сталин наносил своей стране начиная с 1929 года, присутствовал аспект Эдипова комплекса. К тому времени все ассоциируемые с отцом потенциальные соперники в соревновании за материнскую фигуру России — царь, Ленин, Троцкий, Бухарин и др. — фактически отсутствовали на сцене. Остался лишь Сталин, победитель, владеющий «матушкой Русью», новый «отец», в руках которого было то, что обычно считалось «землей отца», «отечеством». Такая ситуация соответствует групповому образу, который знаком психоисторикам, где «воображаемый лидер всегда выступает в образе отца, а сама группа обычно представляется в образе матери...» (115, 17). Далее будет более подробно рассказано об отцовском аспекте образов соперников Сталина в борьбе за политическую власть в России» о собственной тенденции Сталина отождествлять себя с агрессорами и о его концепции отца-вождя советского народа применительно к самому себе.

Глава 5

ЗАЩИЩАЯ ИДЕАЛИЗИРОВАННОЕ «Я»

Обладая громадной властью, Сталин имел широкие возможности «бить» врагов. Но независимо от того, скольких он «побил», он оставался весьма неуверенным в своей безопасности человеком. Недостаточно ему было и лести, которая в избытке предоставлялась культом личности. За всем видимым публике величием было запряжено чувство личной непригодности и неполноценности. Главным образом это было связано с оставшимся чувством унижения, испытанного от руки обидчика — отца. Но были также и другие причины тому, чтобы испытывать чувство неполноценности или отсутствия любви к себе. Сталин был выходцем из низшего сословия в Грузии. Он имел небольшие физические недостатки. В результате болезни или несчастного случая в детстве левая рука стала неправильно развиваться, оставшись заметно короче правой, и хронически не сгибалась в локте. Лицо его было в щербинах после перенесенной в детстве оспы (в простонародье его называли «рябой» — 30, 107). Второй и третий пальцы на левой ноге были сращены вместе. Он так и не вырос выше 160 см («Я заметил, что, когда его фотографировали, он поднимался на ступеньку выше других...» — 200, 25). Сталин не научился говорить по-русски без акцента, свойственного грузинам. В отличие от своих товарищей-большевиков, большинство из которых были яркими интеллигентами-космополитами, Сталин очень мало путешествовал на Западе, не владел ни одним европейским языком, был плохим оратором, и его считали, в лучшем случае, весьма посредственным теоретиком.

Имея все эти недостатки, Сталин, должно быть, испытывал постоянное гнетущее чувство неполноценности. Совсем не обязательно, что он знал о наличии этого чувства, и временами оно проявлялось вовне совершенно неожиданными способами. Вот, например, описанный Черчиллем случай на Потсдамской конференции: «Затем произошло нечто весьма странное. Мой грозный гость поднялся со своего места с карточкой меню в руках и пошел вокруг стола, собирая автографы многих из присутствующих. Я никогда бы не подумал, что он мог быть собирателем автографов! Когда он вернулся ко мне, я по его просьбе поставил свою подпись, и мы оба посмотрели друг на друга и рассмеялись. Глаза Сталина искрились весельем и юмором» (100, VI, 669).

Было не только странно, что такой «грозный» лидер, как Сталин, пожелал иметь автографы собравшихся знаменитостей. Это выглядело жалким. На кого он думал произвести впечатление автографами? Конечно, на себя самого. Даже в зените влияния и почета, оказываемого ему как мировому лидеру, он испытывал потребность иметь осязаемое, письменное доказательство того, что он был на короткой ноге ее знаменитостями.

Как психоаналитики, так и ученые, не использующие психоанализа, заметили то, что Сталин был о себе низкого мнения. Быковский, например, говорит

о «бессознательном комплексе неполноценности» Сталина (93, 233), а Медведев пишет, что, «начиная с юности, Сталин обладал определенным комплексом неполноценности» (38, 630)¹. Выражаясь более традиционными (не адлеровскими) психоаналитическими терминами, нарциссизм Сталина в некоторые моменты его жизни ущемлялся. Ущемление нарциссизма, если оно не вызывает депрессивной тенденции или тенденции к самоубийству, может привести через чрезмерную защитную компенсационную реакцию к мании величия или чувству превосходства (127, 420—421; 221). Как говорит Хорни, «индивид создает свой идеализированный образ, потому что не может выносить себя таким, каков он есть на самом деле» (158, 112). В отличие от здорового чувства всемогущества в ребенке или в уверенном в себе, хорошо приспособленном к среде взрослом человеке, мания величия носит защитный характер и маскирует скрытое беспокойство (ср.: 192).

Хрущев говорит, что Сталин своей рукой вносил самовосхваляющие пассажи в рукопись официальной «Краткой биографии». Например: «На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки» (57, 59). Такер совершенно верно говорит, что Сталин считал себя гением: «Чтобы понять Сталина, мы

должны увидеть его как человека, для которого выражение «гениальный Сталин», постоянно применяемое к нему средствами массовой информации после середины 30-х годов, выражало его фундаментальные представления о себе самом» (292, 437). Коллеги Сталина превосходно понимали, что его нарциссизм нуждался в постоянной поддержке в виде подобных выражений, и знали, что любые протесты с его стороны были фальшивыми. Однако те, кто не входил в его окружение, не всегда осознавали это, как то можно видеть из записи Лиона Фейхтвангера о разговоре со Сталиным в 1937 году: «Из всех известных мне людей, которые обладали властью, Сталин самый непретенциозный». Далее в записи следует: «Он пожимает плечами в ответ на вульгарность и безудержное восхваление его личности. Он оправдывает своих крестьян и рабочих на том основании, что у них слишком много забот, чтобы приобрести хороший вкус, и посмеивается при виде сотен тысяч громадно увеличенных портретов человека с усами, которые пляшут перед ним во время демонстраций.

Если он и выносит все похвалы, объяснил он, так это потому, что ему известна наивная радость, которую испытывают организаторы празднеств, и он знает, что предназначены они не ему лично, а представителю того принципа, что построение социалистической экономики в Советском Союзе является более важным делом, чем перманентная революция» (128, 76—77).

Сталин не «выносил» «безудержные восхваления его личности». Напротив, он отчаянно в

них нуждался, как показывал Такер. По словам анонимного советского чиновника в интервью американскому корреспонденту Юджину Лайонзу в 1929

году, тщеславие — это «ахиллесова пята» Сталина и он «...реагирует на малейшие ущемления его достоинства как на электрический шок» (201, 264). Когда ему представили краткое изложение статьи Фишера, напечатанной в «The Nation» в 1930 году, в которой было рекомендовано «прекратить личное восхваление Сталина», Генсек, говорят, воскликнул: «Сволочь!» (см.: 296, 349). Даже писатель-сталинист Александр Чаковский признает, что Сталин поощрял «культ личности» (59, I, 283).

Хотя Сталину был нужен культ его личности, иногда он осознавал нечестность, к которой были вынуждены прибегать его льстецы. Поздравляя Виктора Некрасова со Сталинской премией, присужденной ему за роман «В окопах Сталинграда», Сталин спросил: «И почему твоя книжка мне понравилась?..» И ответил: «Задница у меня болит, вот почему. Все ее лижут, совсем гладкая стала» (42, 89). Единственный раз русский писатель написал честный, реалистичный военный роман, лишенный привычного прославления советского руководства.

По поводу постоянной потребности Сталина в лести существует много популярных советских анекдотов, один из которых приведен ниже. Он был взят мною из книги «1001 избранный советский политический анекдот» Ильи Телесина.

«Объявлены три премии за лучший проект памятника Пушкину.

Третью премию получил проект — Сталин читает Пушкина.

— Эта верна истарычески, — сказал Сталин, — но не верна палытычески: гдэ генэральная лыния?

Вторую премию получил проект — Пушкин читает Сталина.

— Эта верна палытычески, — сказал Сталин, — но не верна истарычески: ва врэмя Пушкина таварищ Сталин ешо нэ писал книг.

Первую премию получил проект — Сталин читает Сталина» (52, 42).

Другими словами. Нарцисс, взирающий на отражение Нарцисса в воде.

Но все это вовсе не предполагает, что потребность Сталина в лести не имела также важных политических или социальных функций. Например, культ Сталина, возможно, помогал удовлетворять потребность в фигуре отца во все более ориентированном на мать и лишенном отца советском обществе (см. ниже,

с. 174 и далее). Либо культ, возможно, как предполагает Гетти (137), послужил тому, чтобы скрыть отсутствие целостности партии в 30-е годы.

Коллеги Сталина не первые усилили его нарциссизм. На деле он мог просто стать хронически депрессивным взрослым человеком, а не диктатором Советского Союза, если бы ему кто-то ранее в его жизни не помог создать компенсирующее, ослепляющее чувство величия. Этим человеком была его мать. «Испытывая на себе беспричинное восхищение матери, он вырос,

принимая его как должное, ожидая, что к нему будут относиться как к идолу и по заслугам. Поощренный ее идеализацией, он начал сам себя идеализировать...» (292, 76, ср.: 292, 439). То, что Сталин воспринимал политическую лесть в специфично материнских терминах, можно увидеть в его напечатанном ответе на панегирики, полученные им по случаю дня рождения в его пятидесятилетие: «Ваши поздравления и приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобию» (48, XII, 140). Такер комментирует это надлежащим образом: «Вместо обожающей матери своего детства он испытывал потребность в обожающей партии» (292, 468) — и в итоге он ее получил. Не без причины, следовательно, и Такер (292, 76), и Фельдман (126, 31) напомнили об известном изречении Фрейда о преуспевающих мужчинах: «...если мужчина был безусловным любимчиком своей матери, он на всю жизнь сохраняет победоносное чувство уверенности в успехе, которое нередко приносит с собой действительный успех» (133, XVII, 156; V, 398). Я бы только добавил, что «уверенность в успехе» в случае Сталина должна толковаться как самоуверенность. Сталин вследствие этого никогда не был достаточно свободен от чувства обеспокоенности.

Идеализированный собственный образ, созданный Сталиным, позднее трансформировался в «общественный объект» (используя термины Лассуэлла) под такими личинами, как «Отец народов», «гений человечества» и пр. Не его онтогенез корнями уходит в «личный объект», нарциссически ущемленного Сосо, который тем не менее был обожаем матерью. Таким образом, чудовищные преступления, совершенные Сталиным против человечества, были в некотором смысле следствием фанатичной преданности матери к своему единственному оставшемуся в живых ребенку так же, как они были воплощением в действие жестоких побоев, испытанных от отца.

Это не означает, что личность Сталина сформировалась только под влиянием взаимоотношений с родителями. И это не означает, что некоторые его личные качества не были врожденными, то есть изначально детерминированными его биологическим строением. Например, его в общем высокий интеллектуальный уровень (включая его способность понимать сложные ситуации и хорошо известную способность запоминать большие объемы подробной технической информации) в какой-то мере, должно быть, был дан ему от рождения. Его чисто физическая энергия, которая проявлялась в привычке прохаживаться во время

общения с коллегами и в способности работать много часов подряд, должна была быть частично заложена в генах (которые в свою очередь были отпечатками генов матери и биологического отца). Самые проницательные исследователи человеческого поведения, такие, как Коннер (177), признают, что окружающая среда? гены составляют констелляцию поведенческих тенденций и в итоге проявляются в каждом взрослом индивиде. Но ввиду того что здесь мы фокусируем внимание на душе Сталина и что нам очень мало известно о генетике политического поведения вообще или о генах Сталина в частности, я буду придерживаться традиционных психоаналитических категорий при анализе личности Сталина.

Как мы видели, Сталин компенсировал свою нарциссическую ущербность, соорудив напыщенный образ своего «Я». Окружающие его подхалимы протянули руку помощи, периодически снабжая Сталина «нарциссическими поставками». Но все же несоответствие завышенной самооценки и реальности иногда становилось слишком очевидным. Поэтому Сталину приходилось прибегать к другим способам защиты образа своего «Я» и избавления от беспокойства. Он использовал то, что в ортодоксальном психоанализе носит название «механизмы защиты». Последние так же, как и ложный образ своего «Я», навязывались советскому обществу: «Его внутренние механизмы защиты были перенесены во внешние политические реалии» (298, 23).

В арсенале психологических средств защиты Сталина, как показывает Такер, наиболее очевидной является проекция. Сталин стал верить, например, что это Бухарин, а не он сам защищал идею необходимости явки Ленина в суд Временного правительства в 1917 году. Или, хотя это он, Сталин, был отозван с юго-западного фронта в 1920 году за неподчинение приказу, он проследил, чтобы Троцкий выступил в роли комиссара, которого пришлось отозвать с фронта. Что касается тяжелых потерь, понесенных Красной Армией в течение первых месяцев войны с Германией, Сталин обвинил в этом Жукова (42, 92). Довольно комичным случаем было то, как год спустя после того, как войска Гитлера напали на Советский Союз, Сталин поддразнивал Молотова на банкете с союзниками: «Молотов, встань и расскажи всем о твоём пакте с немцами» (цит. по: 170, 345; ср.: 3, 10).

Как говорит Такер, другие люди становились своего рода «свалкой» для собственных недостатков Сталина: «Личные и политические недостатки, биографические пятна, промахи, неудачи, ошибки, скандалы — все факты и воспоминания, которые Сталину приходилось подавлять в себе, потому что им не было места в «гениальном» Сталине, в его воображении могли быть перенесены на образ врага и таким образом в его сознании проецировались на реальных людей в окружении, которых он называл врагами» (292, 460; другие примеры см.: 190, 301 и далее).

Многие биографы Сталина и историки сталинского периода понимают тенденцию Сталина к проекции, даже если они не используют этот термин. Авторханов, например, анализирует некоторые высказывания Сталина в адрес Гитлера и Тито и показывает, что они относятся к самому Сталину (3, 90 и далее). Большинство ученых, изучавших дело Тухачевского, заметили иронию того, что Сталин подверг казни известного генерала за то (помимо прочего), что тот якобы передал военные разведданные Германии, тогда как он сам пытался заключить тайный сговор с Гитлером. Хингли говорит следующее:

«...Ложное обвинение в сговоре с нацистами, выдвинутое Сталиным Тухачевскому, приобретает особую пикантность. Оно вписывается в повторяющуюся схему, когда диктатор, очевидно, стремился спихнуть на других преступления, которые могли быть санкционированы им самим: убийство Кирова, смерть Горького, «сердечный приступ» Куйбышева и тому подобное» (152,265).

Такая «повторяющаяся схема» является именно тем, что обычно ищет психоаналитик или психоисторик.

Анализ Де Йонга послевоенной паранойи Сталина — это особенно яркий пример того, как непсихоаналитик интуитивно использует психоаналитические категории: «В последние годы жизни он был убежден, что его правительство наводнено иностранными шпионами, в особенности британскими, и что Ворошилов был британским агентом. Сталин любил награждать врагов своими недостатками, и здесь перед нами вариация на эту тему. Он так преуспел в насаждении своих агентов в правительства и разведслужбы Запада (не говоря о Японии и нацистской Германии), что был не в состоянии поверить в то, что его враги не сделали то же самое по отношению к нему. Эта мысль доводила его до безумия, потому что он никак не мог найти доказательств, подтверждающих этот факт, и все же это должно было быть правдой. Потому что было невозможно утверждать, что Великобритания, куда он столь успешно проник, не проникла в ответ в Кремль» (114, 454).

Термины «паранойя» и «проекция» здесь не фигурируют. И все же Де Йонг ясно описал параноидальный и проецирующий аспекты отношения Сталина к британцам.

Проекция была не единственным средством, которое Сталин использовал для снижения беспокойства и очищения созданного им образа своего «Я». Он также был склонен использовать для самозащиты рационализацию. Эта психоаналитическая концепция, в силу того что она охватывает довольно много разновидностей психических маневров, несколько неопределенна, но также весьма полезна. Примером может служить то, как Сталин поступил со знаменитым «Завещанием» Ленина 1922—1923 годов, где в добавлении написано следующее: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в обращениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого

места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.» (34, XLV, 346).

Когда однажды Сталин был вынужден признать эту наладку на свое его, он сказал: «Да, я груб, товарищи, по отношению к тем, кто грубо и вероломно разрушает и раскалывает партию. Я никогда не скрывал это и сейчас не скрываю. Возможно, к раскольникам следует

применить снисходительность. По от меня ее не будет» (цит. по: 292, 366). Такер комментирую данное высказывание следующим образом: «Весьма вероятно, что именно посредством этого логического обоснования Сталин научился жить, помня о добавлении к завещанию Ленина» (там же, 432). Позднее, в 30-е годы, Сталин стал обороняться еще больше. Членов партии приговаривали к длительному тюремному заключению и даже «к расстрелу за хранение «контрреволюционного документа, так называемого ленинского завещания» (см.: 38, 66).

Некоторые из способов обороны, к которым прибегал Сталин, защищая свое идеализированное «Я», сохраняя свою «ошибочную личность» (298), могут показаться нам слишком прозрачными. Мог ли Сталин и в самом деле верить в то, например, что воображаемый «враг», а не он сам обладал теми-то и теми-то недостатками? Очевидно, ответ утвердительный. Более того, он даже мог прятать эту уверенность, если того требовали обстоятельства

(269, 583).

Сталин был великим актером, что подмечено довольно многими исследователями. По словам его невестки Анны Аллилуевой, он обладал большим талантом имитировать людей (70, 133, 178, 203). Он также был мастером прятаться от других. Например, когда Трумэн сообщил ему на Потсдамской конференции, что Соединенные Штаты теперь обладают новой мощной бомбой, Сталин небрежно пропустил информацию и, казалось, не понял важности того, что только что услышал (100, VI, 670). Если верить Чаковск

му (59, II, 91—92), Сталин, однако, лишь прикидывался непонимающим. Он прекрасно понял, что сказал Трумэн, и немедленно принял меры к тому, чтобы ускорить исследования советских ученых в области атомного оружия (ср. также: 148, 439).

Хотя у Сталина было значительное мастерство притворяться, он не всегда мог отличить спектакль от реальности. Он часто так увлекался масками, своими историческими проекциями, логическими обоснованиями, отрицаниями и пр., что сам начинал в них верить. Из разговоров со Сталиным Милован Джилас делает следующие выводы: «У него притворство было столь спонтанным, что, казалось, он сам начинал верить в правдивость и искренность того, что говорил» (118, 97).

Неспособность Сталина делать различие между актерской игрой и реальностью проявилась в его отношении к одному из его любимых видов искусства — кино: «По ходу фильма Сталин делал замечания — реакции на происходившее на экране, как это делают необразованные люди, которые ошибочно принимают игру за действительность» (там же, 103; ср.: 161, 85; 292, 436). Надежда Мандельштам пишет, что Сталин однажды смотрел, как украинский актер А.М. Бучма играл роль предателя: «Сталин заявил, что так играть предателя может только тот, кто является предателем в жизни, и поэтому потребовал, чтобы были приняты надлежащие меры» (205, 324).

Подозревая, что многое из того, что говорил и делал он сам, было притворством, Сталин прибегал к некоторого рода мегапритворству и обвинял в притворстве других. Обычно оппонента обвиняли в том, что он «носит маску». Как и всегда, он проецировал (см.: 292, 459).

Хотя Сталин, возможно, не всегда отдавал себе отчет, когда он играет, он обладал значительной степенью сценического контроля. Он мог, например, менять настроение и поведение с быстротой молнии. Хью Лунги, который был переводчиком у Черчилля и у других британских официальных лиц, говорит: «Я слышал, как он в одну минуту переходил от угроз к обескураживающей благоразумности; и так же быстро, не повышая голоса, переключался с изысканной вежливости на вульгарную брань» (200, 21; ср.: 113, 281-282). Можно лишь вместе с Антоновым-Овсеенко воскликнуть: «Какой актер!» (11, 72).

Глава 6 **ЕГО ЛУЧШАЯ ЗАЩИТА**

Среди защитных механизмов, которые использовались Сталиным, чтобы не допустить ущемления своего нарциссизма и унять свое очевидное постоянное беспокойство, есть механизм, недостаточно точно описанный Такером. Я имею в виду отождествление с агрессором. Сталин часто прибегал к этому механизму, когда (как ему казалось) существовала опасность агрессии, направленной против него. Безусловно, агрессоры присутствовали в жизни Сталина во множестве, даже если исключить тех, кто был лишь порождением его паранойи. Отец действительно бил Сталина. Царская охранка России действительно заключала его под стражу. Ленин нападал на него в своем «Завещании». Гитлер атаковал его своими войсками. И так далее. Все подобные агрессии, направленные против него, в особенности оскорбления, нанесенные отцом на раннем этапе жизни, были психологически опасными и призывали к мобилизации того, что, как я думаю, было лучшей защитой Сталина, — его замечательной способности играть для самого себя.

Акты агрессии, естественно, вызывали значительную обеспокоенность, а один из способов того, как жертва может побороть это беспокойство, — это как

бы «стать» агрессором. Другими словами, жертва притворяется, что ей не угрожает опасность быть жертвой, путем ментального превращения в некое факсимиле агрессора Уже нет более осознания того, что можно стать объектом агрессии, и таким образом беспокойство утихает. Для действия механизма неважно, в каком виде проявляется агрессия — физически, в жестах, словесно или просто в воображении. Следовательно, отождествление может произойти как до, так и после агрессии, которой страшатся.

Анна Фрейд, ученый, введший в научный обиход понятие отождествления с агрессором, дает пример из своей терапевтической работы с детьми. Маленькая девочка боится пройти по темной комнате, потому что она испытывает страх перед привидениями (= воображаемыми агрессорами), но в итоге она находит решение проблемы: «...она будет бежать по комнате, сопровождая свой бег особенными жестами. Очень скоро она победоносно сообщает своему маленькому брату секрет того, как она преодолела беспокойство. «Совсем не следует бояться темной комнаты, — сказала она, — нужно просто притвориться, что ты и есть то привидение, которое может тебе повстречаться» (132, 119).

Другие примеры из многочисленной литературы по этому вопросу приводит Ирвинг Сарнов: «...ученик, непроизвольно имитирующий гримасы учителя, угрожающего ему; ребенок, вынуждающий другого ребенка подвергнуться «осмотру» после того, как сам был приведен в беспокойство настоящим медицинским осмотром; заключенные, которые обращают на своих товарищей по камере жестокость, испытанную ими от надсмотрщиков» (249, 270).

Люди, временно оказавшиеся в положении заложников, часто отождествляют себя со своими пленителями, что становится ясно из рассмотрения примеров выражения ими сочувствия политическим взглядам их тюремщиков. В литературе по терроризму это явление носит название «стокгольмский синдром» (термин возник после ограбления банка в Стокгольме, когда оказавшаяся заложницей женщина влюбилась в одного из своих тюремщиков и в итоге вышла за него замуж — см.: 223). Чрезвычайным примером подобного феномена является случай с Патрицией Херст, которая присоединилась к своим похитителям в их насильственных действиях.

В соответствии с теорией психоанализа отождествление с агрессором у одних лиц более вероятно, чем у других: «Если родители ребенка положительно относятся к деятельности ребенка, направленной на получение удовольствия, если импульсы ребенка принимаются и постоянно одобряются, он приобретает сопротивляемость фрустрации и беспокойству, не прибегая к окольным поискам удовольствия (отождествлению). Однако, если импульсивные потребности ребенка постоянно отвергаются и запрещаются, он будет иметь тенденцию использовать механизмы искажения реальности в попытке умерить болезненное напряжение. Так как отождествление представляет собой наиболее примитивную технику обращения боли в удовольствие, мы бы предположили, что отвергнутый,

неуверенный, находящийся в состоянии фрустрации ребенок использует этот метод отношений с другими чаще, чем ребенок, которого принимают и одобряют» (248, 201-202).

Другими словами, «индивид, склонный легко отождествлять себя с агрессором, вероятно, будет из числа тех, кого родители отвергали, фрустрировали или были враждебны ему» (там же, 204). Как мы уже видели, отец Сталина, несомненно, был враждебен по отношению к нему. Это был алкоголик, наносивший сыну оскорбление действием. Маленький Сосо Джугашвили, должно быть, воспринимал его как источник фрустрации и отторжения. К тому же Сосо, возможно, уже обладал в некоторой степени теми способностями к имитации и игре, которые стали широко известны позднее. Таким образом, ребенок был идеальным субъектом использования механизма отождествления с агрессивным отцом, а в более позднее время и с агрессивными или потенциально агрессивными лицами, заменившими отца, такими, как пытавшиеся его русифицировать школьные власти, царская охранка, Владимир Ленин и Адольф Гитлер. В итоге, кто бы ни причинял беспокойство советскому диктатору, кто бы ни возбуждал (возможную) агрессию, Сталин справлялся со своей обеспокоенностью подражательным способом, то есть становился таким же агрессивным, как его отец в его детском опыте.

Такер практически не использует термин Анны Фрейд при анализе агрессивного поведения Сталина. Но он демонстрирует косвенное

понимание отождествления с агрессором, когда говорит: «Теперь... мальчик проявлял мстительность и злобность, напоминая о его отце, которого он презирал. Чуждая сила, которая была представлена отцом, была каким-то образом интернализирована в нем (132, 75, курсив мой. — Д. Р.-Л.). Эта «чуждая сила», жестокий отец внутри Сталина, должна была остаться с ним до конца его жизни. И она была причиной того, что большое число «объектов общества» (Лассуэлл) — такие, как Троцкий, Бухарин, кулаки, репатриированные военнопленные, эмигранты, верующие, украинские националисты, техническая интеллигенция, офицеры Красной Армии и пр., и пр., — стали жертвами Сталина.

Одним из ученых, прямо использующих термин Анны Фрейд для характеристики Сталина, является Филипп Помпер: «...в основе поведения Сталина лежит отождествление с агрессором...» (230, 25). Однако, к сожалению, это утверждение ничем не подкрепляется. Помпер только дает примеры либо ответной агрессивности Сталина, либо отождествлений Сталина (например, с Лениным или с благородным изгнанником «Кобой» из художественного произведения Казбеги — ср.: 292, 79—82; 164, 18). Помпер также обсуждает агрессивность других лиц, которых знал Сталин (например, Троцкого). Но при этом не приводится ни одного примера отождествления с агрессором, то есть того поведения Сталина, которое в какой-либо мере напоминало поведение воспринимаемого

(фактического либо потенциального, физического либо нефизического) агрессора против Сталина.

Специфический мстительный аспект агрессии Сталина был детерминирован потребностью восполнить психологическую травму, нанесенную тем самым агрессором, с которым он первоначально отождествлял себя, то есть с жестоким родителем. Совершая акт мести, Сталин «платил» Виссариону Джугашвили за побои, калечившие его фундаментальный нарциссизм так же, как и его тело. Но он вместе с этим отождествлял себя с тем же Виссарионом, он «был» Виссарионом, одновременно «отплачивая» ему. Если говорить более обобщенно, то, когда Сталин мстил кому-нибудь, он отождествлял не только этого кого-либо со своим авторитарным отцом (либо с оскорбляющими учителями в семинарии, где он учился, либо с царской охранкой, арестовавшей его и заключившей под стражу, либо с другими обладающими властью фигурами), но и себя со своим отцом (либо с обладающей властью фигурой). Психоаналитик От ?? Фенихель говорит: «Мечь — особый вид старого магического «освобождения» от фрустраций или унижений, основанный на отождествлении с агрессором» (127, 511—512, курсив мой. — Д. Р-Л.)5.

Так же, как и мстительность, пресловутая жажда власти Сталина связана с отождествлением с агрессором. Фенихель кратко излагает психоаналитическую точку зрения на феномен жажды власти, говоря следующее: «В общем можно утверждать, что те, кто страстно желают власти или престижа, являются бессознательно напуганными людьми, пытающимися преодолеть и отрицать свое беспокойство» (127, 479; ср.: 160, 162 и далее). Для Лассуэлла это беспокойство — неотъемлемая часть заниженной самооценки (186, 53). Особым беспокойством, преследовавшим Сталина на протяжении всей жизни, был страх быть битым. Не существовало более верного способа запугать сталинский образ его «Я», понизить его самооценку. Как показал Такер, в речи Сталина часто возникала метафора битья его врагов. Эту метафору в свою очередь можно связать с суровыми побоями, полученными им от своего отца. В результате подоплекой обращения с настоящими или потенциальными оппонентами (и даже вообще не оппонентами, превращенными в оппонентов его паранойей) было следующее: «Я побью (в итоге) любого, кто выказывает малейшее намерение побить меня». Либо на еще более глубоком, более лично архаичном уровне: «С любым, кто обращался или вздумает обращаться со мной так, как обращался со мной отец, буду обращаться так, как это делал со мной отец. Я буду таким же жестоким, каким был мой отец».

Одним из результатов этого бессознательного отождествления с самым главным из агрессоров Сталина было удаление тех, кто мог стать препятствием на его пути к власти. Сталин жаждал власти не только потому, что власть повышает самооценку (в особенности в «более примитивных индивидах», управляемых потребностью собирать «нарциссические ресурсы» — 127, 479), но также потому, что отождествление с агрессором достигло бы своего завершения, как

только Сталин стал бы обладателем тех же власти и контроля над коллегами, что имел над

ним его отец (либо соотносимые в более поздний период с образом отца фигуры, подобные царской охранке и Ленину).

Специфически садистский аспект агрессивности Сталина был для него способом побороть боязнь оказаться жертвой (страх часто бессознательный, параноидальный страх зрелого человека, который тем не менее сохранялся в силу того, что в детстве он часто был жертвой). Фенихель говорит: «Если индивид способен делать по отношению к другим то, что, как он боится, будет сделано с ним, ему уже больше не приходится бояться» (там же, 354). Садизм превращает осознание того, что тебя преследуют, в ощущение, что преследователем становишься сам. Иногда именно такое превращение наблюдалось в поведении Сталина. Например, когда во время одной из попок со Сталиным Некрасов произнес длинный торжественный тост за советских солдат, которые так храбро сражались в Сталинградской битве, Сталин обиделся. Он заявил, что Некрасов был «хитрым» человеком, «очень даже хитрым», произнеся такую речь. Другими словами, Сталин истолковал речь в параноидальной манере, как упрек, как атаку на его неучастие в опасных военных действиях. Это очевидно из того, что он тогда сказал Некрасову: «Но скажи мне такое, только откровенно. По совести. По-твоему что, товарищ Сталин участия в Великой Отечественной войне не принимал? — и выдержав паузу, во время которой я почувствовал, что начинаю холодеть. А мне

казалось, что небольшой, но все-таки вклад сделал. Может, я ошибаюсь?»

Я стоял перед ним и молчал. Руки и ноги оцепенели» (42, 105). В этом случае Некрасов был напуган, и понятно почему. А в качестве инструмента садистской агрессии против Некрасова Сталин использовал именно тот инструмент, которым, в его воображении, Некрасов воспользовался против него. Садистский акт корнями уходил непосредственно в ощущение (каким бы ошибочным оно ни было) себя жертвой.

В каком-то смысле можно сказать, что Сталин справлялся со своим беспокойством, вселяя беспокойство в других. То, что он страдал паранойей, уже показывает, что он бессознательно испытывал куда большую боязнь оказаться жертвой, чем для того существовали основания в действительности. Если бы он не проявлял ни какого интереса к унижениям и страданиям своих жертв, то мы должны были бы сделать вывод, что он вовсе не был садистом. Но он извлекал громадное наслаждение из того, что наблюдал, как мы видели, корчи своей жертвы. Следовательно, он, без сомнения, знал, что был агрессором, а не тем, на кого направлена агрессия. В конечном счете он снова и снова был своим жестоким отцом, а не своей бедной матерью, не самим собой — избиваемым и унижаемым ребенком. Его отождествление с агрессором достигало завершенности во время осуществления садистского акта.

Здесь следует отметить, что существуют вероятность развития у человека садистских,

мстительных, мегаломаниакальных фантазий в результате наличия у него в раннем возрасте физических изъянов (221; ср.: 75, 249). Большинство физических дефектов Сталина не были врожденными, и они не были в действительности слишком заметными или лишающими его способности вести нормальную жизнь взрослого человека. Более того, он, по всей видимости, не ограничивал свой садизм, мстительность и мегаломаническую жажду власти лишь полетом фантазии, а воплощал их в реальной жизни. Поэтому я склонен считать их главным источником не ущемленный нарциссизм Сталина и его последующую социопатию, а плохие отношения с родителями (особенно с отцом).

Глава 7

ПОБОИ ДЕТЕЙ В РОССИИ

Один из официальных биографов Сталина, отличавшийся низкопоклонством и льстивостью, следующим образом характеризует его отношение к детям: «Сталин любит детей и молодежь. Он проявляет постоянную заботу о благополучии молодежи, об их коммунистическом воспитании, об их здоровье и физической подготовке, чтобы они могли вырасти образованными, хорошо информированными, честными и стойкими борцами за коммунизм. Комсомол обязан своим ростом и влиянием главным образом Сталину, а дети и молодежь любят его как своего лучшего друга, отца, учителя и товарища» (316, 186—187).

Верно, что многие дети в Советском Союзе любили «лучшего друга всех детей» и смотрели на него как на фигуру отца. Пропагандистская машина очень эффективно срабатывала на детях. Но иногда дети путали метафоричное значение «отца» с буквальным значением. Фишер рассказывает часто слышанную историю на эту тему: «Девочка трех с половиной лет однажды пришла домой из школы и объявила своему отцу: «Ты мне больше не отец».

«Что это значит — я не твой отец!» — воскликнул он в ужасе.

«Ты мне больше не отец, — повторила она. — Сталин мой отец. Это он дает мне все, что у меня есть» (130, 81; ср.: 204, 45).

В этой ситуации любой отец, вступавший в спор со своим ребенком, ставил под угрозу себя и свою семью (ребенок мог без умысла обсудить поведение своего отца с другими детьми).

Хотя Ярославский сказал, что «Сталин любит детей и молодежь», единственным ребенком, по отношению к которому это было верно, была дочь советского диктатора Светлана: «...Отец меня вечно носил на руках, любил громко и сочно целовать, называть ласковыми словами — «воробушка», «мушка». Однажды я прорезала новую скатерть ножницами. Боже мой, как больно отшлепала

меня мама по рукам! Я так ревела, что пришел отец, взял меня на руки, утешал, целовал и кое-как успокоил. Несколько раз он так же спасал меня от банок и горчичников, — он не переносил детского плача и крика. Мама же была неумолима и сердилась на него за «баловство» (9, 92—93).

«Письма оканчиваются неизменным «целую» — это отец очень любил делать, пока я не выросла. Называл он меня (лет до шестнадцати, наверное) «Сетанка» — это я так себя называла, когда была маленькая. И еще он называл меня «Хозяйка», потому что ему очень хотелось, чтобы я, как и мама, была в роли хозяйки активным началом в доме. И он еще любил говорить, если я чего-нибудь просила: «Ну, что ты просишь! Прикажи только, и мы тотчас же все исполним». Отсюда — игра в «приказы», которая долго тянулась у нас в доме» (там же, 93—94[^]

Приходится удивляться, откуда у Сталина возникла идея о такой странной игре. Можно также поинтересоваться, сказала ли Светлана Аллилуева нам (и себе) всю правду о своих отношениях с отцом в детстве (см. примечание 1 к главе 7). Она отрицает, что впоследствии, уже став взрослой, часто вступала с ним в жестокую борьбу.

К своим сыновьям Сталин по большей части относился с ненавистью: «Хозяин дал своему сыну Василию довольно необычное воспитание. Васька имел обыкновение отлынивать в школе, но учителя не решались ставить ему плохие отметки. Однажды Генсек пришел в школу и попросил, чтобы с его сыном обращались строже. Дома он сбил мальчика с ног и пинал его сапогами — своими сапогами. Это происходило на глазах дочери» (75, 251; ср.: 171, 291; 72, 365).

Другой сын Сталина, Яков (от первой жены Екатерины), тоже сносил оскорбления, когда стал жить с отцом в Кремле. Сталин обычно называл Якова «мой дурак». Бармин говорит: «Сталин бил его, как когда-то сам был бит отцом, сапожником, который часто бывал пьян» (79, 262; ср.: 224, 345). Троцкий дает подробности того, как Сталин оскорблял Якова, и приходит к тому же выводу относительно корней подобного поведения: «Мальчик Яша подвергался частым и суровым наказаниям со стороны отца. Как большинство мальчиков тех бурных времен, Яша курил. Отец, сам не выпускавший трубки изо рта, преследовал этот грех с неистовством захолустного семейного деспота, может быть, воспроизводя педагогические приемы Виссариона Джугашвили. Яша вынужден был иногда ночевать на площадке лестницы, так как отец не впускал его в дом. С горящими глазами, с серым отливом на щеках, с сильным запахом табака на губах Яша нередко искал убежища в нашей кремлевской квартире. «Мой папа самашедший», — говорил он с резким грузинским акцентом. Мне думается сейчас, что эти сцены воспроизводили, с неизбежными отличиями места и времени, те эпизоды, которые разыгрывались тридцатью пятью годами раньше в Гори, в домике сапожника Виссариона» (53, II, 147).

Отождествление с агрессором замкнуло круг, когда сын по отношению к собственным сыновьям вел себя так же, как вел себя с ним его отец. Сталин в этом отношении был совершенно типичен, так как детскими психиатрами общепризнано, что «...наказывающие детей родители сами подвергались родителями телесным и эмоциональным оскорблениям» (Main and Gorge 1985, 411; ср.: 81; 272; 169)¹.

Но Сталин жестоко обращался не только с собственными детьми. Он подвергал жестокому обращению всех детей, которых мог заполучить себе в руки. В апреле 1935 года он издал указ о том, что дети ? возрасте от двенадцати лет могли быть арестованы и подвергнуты наказанию (включая смертную казнь) наравне со взрослыми. Но так было только по закону. На деле же органы безопасности сгребали детей всех возрастов, даже малолетних. Например, в Ленинск-Кузнецке путем пыток десятилетних

мальчиков заставили признаться в «контрреволюционной, фашистской, террористической» деятельности (178, 179). Дети родителей, которые были арестованы, арестовывались особенно часто. Антонов-Овсеенко приводит несколько случаев, в которых не последнюю роль сыграл лично Сталин. Когда Бухарин позвонил Сталину, чтобы выяснить, почему были арестованы оба сына Микояна, Генсек коротко отрезал: «Вольнодумы они!» (11, 222). Когда Сталин арестовал Александра Сванидзе, он также втянул одиннадцатилетнего сына Сванидзе в то, чтобы тот дал показания против отца. По указанию Сталина так же поступили и с сыном Каменева (224, 118—124). Ранее, во время голода 1932 года, Сталин лично издавал указы о том, чтобы расстреливать голодных детей («беспризорных»), которые воровали еду из железнодорожных вагонов и якобы распространяли венерические заболевания (там же, 40).

Общее число детей, заключенных под стражу и/или убитых во времена правления Сталина, узнать невозможно. По оценкам Кривицкого, число это составляло «сотни тысяч» (178, 178), а Антонов-Овсеенко позднее говорит о «семизначной цифре» (11, 177). Число детей, умерших от голода в 30-е годы, оценивается приблизительно в два—три миллиона (109, 296).

Таким образом, даже если существуют фотографии, на которых Сталин стоит в окружении улыбающихся детей², он останется в истории как один из самых жестоких по отношению к детям злодеев. Удары, нанесенные ему отцом, астрономически приумножились в

ударах, наносимых детям Советского Союза. насильно выселенным со своих родных мест. Нет необходимости говорить, что многие из этих детей в свою очередь отождествляли себя с теми, кто был с ними агрессивен, и сами впоследствии стали жестокими. Солженицын описывает банды малолетних воров в ГУЛаге следующим образом: «...они действительно никого за людей не считают, кроме себя и старших воров!» (47, VI, 422). В не меньшей степени, чем тюрьмы, плодородной почвой для НКВД стали детские дома (109, 293).

Я говорю о том, что эти дети не были бы лишены человеческих качеств, если бы Виссарион обращался со своим сыном по-человечески, вместо того чтобы его бить. Здесь присутствует не только обычная, передающаяся через поколение трансмиссия от Виссариона к Иосифу и затем от Иосифа к Василию и Якову, но имеет место также эпидемия институционализированного жестокого обращения с детьми, потому что Иосиф смог воплотить свои былые чувства по отношению к «объектам семьи» (Лассуэлл) в своих поступках по отношению к «объектам общества». Это не означает, что другие лица, помимо Сталина, не помогали распространяться эпидемии. Большая часть фактов жестокого обращения с детьми приходится на садистский персонал органов безопасности и ГУЛага, где находились арестованные дети, а Центральный Исполнительный Комитет и Совнарком официально провозгласили закон, позволяющий такие аресты. Но мы можем с уверенностью говорить (наряду с Кривицким, Аитшювым-Овсеенко, Хингли, Солженицыным, Орловым и др.), что ответственность за этот закон лежит на Отце Народов так же, как и ответственность за раскулачивание, чистки и другие злодеяния, совершенные в 30-е годы.

Официальная пропаганда в сталинские времена зашла столь далеко, что поставила в заслугу Сталину «счастье» детей в Советском Союзе того времени. Но все, у кого было счастливое детство, имели его вопреки Сталину, а не благодаря ему. В одном из «1001 анекдота» Телесина говорится следующее: «На первомайской демонстрации колонна глубоких стариков несет плакат: СПАСИБО ТОВАРИЦУ СТАЛИНУ ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО! К ним подбегает некто в штатском: — Вы что? Издеваетесь? Когда вы были детьми, товарищ Сталин еще не родился!

— Вот за это ему и спасибо!» (52, 43). Мораль: если ему все ставится в заслугу, тогда его заслуга и в том, что его не было во времена нашего счастливого детства.

Еще более выразительна другая шутка из книги Телесина: — Кто твой отец? — спрашивает учительница Вовочку.

— Товарищ Сталин!

— А кто твоя мать?

— Советская родина!

— А кем ты хочешь стать?

— Сиротой! (52, 94).

Любой, кто над этим смеялся, определенно знал, что Сталин так или иначе жестоко поступал с детьми Советского Союза

Глава 8

ОСОБЫЙ ИНТЕРЕС СТАЛИНА К НОГАМ

Солженицын цитирует оставшегося в живых Юрия Ермолова, который был арестован, избит и брошен в тюрьму, когда ему исполнилось всего четырнадцать лет: «Начальство и надзиратели живут за счет государства, прикрываясь воспитательной системой. Часть пайка малолеток уходит с кухни в утробы воспитателей. Малолеток бьют сапогами, держат в страхе, чтобы они были молчаливыми и послушными» (47, VI, 416).

Сапоги, которыми избивали детей, можно считать сапогами самого Сталина, потому что многие из этих детей могли бы быть помилованы, если бы он того пожелал.

Сапоги имели особое значение для Сталина. Его отец был сапожником и хотел, чтобы сын пошел по его стопам (28, 44; 175, 2). На большинстве фотографий Сталина в полный рост он обут именно в сапоги, а не в ботинки. Иосиф, сын грубого сапожника Виссариона, бил сапогами своего собственного сына Василия так же, как и свою первую жену. Он бил сапогами убийцу Кирова. Он разбил ими вдребезги зеркало (все эти примеры приводит Антонов-Овсеенко). Сапоги были неотъемлемой частью мира садистских фантазий Сталина:

«Однажды, в конце 30-х годов, Сталин отдыхал в Гаграх. После обеда он вышел с гостями в сад и повел их в свой розарий. При расставании один из гостей спросил: — Иосиф Виссарионович, сейчас так жарко, а вы в сапогах...

Действительно, светлый чесучовый костюм мало подходил к черным сапогам.

— Что вы, — ответил Хозяин, — сапоги — это очень удобно. Можно так ногой пнуть в морду, что все зубы вылетят.

И засмеялся...» (12, 94).

На месте того, кого можно «пнуть в морду» так, чтобы сшибить с ног, мог оказаться и ребенок, такой, как его маленький сын Васька, которого он постоянно пинал ногами.

Сталин, казалось, ассоциировал сапоги с простым, пролетарским социальным происхождением. Он любил носить брюки, «заправленные в сапоги, как это делали русские рабочие до революции» (10, 339).

Айно Куусинен, которой пришлось провести некоторое время со Сталиным на Черном море в 1926 году, описывает характерный сталинский жест и последовавшую за ним реплику: «Когда Сталин однажды расслабился, он хлопнул ладонью по сапогу — я никогда не видела, чтобы он носил что-то, кроме сапог, — и крикнул: «Я здесь только один настоящий пролетарий, потому что моя фа-

милія заканчивается на «швили». Все остальные грузины в партии — аристократы или буржуи, поскольку их фамилии кончаются на «идзе» или «адзе» (180, 30). Сталин имел в виду таких людей, как Орджоникидзе

или Ломяядзе, в противоположность Джугашвили. По его мнению, только «швили» может быть сапожником, отсюда и подчеркнутый удар ладонью по сапогам. В этот момент он показал, что гордится тем, что его отец был представителем рабочего класса. Его гордость своим пролетарским происхождением доказывается также другими свидетельствами (см.: 150).

То, что Сталин отдавал предпочтение сапогам, было хорошо известно среди его коллег. На этот счет ходила такая шутка: — Почему Ленин носил ботинки, а Сталин — сапоги?

— При Ленине Россия была загажена лишь по щиколотку (52, 15).

Соратники Сталина, должно быть, чувствовали, что он имел особое отношение к ногам как таковым: «Мы в насмешку называли его «левой ногой Ленина» (13, 233; ср.: 292, 135). Очевидно, имелось в виду странное упрямство, с которым он одно время отстаивал позиции Ленина (сравните с выражением «встать с левой ноги», что соответствует «быть не в духе»). А возможно, им было известно о дефекте его левой ступни: («второй и третий пальцы левой ноги сращены вместе» — из документа царской охранки (212, 201; ср.: 162, 57).

Кротков (179, 35—55) рассказывает историю, которая ходила в высших правительственных кругах после войны. Один из ночных телохранителей Сталина надевал тапочки, чтобы не потревожить спящего Генсека. Когда Сталин это обнаружил, то приказал арестовать телохранителя. Он был обвинен в намерении, тихо подкравшись, убить Сталина. Эта история очень характерна для параноидального характера Сталина. Даже если ее и не было в действительности, она показывает, что соратники Сталина понимали, насколько он был чувствителен ко всему касающемуся ног.

Еще один случай (который, возможно, отражает реальные события) описан в недавно опубликованном романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» (44, № 4, 98). Во время ссылки Сталин перестал разговаривать с товарищем, который смеялся над его привычкой спать в носках. Рыбаков объясняет эту привычку особой чувствительностью Сталина к сибирским морозам. По-видимому, писатель не знал о дефекте левой ступни Сталина, который он, вероятно, хотел скрыть от своих соратников.

В советской среде слова «гуталинщик» и «гуталин» означают грузина или другого кавказца или азиата. Тот факт, что эти прозвища в разговорах применялись к Сталину, показывает осведомленность о его социальном происхождении (см.: 30, 105; 196, 36). В то же время буквальное значение этих слов позволяет судить о понимании особого отношения Сталина к ногам.

Сталин, конечно же, никому не собирался позволять наступать на себя: «Надзиратель Тиникашвили топтался на берегу. Он не знал, как ему быть. Прыгать он боялся. Вдруг в воду попадешь. Разуваться надзирателю перед школьниками казалось неудобно.

Сосо, глядя на него, посмеивался. Потом разбежался и перепрыгнул на другой берег.

— Молодец, — похвалил его надзиратель, но прыгнуть все же не решался.

Тогда один из старших учеников, приятелей Сосо, руководивший экскурсией, выручил надзирателя. Он стал посреди ручья, нагнулся, и Тиникашвили, ступив ему на спину, перебрался на другой берег.

Школьники засмеялись, а Сосо проворчал: — Ишак ты, что ли? Я бы самому богу не подставил спину — не то что надзирателю» (28, 42; ср.: 292, 78).

Только Сосо из всей группы ребят был раздражен этой безобидной небольшой услугой надзирателю (который к тому же похвалил Сосо за удачный прыжок). Поэтому его злобное замечание было особенно неуместным. В нем лишь обнаружилась личная проблема. Молодому Сталину была отвратительна сама мысль о ребенке, оказавшемся под ногами мужчины, олицетворявшего собою власть, то есть такого, каким был для него грубый сапожник Виссарион Джугашвили. Но если бы он сам мог представить себя таким сапожником, то есть если бы ему удалось отождествить себя с жестоким отцом в прошлом, то он бы избавился от беспокойства. Поэтому Сталин бил ногами своего ребенка, вероятно, так же, как это проделывал с ним его отец. Он также бил ногами и растаптывал множество других людей как в прямом, так и в переносном смысле.

Глава 9

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ СО МНОЖЕСТВОМ АГРЕССОРОВ

Снова и снова Сталин возвращался к отождествлению с агрессором. Этим агрессором не всегда был его отец, и даже не обязательно лицо, заменяющее отца.

Существует, например, этноцентризм Сталина (еще одна характеристика, которая с большой вероятностью будет присутствовать у «авторитарной личности» — 65). В раннем возрасте Сталин переменял национальность с грузинской на русскую. Позже он поддержал ленинский большевизм как «истинно русскую фракцию» среди марксистов. В различных контекстах он, бывало, говорил: «Мы, русские» (см., напр.: 16, 176, 240, 432). Как показывает Такер, во взрослом Сталине была сильна черта «русского красного патриотизма» (292, 378; ср.: 116, 240; 279, 98; 96, 3—4; 4; 5). Например, на приеме в честь командиров Красной Армии 24 мая 1945 года Сталин предложил тост «прежде всего за здоровье русского

народа», за его поддержку Советскому правительству во время войны (49, II, 203). Такое восхваление было чрезвычайно обидным для миллионов нерусских советских граждан, которые защищали родину от гитлеровского нападения. На этом же приеме Сталин поблагодарил «русский народ» за сохранение веры в Советское правительство на начальной стадии войны, когда Красная Армия отступала. Очевидно, Сталин чувствовал, что он мог бы стать объектом агрессии со стороны «русского народа».

Насилие было важной составляющей стремления Сталина стать русским. Первоначально он учился русскому языку у писаря, который «постоянно держал в руках длинную, широкую линейку, и именно благодаря этому инструменту молодой Сосо освоил первые русские слова...» (112, 60). В это время Сталину было девять лет (79, 260). Таким образом, первые шаги Сталина на пути становления русским были связаны с агрессором. Более того, если, живя в Грузии и будучи грузинским ребенком, Сталин относился к русским как к угнетателям грузин (и Такер иллюстрирует, что это действительно было так), то тогда изменение им национальности — Джугашвили становится Ивановичем, а затем и Сталиным — является отождествлением с агрессором. Его жестокая роль в советизации/русификации Грузии (которая привела Ленина в такое негодование) показывает, что сталинский отказ от грузинской национальности был мстительным актом. Как и еврейский антисемитизм (248), сталинский «грузинский антигрузинизм» был ярким примером отождествления с агрессором.

Как великий русский националист, Сталин мечтал о возврате величия старой России, какой бы большевизированной она теперь ни была.

лой армии Мышлаевским в пьесе Булгакова «Дни Турбиных»: «ЛА-РИОСИК. Виктор Мышлаевский большевиком стал.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да, ежели угодно, я за большевиков!

СТУДЗИНСКИЙ. Виктор, что ты говоришь?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Я за большевиков, но только против коммунистов» (18, 116).

«МЫШЛАЕВСКИЙ. Пусть мобилизуют! По крайней мере буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас...

СТУДЗИНСКИЙ. Была у нас Россия — великая держава!..

МЫШЛАЕВСКИЙ. И будет!.. Будет!» (там же, 117).

И хотя в этой пьесе о гражданской войне не было ни единого коммуниста, Сталин проявлял к ней особый интерес. Он просмотрел ее по крайней мере 15 раз. Несмотря на то что пьеса широко критиковалась партией, Сталин противился просьбе запретить ее (см.: 48, XI, 328). В 1932 году он даже организовал для себя повторную премьеру этой пьесы. Такая большая увлеченность пьесой

позволяет предположить, что он находил ее полезной при выработке им отношения к белым, в победе над которыми он принимал участие во время гражданской войны. В разговоре с Виктором Некрасовым он отозвался об изображенных в ней белых офицерах как о «настоящих офицерах» и «прекрасных ребятах» («молодцы!» — 42, 92). Если уж белые в пьесе смогли принять большевиков во имя патриотизма, то, возможно, и он тоже смог бы примирить свой собственный большевизм с русским патриотизмом. Он мог отождествлять себя с царским агрессором ? являться одним из большевиков, победивших этого агрессора.

Когда Джугашвили был молодым, единственными угнетателями грузин были русские цари. Но многие исследователи характеризуют Сталина-диктатора именно как «царя» (см., напр.: 75. 24, 38, 48—49; 264, 445). Такер говорит о «типе марксистского царя» (291, 135) или об «Иване Грозном двадцатого века» (290, 153)². Бейкер (77) называет свою антисоветскую публикацию «Смертельная параллель: Сталин и Иван Грозный». Наиболее красноречивым автором по данной проблеме является один из биографов Сталина Исаак Дейчер, который говорит о склонности Сталина «имитировать» древних правителей России: «Этот исторически неизбежный процесс отражался в изменяющемся выражении сталинской политической физиономии: черты не одного, а нескольких великих царей, казалось, оживают в грузинском большевике, правящем теперь в Кремле. Одно время он проявлял черты фамильного сходства с железным царем, Николаем I. В другое время он скорее походил на прямого последователя Петра Великого: не он ли строил индустриальную Россию тем же способом, каким Петр Великий строил Санкт-Петербург, на болотах и костях строителей? А в годы второй мировой войны он принимал позы и имитировал жесты Александра I. А в период великих чисток, когда он подавляла своих оппонентов, он все более и более напоминал Ивана Грозного, сражающегося с боярами. Его политическая полиция, отвечающая за промышленные предприятия и за тюрьмы, очень походила на опричнину, своего рода преторианскую гвардию, с помощью которой Иван защищал свою власть. В его полемике с Троцким можно проследить отдаленные черты неистового спора Ивана с князем Курбским, непокорным лидером бояр. Как и в шестнадцатом веке, жители Москвы теперь в ужасе молились, чтобы хотя бы один день прошел без казней» (116, 360).

Возможно, исторические аналогии Дейчера заходят слишком далеко. Но нет сомнения в том, что сам Сталин вполне серьезно воспринимал суть данной аналогии, то есть он лично отождествлял себя с древними правителями России (ср.: 93, 231—232).

Конкретным примером подобного отождествления является заявление, которое Сталин дал Виктору Некрасову: «А дальше, проснулся я посреди ночи, а он сидит у меня в ногах, в руках пол-литра.

— Не спится что-то, капитан. Мальчики кровавые в глазах. Решил к тебе зайти» (42, 94).

Слова «мальчики кровавые» взяты прямо из «Бориса Годунова» Пушкина. Известно, что Сталин посещал оперу, основанную на произведении Пушкина (9, 144; 305, 93). Рыбаков утверждает, что Сталина заинтересовала эта драма (44, № 6, 49). То, что Сталин использовал слова царя-узурпатора Годунова как свои собственные, подтверждает его самоотождествление с этим царем.

Журнал «Time» в эссе «Человек года» о Сталине упоминает, что Сталин однажды сказал: «Иван Грозный был прав. Нельзя править Россией без тайной полиции» (203, 16). В 1926 году во время дискуссии со своими товарищами о том, как руководить партией без Ленина, Сталин сказал: «Не забывайте, что мы живем в России, в стране царей. Русский народ любит, когда во главе государства стоит какой-то один человек. Конечно, — добавил Сталин, — этот человек должен выполнять волю коллектива» (цит. по: 38, 628)3. Меньше чем через десять лет после последнего заявления Сталин стал таким же царем, как те, кого он только что упомянул. Его отождествление с прежним агрессором перешло из мира фантазий в ужасающую реальность мира фактов (немногие мегаломанияки столь умны и столь удачливы).

У. Аверелл Гарриман, который имел самые обширные контакты со Сталиным из всех западных людей, дает яркое свидетельство личного отношения Сталина к русским царям.

Например: «Мой разговор со Сталиным в Потсдаме в июле 1945 года является характерным. Когда я в первый раз увидел его на конференции, я подошел к нему и сказал, что он, должно быть, удовлетворен тем, что находится в Берлине после такой борьбы и трагедии. Минуту он колебался, а затем ответил: «Царь Александр дошел до Парижа» (144, 44).

«Несколько раз в разговоре с Гарриманом Сталин сравнивал действенность своей Красной Армии с распадом русского фронта в первой мировой войне при неудачнике царе Николае. Народ России всегда храбро сражался за Родину, — сказал Сталин, — но мы дали ему оружие, в то время как царь дал ему только топоры» (146,535).

Ясно, что Сталин был склонен сравнивать свои успехи с успехами царей, и подобная склонность была симптомом отождествления с последними. На внутреннем фронте он, безусловно, превзошел царей в разрушительности и агрессии. Например, «Сталин уничтожил больше революционеров, чем все русские цари, вместе взятые» (224, 304). По оценкам, семь миллионов человек были расстреляны в сталинских тюрьмах между 1935 и 1940 годами, в то время как опричнина Ивана Грозного уничтожила всего четыре тысячи бояр (75, 210—211). Правда, оценка Антонова-Овсеенко, может быть, слишком завышена, но, согласно даже самым осторожным подсчетам (десятки тысяч — см.: 281, 230), Сталин все равно превосходит Ивана. Сталин, без сомнения, намеревался превзойти царей. Так, однажды он заметил в разговоре с Сергеем Эйзенштейном и Николаем Черкасо-

вым, что Иван Грозный совершил ошибку, не ликвидировав достаточное количество своих врагов (62, 380). Сталин принимал личное участие в создании фильма Эйзенштейна «Иван Грозный». Не нужно быть психоаналитиком, чтобы понять почему. Многие, включая самого Эйзенштейна, воспринимали Ивана в обеих частях этого фильма как изображение Сталина (см.: 207, 225 и далее; 280; 202, 256—264).

Лично перенеся царскую агрессию в дни революции, Сталин с психологической неизбежностью (а не только с «исторической неизбежностью», как говорит Дейчер) воспринимал царей как образец, который необходимо превзойти.

Как я указывал выше, у Сталина не было мании величия. У него было величие (не путать с харизмой). В основе лежала мегаломания, а не галлюцинация. Теперь мы можем видеть, что отождествление с определенным царским агрессором являлось важной частью мегаломанийной позиции Сталина.

Задолго до того, как Сталин стал тираном по типу царя, он уже отождествлял себя с царскими агрессивными агентами в охранке. Когда его грузинский товарищ Арсенидзе предложил представить ситуацию, в которой царская власть уже ликвидирована и время от времени может возникнуть необходимость применить силу против рабочих, молодой Сталин быстро сказал: «Да, если это необходимо, мы будем жандармами революции» (13, 223). Очевидно, что термин «жандарм» являлся для него чем-то большим, чем простая метафора. Сталин так сильно отождествлял себя с царской охранкой, что он вполне мог бы стать одним из них: «Вот что [Вера] Швейцер сказала Розе Землячке в 1931 году в присутствии Владимира Милютина: «Когда Коба приехал в район Туруханска незадолго до начала мировой войны, мы все решили бойкотировать его. У него была репутация убежденного карьериста и интригана,

способного ? любым анархистским действиям. В партийных кругах Петрограда и Москвы ходили определенные разговоры о связях между Сталиным и жандармерией» (75, 240).

«В середине 30-х годов-, когда по заданию Берия работники НКВД Закавказья собирали в архивах бывших полицейских и охранных отделений материалы, относящиеся к революционной деятельности социал-демократической партии (эти материалы нужны были Берия для подготавливаемой в тот период книжки об истории первых марксистских организаций в Закавказье), в архиве полицейского управления в Кутаиси был найден якобы донос на группу социал-демократов, подписанный Иосифом Джугашвили. Этот донос был доставлен Кабулову ближайшему помощнику Берия, который передал его самому Берия» (38, 617).

Медведев сообщает нам, что вторая из этих историй была рассказана С. О. Газаряну кем-то из семьи Кабулова. Существует много подобных рассказов, и некоторые из них, без сомнения, ложны⁵. Но с ходу отвергать все сообщения о

доносах Сталина в охранку на своих товарищей-революционеров или о его деятельности в качестве агента-provokatora — значит забывать об интригах, осуществленных им после 1917 года. Почему Сталин до 1917 года должен быть менее подвержен макиавеллизму, чем Сталин после 1917 года? И почему до революции Сталин должен был быть менее склонен отождествлять себя с царскими угнетателями, чем после нее? Предположение, что Сталин доносил на революционеров-соперников, когда это

отвечало его психологическим потребностям прекрасно согласуется с его дальнейшим, всем хорошо известным поведением. Такер в дискуссии по «вопросу о связи с охранкой» (292, 108—114) говорит: «...вполне вероятно, что в какое-то время Джугашвили согласился давать полиции информацию или что в то или иное время он это делал...» (там же, 110). Но я бы добавил, что, помимо «личных и фракционных целей» (там же, 114) для подобных поступков, у него существовала также личная необходимость отогнать беспокойство по поводу царских властей путем своего отождествления с этими самыми властями.

Другой чертой поведения Сталина, которая, похоже, заключала в себе отождествление с агрессором, была его склонность занимать политическую позицию оппонента после того, как он уничтожал последнего. Подобное поведение может быть расценено как отсроченное отождествление с агрессором, отождествление, способствующее подавлению беспокойства, вызванного фантазиями о мести бывшего оппонента. Многие ученые отмечали и обсуждали в непсихологических терминах эту особенность Сталина. Так, Джордж Кеннан говорит: «Его тактикой, неизменно было прежде политически дискредитировать авторов [какого-либо] предложения и затем, когда они благополучно попадали в ситуацию, в которой не могли воспользоваться им, изменить свое мнение и приписать себе все заслуги» (170, 301; ср.: 114, 269; 181, 77).

Хорошим примером последнего являются взаимоотношения с Троцким, человеком, который

осмелился назвать Сталина «могильщиком революции» на собрании Политбюро в 1926 году. После того как этот агрессор был изгнан из партии, Сталин предложил программу быстрой и энергичной индустриализации Советского Союза. Но всего несколько лет назад именно Троцкий настаивал на «сверхиндустриализации» (53, 235; ср.: 292, 406). Таким же образом Сталин перенял враждебность Троцкого к кулакам и другим крестьянам и во время жестокой кампании по коллективизации 1929—1933 годах обращался с ними так, как Троцкому и не снилось⁹. Уже в середине 1928 года Бухарин в узком кругу говорил о Сталине как о неотроцкисте (103, 285). В апреле 1929 года философ Ян Стэн назвал сталинскую промышленную и сельскохозяйственную политику «вторым исправленным и дополненным изданием троцкизма» (цит. по: 2, 240).

Понятно, почему сам Троцкий был вне себя от подобной психологически-идеологической кражи: «Ни для кого не секрет, что в борьбе против сторонников

правого крыла Сталин принял милостыню левой оппозиции. Он не внес ни единой новой мысли. Его интеллектуальная работа заключалась лишь в угрозах и повторях лозунгов и доводов оппозиции, естественно, демагогически искаженных. Он не только подбирал старые обноски оппозиции, но и, с целью не быть узанным, отрывал лоскутья, не заботясь о том, чтобы сшить их вместе, придав им новую форму (подобные мелочи его не беспокоили), прикрывая ими свою наготу, когда в этом возникала необходимость. Однако нельзя сказать, что эти лохмотья, состряпанные из левого рукава, правого кармана, брючины — выкроенные по мерке кого-то другого, — можно было считать удовлетворительным покровом наготы лидера. И его сторонники не могли помочь ему, так как им приходилось точно следовать каждому шагу отца народов» (288, 398).

Используя ту же портновскую метафору, Ноув говорит о решении Сталина «украсть политические одежды троцкистской оппозиции» (222, 34). Как указывает Шапиро, «новый курс Сталина имел так много общих черт с тем, за что Троцкий, находясь в партии, так долго боролся, что тому не всегда было легко найти теоретическое обоснование для дальнейшей оппозиции Сталину» (250, 386; ср.: 76, 88 и далее). Конечно, только что процитированный отрывок из Троцкого скорее является поэтическим выражением гнева, чем примером «теоретической» аргументации.

Утверждать, что Сталин отождествлял себя с потенциально агрессивным Троцким, не значит одновременно предполагать, что Троцкий стал бы таким же разрушительным тираном, как Сталин, если бы он взял верх над последним. Сталин в своей деятельности в огромной степени превзошел «планы» Троцкого. Психологическое отождествление не обязательно ведет к историческому следованию. После победы Сталина над Троцким и его компанией будущее готовило Советскому Союзу огромные перемены.

Глава 10

ЕГО ЛЮБИМЫЙ АГРЕССОР

Возможно, самым интересным и дающим наибольшую пищу для выводов примером отождествления с агрессором в жизни Сталина является невероятное доверие по отношению к Гитлеру до того, как его войска напали на Советский Союз 22 июня 1941 года. Через шесть недель после вторжения Сталин признался американскому эмиссару в Москве Гарри Гопкинсу, что он не верил в нападение Гитлера (253, 335; ср.: 286, 227; 311, 211). Сталин открыто поведал: «Когда-то мы доверяли этому человеку» (157, 117). Такое доверие так никогда и не было надлежащим образом объяснено.

Многие историки даже отрицают само его существование. Например, Адам Улам полагает, что описание доверительного отношения Сталина к Гитлеру «В круге первом» Александра Солженицына является «абсурдным» (261,

122; 301, 529; ср.: 238, 72). Но психоаналитический анализ документальных свидетельств отношения Сталина к Гитлеру подтверждает версию Солженицына.

Похоже, Сталин игнорировал, по крайней мере частично, ощущение нависшего нападения. Он пренебрегал надежной информацией, поставляемой советской разведкой, в том числе армейскими разведданными с фронтов и донесениями знаменитого разведчика Рихарда Зорге из Токио. Он оставался глух к сведениям из дипломатических кругов, зарубежной разведки, зарубежных официальных лиц (включая Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля), немецких дезертиров с фронта и т.д. Уэйли (311) приводит в общей сложности 84 различных «предупреждения» о надвигающемся нападении со стороны Гитлера. Рой Медведев утверждает, «что именно по вине Сталина нападение гитлеровской Германии на СССР оказалось внезапным, и наши войска не были готовы к его отражению, — этот непреложный факт признается в настоящее время историками всех направлений» (38, 407). Официальная советская «История Великой Отечественной войны» говорит, что Сталин сделал «большую ошибку», недооценив вероятность нападения Германии (27, II, 18).

Адам Улам полагает, что «сложные чувства в отношении надвигающейся войны помешали Сталину подготовить к ней Советский Союз» (301, 531). Я бы сказал, что важной частью этого «сложного чувства» было подспудное отождествление с агрессивным Гитлером, хотя до этого момента Гитлер не совершил ничего, кроме словесной агрессии против страны Сталина. Сталин имел возможность узнать об этой агрессии. В интервью Рою Говарду в 1936 году, например, он говорил об угрозах Гитлера в отношении Советского Союза². В 1939 году он ответил отказом на просьбу Риббентропа сделать заявление о германо-советской дружбе. «Советское правительство, — заявил Сталин, — не могло бы честно

заверить советский народ в том, что с Германией существуют дружеские отношения, если в течение шести лет нацистское правительство выливало ушаты помоев на советское правительство» (38, 874; ср.: 149, 304). И все же Сталин подписал пакты как о ненападении, так и о дружбе с теми, кто выливал на него помои, а затем продолжал посылать в Германию экономическую помощь (нефть, марганец, металл, платину, древесину, хлопок, зерно) и упорно не замечал, как немецкие войска скапливались на советской границе. Сталин был не в состоянии осознать всю разрушительную важность того, что он делал. Таким же образом пациент психоаналитика, отождествляющий себя с агрессором, уже более не в состоянии оценить агрессию, исходящую от этого агрессора, — ведь в действительности целью такого отождествления как раз и является возможность подавить беспокойство, вызванное подобным признанием. Пакт Сталина с Гитлером (среди многих других вещей) являлся публичным признанием его самоослепляющего отождествления с потенциальным агрессором.

Всего за два месяца до вторжения Гитлера Сталин на глазах у всех обнимал барона Вернера фон Шуленбурга, посла Германии в Советском Союзе. Это случилось на проводах японского министра иностранных дел Есукэ Мацуока, с которым Сталин обсуждал пакт о нейтралитете: «Отъезд Мацуока был задержан на час, а затем был обставлен чрезвычайно церемонно. Очевидно, что как для японцев, так и для русских

было совершенной неожиданностью появление Сталина и Молотова, которые необыкновенно дружески приветствовали Мацуока и присутствующих японцев и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин вслух спросил обо мне и, найдя меня, подошел и обнял меня за плечи: «Мы должны оставаться друзьями, и Вы должны всячески этому способствовать!» Несколько позже Сталин повернулся к немецкому военному атташе генералу Кребсу, убедился, что он немец, а затем сказал: «Мы останемся с вами друзьями — несмотря ни на что (auf jeden Fall)!» Нет сомнения, что обращение Сталина к генералу Кребсу и ко мне было намеренным, и таким образом он сознательно привлек внимание всех присутствующих» (из телеграммы посла Шуленбурга от 13 апреля в немецкое Министерство иностранных дел: 218, 324; ср.: 286, 211—213).

Гитлер не ответил на это миротворческое послание ничего вразумительного, как и на другие публичные заявления Сталина типа: «Дружба между народами Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть продолжительной и крепкой» (из статьи в «Правде» в 1939 году, цит. по: 116, 445). Несмотря ни на что, Гитлер намеревался двинуться на Восток. Похоже, он был так же слеп при оценке опасностей ситуации, как и Сталин, хотя и по другим причинам.

14 июня 1941 года, за неделю до нападения Гитлера, Сталин уполномочил ТАСС опубликовать коммюнике относительно сплетен «о близости войны между СССР и Германией». В

коммюнике, в частности, говорилось: «...происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии, надо полагать, связана с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям» (Правда. 14.06. 1941, цит. по: 120, серия D, XII, 1027—1028).

Этими словами Сталин не только успокаивал себя. Он также внушал своим соотечественникам чувство ложной безопасности, что сделало их еще более неподготовленными к молниеносному удару Гитлера.

Картина предыдущих политических и военных агрессий Гитлера в Западной Европе, Югославии, Польше и т.д. не могла не впечатлить Сталина. Он должен был слышать о высокоэффективной технике блицкрига, применяемой гитлеровскими войсками. Он был осведомлен о «Mein Kampf» Гитлера с планами захвата «Lebensraum» на Востоке (Радек сообщал Луису Фишеру (131, 224), что

Сталин читал переведенные отрывки из этой книги). Короче говоря, до определенной степени Сталин должен был знать, что Гитлер опасен.

И все же Сталин предпочитал скорее восхищаться Гитлером, чем опасаться его. Хилгер почувствовал это, когда наблюдал за Сталиным во время переговоров в августе и сентябре 1939 года: «...тон, каким он говорил о Гитлере, и то, как он провозгласил за него тост, наталкивали на мысль, что его заметно впечатляли некоторые черты и действия Гитлера; но я не могделаться от чувства, что именно эти черты и поступки вызывали наибольшее неприятие среди немцев, находившихся в оппозиции к нацистскому режиму» (149, 304).

Даже помимо психологического процесса отождествления, Сталин должен был осознавать действительное сходство между ним и собой. Оно должно было соответствовать необходимости отождествления с агрессором. Оба они были диктаторами в своих странах. Оба требовали железной дисциплины от своих последователей. Оба враждебно относились к мужскому гомосексуализму (см. ниже, главу 12). У обоих были экспансионистские и империалистические амбиции, — особенно отметим параллель между безжалостной советизацией Сталиным родной Грузии и аннексией Гитлером его родной Австрии (93, 231; 114, 154). Оба были антисемитами и т.д. (отметим, что ни одна из этих черт не привлекала ни Чемберлена, ни Даладье).

Параллель между Сталиным и Гитлером стала столь очевидной, что нападки Бухарина на фашистский режим в Германии, опубликованные в «Известиях» 6 июля 1936 года, воспринимались некоторыми как эзопова полемика против самого Сталина (250, 486; 291, 75—76). Карикатура Дэвида Лоу 1936 года также проводит параллель. Она изображает Сталина сидящим за столом, на котором стоит фотография Гитлера. Сталин, держа в руках ножницы и зеркало, только что подстриг усы так, чтобы они походили на усы Гитлера⁵. Журнал «Time», назвав советского диктатора «человеком года» в 1939 году, многократно сравнивает Сталина и Гитлеоа.

4-

Совершенно очевидно, что как в Советском Союзе, так и за его пределами чувствовали общее между Сталиным и Гитлером.

Сталина неуклонно тянуло к сотрудничеству с Гитлером, причем он был готов пожертвовать своими советскими согражданами, так же, как ранее его влек русский советский экспансионизм, ради которого он пожертвовал своими братьями-грузинами. В бумагах британского Министерства иностранных дел в 1940 году цитировались слова одного советского дипломата, что «с 1933 года Сталина захватила идея соглашения с Германией» (148, 322). Уже в 1935 году сталинский комиссар иностранных дел Литвинов предлагал послу Германии в Москве советско-германский пакт о ненападении (120, серия С, IV, 138). Существует множество других примеров того, как советские представители обхаживали немцев,

прежде чем 23 августа 1939 года советско-нацистский пакт был наконец подписан. Как до, так и после заключения пакта объем торговли между Германией и Советским Союзом был весьма значительным. Троцкий попал в точку, когда в 1939 году назвал Сталина «интендантом Гитлера» (54, 272). Согласно словам дочери Сталина, после войны советский диктатор часто повторял: «Эх, с немцами мы были бы непобедимы!» (10, 340). Виктору Некрасову он заявил: «Конечно, он бандит, но я думал, что бандит умный, а оказался глупый. Вот если б мы вместе да против всех этих наших союзничков, Черчиллей, Рузвельтов, весь мир покорили бы, понимаешь, весь мир!» (42, 106; ср.: 148, 448).

При этом нельзя отрицать, что Сталин одновременно пытался укреплять советские отношения с Великобританией и Францией и в то же время искал пути примирения с Германией. Но я так и не смог найти свидетельств тому, что Сталин отождествлял себя с кем-либо из британских или французских лидеров, а доказательств отождествления с Гитлером существует великое множество. Мы также должны помнить, что Сталину не нужно было заключать пакт с Германией. Он мог бы просто соблюдать нейтралитет, в то время как Гитлер атаковал народы к западу от Советского Союза (ср.: 130, 169; 148, 348).

Уже в мае 1939 года Борис Суварин осознавал как то, что Сталин не просто хотел пакта с Германией, так и то, что заключение пакта вызвало предшествующую ему Большую Чистку: «Уничтожение такого количества невинных можно объяснить только как превентивную меру для подавления любого случайного препятствия на пути к соглашению с Гитлером» (264, 3). Такер, не будучи осведомлен об объяснении чисток Сувариним, предлагает такое же, но более детальное объяснение: «...Особенно жестокий удар во время массовых репрессий 1936—1938 годов был как по классу нанесен по членам партии (как советским, так и зарубежным), которых можно было заподозрить как искренних коммунистов-антифашистов. И дело было не только в том, что эти люди, включая множество старых большевистских лидеров, не смогли бы принять договор с нацистами. Чтобы понять особые мотивы, побудившие Сталина избавиться от них, необходимо помнить, что для него предстоящее заключение пакта с Гитлером являлось не только возможностью обеспечить временную безопасность от нападения и выигрыш во времени для дальнейшего укрепления обороны. Как показал его дальнейший альянс с Гитлером в 1939—1941 годах, он рассчитывал создать своего рода ось Москва—Берлин для сотрудничества двух диктатур в области расширения территорий, разделения сфер влияния в Восточной Европе, на Балканах и даже на Ближнем Востоке. Что же касается старых большевиков и других поддерживающих их членов партии, то они были революционерами, а не старомодными русскими империалистами. Пусть неохотно, но они могли бы согласиться на простое соглашение с Берлином о ненападении. Но Сталин знал, с каким отвращением большинство из них отнеслось бы к политике прямой империалистической агрессии, да еще при сотрудничестве с фашистской Германией.

Так же как нельзя было ожидать, что Польская коммунистическая партия (которая была просто распущена во время Большой Чистки) будет молча созерцать новый раздел Польши между Россией и Германией. Таким образом, чтобы иметь полную свободу действий в осуществлении советско-нацистского альянса, Сталину необходимо было либо устранить, либо избавиться от тысяч как зарубежных, так и советских коммунистов и получить абсолютную власть как во внешней, так и во внутренней политике, которую... и дала ему Большая Чистка» (291, 74—75; ср.: 156, 136—143; 149, 292—293; 21, 241; 252, 157; 95, 202).

Как Такер уже доказывал (см. выше, с. 43—44), Большая Чистка являлась проявлением паранойи Сталина. Однако в только что процитированном отрывке Такер говорит о том, что у чистки была политическая цель. Предположив, что обе эти гипотезы верны, можно сделать вывод, что паранойя Сталина оказалась очень полезной в политическом плане (см. также примечание 3, с. 188—190).

По когда Сталин проводил чистки, он не только использовал паранойю в политических целях. Одновременно он отождествлял себя с Гитлером, который в свою очередь был параноиком, успешно пользующимся своей паранойей в политических целях.

Наблюдая издали за сталинскими чистками в 1938 году, Муссолини интересовался, «не стал ли Сталин потихоньку фашистом» (цит. по: 291, 77). Гитлер, должно быть, задавал себе этот же вопрос (в своих послеобеденных речах он выражал восхищение «этим хитрым кавказцем» — 86, 417; ср.: 155, 7, 476; 156, 155; 149, 304; 271, 397—398). С психоаналитической точки зрения «стать фашистом» было бы вполне естественным политическим последствием отождествления Сталина с агрессивным Гитлером⁸.

По словам Антонова-Овсеенко, некоторые агенты НКВД ездили в 1933 и 1934 годах в Германию изучать методы гестапо: «Судя по результатам, стажировка оказалась весьма и весьма полезной» (75, 257).

Луис Фишер доказывает, что внедрение Сталиным в 30-х годах русских националистических элементов в советскую жизнь — возрождение царских чинов в советских войсках, введение орденов, названных именами царских генералов, поощрение использования в прессе великорусских националистических терминов — было сделано в подражание Гитлеру, который связал немецкий народ с немецким национализмом (131, 224—227).

Рональд Хингли отмечает подражательный характер приказа Сталина советским войскам, когда тот, ссылаясь на финскую агрессию, приказал вторгнуться в Финляндию в ноябре 1939 года: «Придумывая такой повод, он скопировал метод Гитлера, который атаковал Польшу в ответ на «приграничные провокации» (152, 297; ср.: 286, 136; 199, 65). Подробный отчет Вяйне Таннера о советско-финских переговорах перед советским вторжением подтверждает слова Хингли (278). Во время переговоров! Сталин открыто сравнивал себя с Гитлером: «Вы спрашиваете, почему мы хотим Койвисто? Я отвечу почему. Я спрашивал

Риббентропа, почему Германия начала войну с Польшей. Он ответил: «Нам было необходимо отодвинуть польскую границу от Берлина». Перед войной расстояние от Познани до Берлина было около 200 километров. Теперь граница отодвинута на 300 километров к востоку. Мы просим, чтобы расстояние от Ленинграда до границы было 70 километров. Это наше минимальное требование, и вы не должны полагать, что мы готовы потихоньку уменьшать его. Ленинград мы пододвинуть не можем, а поэтому должна пододвинуться граница. Что касается Койвисто, то вы должны иметь в виду, что шестнадцатидюймовые орудия, расположенные там, могут полностью блокировать передвижения нашего флота далеко в глубь залива. Мы просим 2700 квадратных километров и предлагаем взамен более 5500. Поступала ли так какая-либо другая сильная держава? Нет. Только мы такие простаки» (там же, 27—28).

В ответ на заявление финского участника переговоров Паасикиви о том, что Финляндия не уступит так легко Ханко и определенные районы Карельского перешейка Советскому Союзу, Сталин сказал: «В общем, это пустяки. Посмотрите на Гитлера. Граница Познани была, по его мнению, слишком близка к Берлину, и он занял еще 300 километров» (там же, 30). Это было совершенно неприкрытой угрозой Финляндии (162, 409). Но не только. Такое сравнение с Гитлером ясно указывает на то, что Сталин отождествлял себя с ним.

Собственно, интенции Сталина были: Я могу победить Финляндию.

Но глубоко в подсознании сидело беспокойство по поводу Гитлера, то есть: Гитлер может победить меня.

Для того чтобы избавиться от этого беспокойства, Сталину были необходимы два отрицания: субъект: не Гитлер, а я. объект: не меня, а Финляндии

Таким образом, Сталин смог уменьшить беспокойство путем отождествления с агрессором и в то же время сделав жертвой кого-то другого.

Возможно, что во времена нацистско-советского пакта Сталин отождествлял себя не только с Гитлером. Могло сыграть свою роль и отождествление с покойным великим Лениным: «Совершая сделку с Гитлером, Сталин непременно должен был помнить о прецеденте Брест-Литовского договора, с помощью которого Ленин выиграл время и удержал немцев на расстоянии вытянутой руки в 1918 году» (170, 316; ср.: 170, 329; 301, 166)⁹. В этом есть смысл в свете того, что еще на раннем этапе Сталин все-таки выработал героическое отождествление с Лениным (292, 133—138), а позже приходил в негодование, когда его воспринимали как «Ленина II», если использовать выражение Такера. Такие пропагандистские фразы, как «Сталин — это Ленин сегодня», «Лучший ленинец», «Лучший ученик Ленина», «Продолжатель дела Ленина» и т.д., а также обширный фольклор о замечательной дружбе Ленина и Сталина (215) свидетельствуют об отождествлении с Лениным¹⁰. Пользуясь терминологией Лассуэлла, Такер говорит, что основой для начала Сталиным «публичного» культа Ленина был уже существующий в мозгу Сталина

«частный» культ личности.

По не будем забывать знаменитый акт ленинской агрессии против Сталина, то есть его «Завещание», в котором он заявил, что «Сталин слишком груб», и рекомендовал сместить Сталина с поста генерального секретаря (см. выше:

с. 86). Данный документ почти лишил Генсек его поста. Это должно было ударить по Сталинской нарциссической сущности. Если он поддерживал «публичный» культ Ленина после того, как узнал о содержании «Завещания», то есть если он продолжил свое отождествление с Лениным, то теперь это было, по определению, отождествлением с осознанным агрессором.

Но вернемся к взаимоотношениям с Гитлером. Хотя Сталин был еще большим диктатором, чем Гитлер, с точки зрения подготовки к войне результаты его диктатуры были более разрушительны. Его отождествление с Гитлером привело к действиям, которые в огромной степени ослабили экономическую и военную структуру Советского Союза. Германия же не пережила таких потрясений во время правления Гитлера в 30-е годы. Иными словами. Советский Союз подвергался риску в результате действий Сталина. Это задолго до войны поняли такие люди, как биограф Сталина Борис Суварин: «...молодая Россия, обескровленная Сталиным, оставляет свободным поле боя для немецкого динамизма...» (264, 672). Кривицкий тоже, оглядываясь назад, спрашивает: «Почему Сталин обезглавил Красную Армию в то время, когда было общеизвестно, что Гитлер лихорадочно готовится к войне?» (178, 211). Сами немцы осознавали, что происходит. Так, в письме от 10 октября 1938 года советник немецкого посольства фон Типпельскирш заявил, что сталинская «кадровая политика» не укрепляет военный потенциал Советского Союза (120, серия D, IV, 477).

Говоря с позиций сегодняшнего дня, Такер пишет: «...Большая Чистка в действительности была для советского общества операцией огромной разрушительной силы. Сам Сталин должен был осознавать, что резня в среде советской руководящей элиты никак не могла сделать советскую систему и экономику более способной противостоять военным испытаниям. Он должен был также понимать, что устранение 35 000 офицеров (так оценивается число репрессированных), а также командирского состава во главе с необыкновенно способным Тухачевским никоим образом не способствовало укреплению боеготовности и морального состояния армии. Эта военная чистка сама по себе в значительной степени объясняет слабые действия Красной Армии на протяжении большей части финской войны и ошеломляющие отступления в 1941— 1942 годах; и все эти последствия можно было легко предугадать» (291, 72).

Нет сомнения в том, что действия Сталина являли собой «разрушительную операцию»¹³. Но это внешняя, объективная точка зрения, из этого совсем не следует, что Сталин воспринимал ситуацию таким же образом. Такер убедительно доказывает, что Сталин был нацелен на империалистическое сотрудничество с Германией. Но это сотрудничество было неотъемлемой частью отождествления

с Гитлером, а отождествление с агрессором, как мы уже видели, ослепляет. Кроме того, если (по крайней мере на ранней стадии) его и начинала беспокоить мысль о том, что он разрушает Красную Армию, он всегда мог успокоить себя словами: «Это Тухачевский ослабляет советскую обороноспособность»; «Это Якир наносит вред»; и т.д. (ср.: 152, 265).

На что Сталин был сознательно нацелен, так это сделать положение вещей лучше для Гитлера (успокоение), а не хуже для Советского Союза. Положение вещей для Советского Союза действительно становилось хуже, но Сталин был не в состоянии осознать этот факт или, по крайней мере, не мог осмыслить всю его важность для собственного благополучия. Своей параноидальной увлеченностью чистками он смог защитить (в действительности чрезмерно защитить) себя от потенциальных внутренних агрессоров (старых большевиков, перво-классных армейских офицеров и т.д.), но не смог защитить себя (не говоря уже о советском народе) от внешнего агрессора, Гитлера, путем отождествления с ним.

Последствия были катастрофическими. Из всех примеров отождествления с агрессором в биографии Сталина одно лишь отождествление с Гитлером позорно провалилось. Другие же были по большей части удачны в том смысле, что они играли на руку Сталину. Например, когда он временно служил царской охранке, он решал свои личные и фракционные проблемы (см.: 292, 108 и далее). Когда стал по национальности русским, он переметнулся «от проигрывающей стороны истории к выигрывающей» (там же, 142).

Тенденция Сталина отождествлять себя с агрессором (или с тем, кого он считал потенциальным агрессором) прекрасно соответствовала его высокоэффективной стратегии «разделяй и властвуй»¹⁴. Например, для борьбы с Троцким он временно становился на сторону Каменева и Зиновьева (= по крайней мере чисто внешне отождествлял себя с ними), а затем поддержал Бухарина, чтобы избавиться от Троцкого, Каменева и Зиновьева (Бухарин был уничтожен позже). Но такой подход не сработал с Гитлером, который слишком легко отвлекся от войны с Англией. Отождествление с Гитлером было абсолютным и воистину саморазрушительным. Предыдущие отождествления с русскими как классом, с царской охранкой, с Каменевым—Зиновьевым и т.д., без сомнения, давали Сталину временную возможность закрыть глаза на вероятную агрессию со стороны всех этих людей, которые на сетом-то деле либо не были агрессивны в отношении его (например, русские как класс), либо были недостаточно агрессивны для того, чтобы уничтожить его (например, царская полиция). Но игнорирование возможности агрессии со стороны Гитлера не означало реального отсутствия агрессии. Гитлер действительно был агрессивен. Если бы Гитлер был таким же святым, как другие (реальные и вымышленные) враги Сталина, и/или если бы отождествление Сталина с Гитлером не было столь эмоционально сильным, ход истории мог бы быть совершенно иным. Гитлер мог бы направить все свои усилия на поражение Великобритании, прежде чем напасть на Советский Союз. Либо Сталин смог бы воздвигнуть более крепкую оборону на

границе Советского Союза. Но это всего лишь предположения. Факт в том, что Сталин путем отождествления с Гитлером не смог предотвратить его агрессию. Он только смог частично приглушить осознание возможности такой агрессии. И хотя такое заниженное осознание служило психологически защитным целям и избавляло его от личного беспокойства, оно оставило советский народ совершенно беззащитным перед Гитлером.

Глава 11

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ

Когда Гитлер все-таки нанес удар в те страшные утренние часы 22 июня 1941 года, первой реакцией Сталина было отрицание самой возможности такого действия со стороны Гитлера. Должно быть, напал кто-то другой. Такая точка зрения становится ясной из телефонного разговора генерала И. В. Болдина с маршалом Тимошенко спустя часы после начала вторжения: «Я сообщил ему, что немецкие самолеты продолжают бомбить советские войска и гражданское население. Враг пересек границу во многих местах и продолжает двигаться вперед. Внимательно выслушав меня, маршал Тимошенко сказал: — Имейте в виду, товарищ Болдин, что никакие действия против немцев не могут быть начаты без нашего согласия.

— Что? — закричал я в телефон. — Наши войска вынуждены отступать, горят города, гибнут люди...

— Иосиф Виссарионович полагает, что, возможно, это провокации со стороны некоторых немецких генералов» (87, 229; ср.: 173, 51—52; 171, 167; 15, I. 423; 219, 183, 221; 55, 141).

По словам Ситона (251, 95), Сталин, «похоже, имел странное представление о политической силе некоторых немецких генералов в Третьем Рейхе». С тех пор как Кривицкий сообщил Сталину в 1932 году, что в немецкой армии существует оппозиция Гитлеру (178, 5), Сталин был начеку в отношении инакомыслящих в немецких вооруженных силах. Эту точку зрения не поколебало и то, как Гитлер избавился от капитана Эрнста Рема и других политических соперников во время «ночи длинных ножей» в июне 1934 года, и последующая концентрация силы в его руках (ср.: 147, 39). А в январе 1941 года работник НКВД Кобулов дал задание агенту ГПУ в Берлине выяснить, кто из военных в Германии находится в оппозиции к нацистско-советскому сотрудничеству, если таковые существуют (120, серия D, XI, 1086; ср.: 301, 528). Толстой предполагает, что Гитлер мог даже направить Сталину ложное предупреждение о заговорщицких элементах среди немецкого высшего командования (286, 227 и далее), хотя, если это правда, легкое верие Сталина все равно труднообъяснимо.

В это же время Сталин очищал свои собственные вооруженные силы от офицеров, которые могли бы воспротивиться нацистско-советскому сотрудничеству. Многие ученые отмечают, что Сталин в этом плане фактически копировал действия Гитлера: «Та гитлеровская Ночь послужила Сталину моделью для резни, устроенной им после убийства Кирова» (11, 150; ср.: 250, 485; 178, 184; 79, 319; 286, 84; 53, II, 211; 265; 110, 408). Подобная имитация, конечно же, являлась неотъемлемой частью отождествления Сталина с Гитлером¹. Но Сталин переусердствовал (по причинам, о которых будет сказано ниже). Его чистка была более кровавой и затянувшейся, чем у Гитлера, и все это время он продолжал верить, что у Гитлера в его армии существует значительная оппозиция. Упрямство, с каким он придерживался этой иллюзии, указывает на то, что Сталин путал ситуацию, в которой находился Гитлер, со своей ситуацией. Но причиной путаницы было не только отождествление с Гитлером («я должен поступить со своими оппонентами так же, как поступил Гитлер»). Это также было результатом его привычной проекции («у Гитлера все еще существуют противники, так же как и у [я полагаю] меня»). Можно сказать, что отождествление открыло путь проекции, так как оба эти понятия несут в себе равенство, а именно: Сталин = Гитлер.

Или, с персональной точки зрения Сталина, я = он.

При отождествлении с агрессором «направление» равенства идет слева направо, то есть

я — это он, в то время как при проекции на Гитлера «направление» было справа налево, то есть

он — это я.

Похоже, что два этих процесса — отождествление с агрессором и проекция — функционировали в мозгу Сталина одновременно, а опасность вторжения Гитлера тем временем возрастала.

По мере того как росли признаки враждебных намерений Гитлера, в подсознании Сталина проявлялись другие защитные процессы. Особенно заметную роль играла рационализация. Например, у Сталина существовала тенденция подозревать во враждебных намерениях в отношении Советского Союза скорее Англию, чем Германию. В этом подозрении была определенная доля истины (что часто происходит при паранойе. См.: 133, VI, 256). Уинстон Черчилль, признанный антикоммунист, руководил британской интервенцией против большевиков в 1918—1920 годах. Попустительство Невилла Чемберлена Гитлеру в 1938 году заставило Сталина почувствовать себя еще более беззащитным (особенно см.: 147, 167 и далее; 146, 100). Британия не очень-то откликнулась на попытки Сталина создать советско-британско-французский альянс в 1939 году (особенно см.: 100, I, 391. VI. 364; 146, 100; 147, 211 и далее). Существовала также возможность бомбардировки Британией нефтяных скважин в Баку (см.: 286, 160 и далее). Таким образом, в минуты сомнений Сталин мог нереалистично и с защитной целью

переключить внимание с немецкой враждебности на британскую. Поэтому, получив от Черчилля надежную информацию о готовящемся нападении Германии, он предпочел интерпретировать это как хитрую попытку спровоцировать ссору между Советским Союзом и Германией. Или же, когда посланец Гитлера Рудольф Гесс вылетел неожиданно по своей инициативе в Англию в мае 1941 года, у Сталина возникли большие подозрения, что Англия снова пытается подтолкнуть Германию к нападению на Советский Союз. Вместо того чтобы обратить внимание на очевидную агрессивность Германии, Сталин (поддерживаемый такими соратниками, как Маленков и Хрущев) сконцентрировался на враждебных намерениях Великобритании⁴.

Другой пример такой защитной рационализации касается расчета времени нападения Гитлера. Время от времени Сталин, похоже, признавался себе, что он знает о готовящемся нападении Гитлера. Дело было только в том, что нападение произойдет позже, не сейчас. Так, в ночь перед вторжением Сталин в присутствии членов Политбюро выразил мнение, что Гитлер не станет нападать «в ближайшее время» (40, 96). Из разных источников Верту было сообщено, что в своей речи 5 мая 1941 года перед выпускниками советских военных академий Сталин утверждал, что война с Германией «почти неизбежно» начнется в

1942 году (310, 123; ср.: 311, 209). Или же, хотя 6 июня 1941 года Сталин одобрил подробный план перехода советской промышленности на производство военной продукции, к осуществлению этого плана должны были приступить только в конце 1942 года (247, 69). Как сказал Сталин американскому послу Гарриману во время войны, «если бы только Гитлер дал мне еще один год» (144, 12).

Незадолго до вторжения Сталин мог прибегать к другой рационализации — что Гитлер перед нападением по меньшей мере предложит ультиматум. Например, Сталин мог предположить, что Гитлер потребует сельскохозяйственные районы Украины. По мнению Уэйли «[Сталин] совершенно очевидно ожидал последнего предупреждения со стороны Германии в форме ультиматума» (311, 199). Этому, однако, нет прямых свидетельств (в то время как существует масса свидетельств, что Сталин думал о «провокациях» и о преждевременности войны в 1941 году). Как показал Уэйли, многие исследователи допускали гипотезу ультиматума, и, возможно, к этому их побуждала кампания дезинформации, развязанная Гитлером. По, похоже, для самого Сталина идея ультиматума не играла решающей роли.

Основные психологические способы защиты, к которым прибегал Сталин накануне немецкого вторжения, можно теперь суммировать следующим образом: 1) отождествление с агрессором (Гитлером), 2) проекция своих (реальных или вымышленных) черт на этого агрессора, 3) отрицание обоснованности предупреждений и

4) различного рода рационализации. Первый из них был наиболее глубинным и эффективным средством защиты, находящимся в психологическом распоряжении Сталина. Большая часть его беспокойства по поводу Гитлера нейтрализовалась отождествлением с агрессором. К тому же остальные три способа рассеивали любые оставшиеся тревоги. Они создавали в мозгу Сталина внешне логичную, рациональную структуру. Гитлер не (отрицание) собирается нападать именно сейчас (рационализация), поскольку в его армии (Проекция) существуют инакомыслящие, а также из-за Британии (рационализация). Просто Сталин был недостаточно обеспокоен возможностью нападения со стороны Гитлера, чтобы воспринимать эту поверхностную защитную структуру более критично. А причиной такой ситуации являлось то, что его отождествление с агрессивным Гитлером уже устранило большую часть беспокойства.

Глава 12

ЭЛЕМЕНТ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ

Интересно проследить, какими метафорами обычно пользуются историки и биографы при описании нацистски-советского пакта: «Гитлер безошибочно стал искать дружбы со Сталиным. Кавалер становился все более и более настойчивым...

Довольно точно можно определить время, когда Сталин наконец решил больше «не хмуриться и не капризничать»...» (116, 435— 436).

«Сталин никогда не читал элегантный французский роман XVIII века «Опасные связи», где описываются уловки любви и предательства, которыми развлекалась дореволюционная аристократия. И все же игра, которую он вел летом 1939 года, была классической интригой, вызывающей в памяти чувственность дипломатии старой школы...» (301, 509).

«История этого альянса напоминает провинциальную мелодраму: любовь с первого взгляда, безграничная доверчивость, коварная измена, печальный конец...» (11, 287).

«...Чем агрессивнее становилась политика Гитлера, тем более настойчивым становился Сталин в своем ухаживании. И чем сильнее Сталин домогался его, тем наглее вел себя Гитлер» (178, 4).

Насколько я знаю, никто из этих исследователей не является большим поклонником психоанализа. И конечно же, никто из них не пользуется концепциями Фрейда для объяснения своеобразных отношений между Сталиным и Гитлером. И все-таки использование метафор ухаживания и любви¹ говорит о том, что они, пусть непреднамеренно, почувствовали элемент гомосексуальности в этих отношениях. Это особенно ярко выражено в дерзкой и образной метафоре Джонатана Хаслама: «Последняя попытка привлечь внимание Германии с помощью торговли была предпринята в феврале 1937 года, и, хотя Гитлер не проявил

интереса, такая альтернатива уютно обосновалась в чреве советской внешней политики в ожидании оплодотворения Германией» (147, 196).

Был ли в отношении Сталина к Гитлеру хотя бы некоторый элемент гомосексуальности? Были ли гомосексуальными (в любом смысле этого слова) его отношения с теми людьми, которые играли в его жизни важную роль (отец, Ленин, Троцкий, Бухарин, Черчилль и т.д.)?

Психоанализ показывает, что взаимоотношения любого мужчины со своим отцом в той или иной степени являются гомосексуальными: «мальчик не просто испытывает амбивалентные чувства к отцу и симпатизирует матери, но и в то же время он ведет себя как девочка и проявляет чисто женскую симпатию к своему отцу и, соответственно, ревность и враждебность по отношению к матери» (133. XIX, 33; 127, 333—

334). Если с этим психоаналитическим постулатом можно согласиться, то он в полной мере может быть отнесен к Сталину, как это и сделал Фельдман: «Как, должно быть. Сосо ненавидел старого Виссариона и как ему мечталось о сладкой мести! Вероятно, он от всей души мечтал, чтобы тот попал к нему в руки. Чувствуя невозможность подобной мести, его эго могло пытаться успокоить отцовский гнев мальчишески «византийскими» подлизыванием, раболепством, задабриванием, упрашиванием, умасливанием, то есть всеми приемами молодого льстеца. Вполне вероятно, что в своих мечтах Сталин представлял, как он возвращает расположение отца или, по крайней мере, тот грубо показывает свою симпатию, и для этого он перенимал манеру поведения матери. Многие в гомосексуальности происходят от таких неосознанных поступков» (126, 252).

Вся беда в том, что нет ни малейших свидетельств в пользу такой трактовки. Возможно, Фельдман прав. То есть он безусловно прав, если, как уверяют психоаналитики, все люди до некоторой степени бисексуальны (185, 52—54) и если близость к матери в сочетании с жестоким поведением отца является первичной причиной для проявления у мальчика женских черт (237, 353, 377). Но такая предварительная аргументация должна быть подкреплена конкретными фактами из детской биографии Иосифа Сталина.

Но никакие факты прямо на его гомосексуальность не указывают. Самое большее, что

можно сделать, это догадываться, что у Сталина должны были быть гомосексуальные наклонности в детстве, поскольку, как показывает Такер, в зрелом возрасте он так интересовался нанесением побоев. Согласно Фрейду (133, XVII, 179—204) и Крису (80, 58—59), психоаналитическим значением фантазий битья является инфантильное желание быть любимым отцом. Мы знаем наверняка, что и маленький Сосо, и его мать бывали биты Виссарионом. Если Сосо уже в детстве начал извлекать сексуальные фантазии битья из воспоминаний об избиваниях его самого и его матери, то в этом случае он мог бы реагировать знакомым для психоаналитиков образом.

У взрослого Сталина было эмоциональное отношение к гомосексуальности. Он не любил гомосексуалистов, таких, как советский министр иностранных дел Георгий Чичерин (97, 134; 131, 201). Хотя ему нравилось, когда его сравнивали с Иваном Грозным, он не мог не знать, что Ивана влекло к молодым мужчинам (см.: 166, 1). Он, очевидно, не одобрял гомосексуальных моментов во второй части фильма Эйзенштейна «Иван Грозный» (301, 436). Кинокритик Дуайт Макдональд следующим образом описывает гомосексуальные аспекты второй серии: «Из одиннадцати главных ролей только одна женская — похожая на ведьму Ефросинья. В фильме появляется необыкновенное множество молодых и — иначе не скажешь — красивых мужчин, чьи средневековые длинные волосы делают их похожими на

девушек. У Ивана есть фаворит, кокетливый молодой опричник с дерзкими глазами, и Иван находит много причин для того, чтобы коснуться красивого молодого лица. Но Эйзенштейн стыдился гомосексуальных наклонностей, и их свободный показ означал отчаяние, а не радость. Существует ли что-нибудь менее привлекательное, чем сцена пира, где нет ни одной женщины и где Иван спокойно задумывает убийство Владимира? Правда, есть безумная мужская пляска, но танцоры кружатся скорее в отчаянии и неистовстве, чем в восторге и удовольствии» (202, 261—262).

«Два гомосексуалиста в фильме показаны в открытую, и оба — злодеи. Один из них — король Польши, который обитает среди изнеженных придворных, ходит в невообразимо огромном воротнике и, конечно, строит планы повести армию цивилизованной Европы против варварской Московии. Основным же является весьма странный персонаж — сын Ефросиньи Владимир, который предстает перед нами пьяницей, трусом и неженкой. Он постоянно говорит своей матери (женщине, чей вид делает диснеевских ведьм просто ангелами), что он не хочет быть преемником Ивана, что он не выносит кровопролития и что он мечтает только о мире. Эти сентиментальные излияния сопровождаются надутыми губами и девическим кокетством» (там же, 263).

Сталин не мог этого не заметить. Именно при Сталине гомосексуализм стал в Советском

Союзе уголовно наказуемым деянием. Криминолог Валерий Чалидзе говорит, что «не вполне понятно, почему в 1933 г. было введено наказание за добровольное мужеложство между взрослыми» (60, 227). Но, возможно, все объясняет личное враждебное отношение Сталина к гомосексуализму. В конце концов, никто уже не спрашивает, почему были казнены Бухарин, Тухачевский, Зиновьев и др. От них избавились, потому что этого хотел Сталин. Гомосексуальность была поставлена вне закона, потому что Сталин пожелал сделать ее незаконной.

Однако враждебность Сталина в отношении гомосексуализма не исключает наличия в его жизни гомосексуальных фантазий и даже гомосексуальных поступков. С точки зрения психоанализа враждебность в отношении каких-либо

явлений только указывает на повышенное внимание к ним. Возможно, Сталин «слишком сильно протестовал».

В анналах истории содержится только одно упоминание о действительно гомосексуальной связи в жизни Сталина. Предположительно, любовником был венгерский еврей К. В. Паукер, начальник личной охраны Сталина в начале и середине 30-х годов. Паукер, описанный Орловым как обладатель «неприлично красных и чувственных губ и страстных черных глаз», был целиком предан Сталину. Орлов вспоминает, как он узнал об особенных отношениях между Паукером и Сталиным: «Летом 1937 года, когда большинство руководства НКВД было уже арестовано, я случайно

встретил в одном из парижских кафе некоего Г., венгра по национальности, который был подпольным агентом зарубежного отдела НКВД и старинным приятелем Паукера. Полагая, что он недавно приехал из Москвы, и надеясь узнать у него последние новости об арестах, я присел за его столик. «С Паукером все в порядке?» — пошутил я, даже и не предполагая, что что-нибудь может тому грозить.

«Как ты можешь!» — воскликнул он, глубоко потрясенный, как будто я сказал что-либо кощунственное. «Паукер значит для Сталина гораздо больше, чем ты предполагаешь, он более чем друг... и более чем брат. Уж это-то я знаю», — сказал он с многозначительным ударением» (224, 352—353).

Паукер исчез во время многочисленных чисток 1937 года вместе с остальными. Если у Сталина и были с ним сексуальные отношения, он не был склонен к сентиментальному их восприятию. Сталин мог вообще не воспринимать их как гомосексуальную связь, если он, допустим, играл в них чисто «активную» роль (например, позволяя Паукеру делать минет).

На той же странице, где Орлов описывает рассказ Г. о гомосексуальности Сталина, он также цитирует сделанное Г. описание вечера, на котором Паукер изображал Григория Зиновьева перед расстрелом. Зиновьев падал на колени и обнимал ноги палачей: «Сталин наблюдал за каждым движением «Зиновьева» и громко хохотал. Заметив, что Сталину понравилась эта сцена, гости потребовали, чтобы Паукер повторил представление. Паукер повиновался. На этот раз Сталин смеялся так безудержно, что согнулся пополам и обеими руками держался за живот. А когда Паукер сымпровизировал и, вместо того чтобы упасть на колени, воздел руки к небу и воскликнул: «Услышь, Израиль, наш Бог — единственный Бог!»», Сталин больше не мог этого вынести и, задыхаясь от смеха, знаками велел Паукеру прекратить представление» (там же, 353).

Эта гротескная сцена не имела ничего общего с гомосексуализмом Сталина (она более подтверждала его антисемитизм). Часть исследователей-сталинистов цитировала этот отрывок, игнорируя предшествующий, о гомосексуальной связи с Паукером. Совершенно ясно, что вопрос о возможном гомосексуаль-

лизме Сталина всячески избегался, но не потому, что ставилась под вопрос достоверность слов Г., источника Орлова. Все же и Г. мог быть недостоверен, и Паукер мог просто фантазировать.

Если свидетельства явного гомосексуализма Сталина весьма скудны, то доказательств его гетеросексуальной деятельности — масса. Его первая жена Екатерина Сванидзе родила Якова. У его второй жены Надежды Аллилуевой родилось двое детей — Василий и Светлана. Никто никогда не сомневался в том, кто является отцом этих детей. Кроме того, есть свидетельства, что у Сталина были еще дети. Антонов-Овсеенко говорит, что «во время пребывания в ссылке в Туруханске Коба изнасиловал тринадцатилетнюю девочку» (75, 241). У девочки родился мертвый ребенок, а затем она произвела на саяе мальчика, который выжил (ср.: 72, 381—382; 47, I, 131). Троцкий уверяет, что у Сталина была еще одна дочь, помимо Светланы, но не ?? Аллилуевой (53, II, 147). Предположительно, шестнадцатилетняя дочь члена Политбюро Лазаря Кагановича также забеременела от Сталина (75, 242)2.

Исходя из сказанного, нет сомнения в гетеросексуальности Сталина. Однако это не исключает ни явных, ни скрытых гомосексуальных интересов.

В конце концов, Сталин являлся политиком. В «Психопатологии и политике» Лассуэлл говорит: «В политической жизни существует множество гомосексуальных черт. Для политиков характерна совместная работа в небольших группах, и многие из них испытывают трудности в достижении стабильной гетеросексуальной жизни» (187, 178)3. Как будет видно далее, гетеросексуальная жизнь Сталина также не была налажена, а его взаимодействие с политическими коллегами было для него всем.

Некоторые чисто мужские послевоенные оргии у Сталина несут в себе черты гомосексуализма. Тереза Торанска в своей подпольной книге «Они» приводит интервью с Якубом Берманом, польским правительственным деятелем, который знал Сталина: Якуб Берман. Однажды, я думаю, в 1948 году у меня был странный танцевальный партнер — Молотов [смеется].

Тереза Торанска. Вы имеете в виду миссис молотов?

Берман. Нет, ее не было; ее отправили в трудовой лагерь. Я танцевал с Молотовым — должно быть, это был вальс или, по крайней мере, что-то простое, потому что я не имел ни малейшего понятия, как танцевать, — и я просто двигал ногами под музыку.

Торанска. Как партнерша?

Берман. Вел Молотов; не знаю как. В принципе он не был плохим танцором, и я старался подладиться под него, но для меня это было больше похоже на кривляние, чем на танец.

Торанска. А с кем танцевал Сталин?

Берман. О, Сталин не танцевал. Сталин крутил граммофон: он считал это своей обязанностью. Он никогда не отходил от него. Он ставил пластинки и наблюдал.

Торанска. Он наблюдал за вами?

Берман. Он смотрел, как мы танцуем.

Торанска. Значит, вы хорошо провели время.

Берман. Да, было неплохо, но чувствовалось внутреннее напряжение.

Торанска. Иными словами, на самом деле вам не было весело?

Берман. Кто на самом деле веселился, так это Сталин (287, 48).

Подобная ситуация не являлась исключением. Сталин во время подобных вечеринок имел привычку заставлять своих товарищей-мужчин танцевать (171, 301; 214, 45; 305, 148). В свое собрание историй о Сталине

Илья Суслов включает рассказ на эту тему (50, 12).

Не нужно быть психоаналитиком, чтобы увидеть гомосексуальный подтекст в мужчинах, танцующих друг с другом. Имея абсолютную власть над своими соратниками, Сталин имел возможность заставлять их осуществлять его гомосексуальные фантазии.

Однако во время одной из попок Сталин показал, что он способен действовать и самостоятельно. Он выпил с Тито на *bruderschaft*, «выпрямился и сказал: «У меня еще есть сила!» — и, подхватив Тито двумя руками, поднял его три раза под звуки русской народной мелодии, которую играл граммофон» (113, 283). Очевидно, алкоголь позволил Сталину хотя бы частично дать выход его гомосексуальным эмоциям. Уильям Буллитт, который некоторое время был американским послом в Советском Союзе в середине 30-х годов, сказал: «Одно время Сталин испытывал ко мне большую симпатию. Однажды, выпив немного больше, чем следовало, он поцеловал меня прямо в губы — какое же это было ужасное ощущение!» (231, 548).

Гетеросексуальная жизнь Сталина — когда таковая имела место — никогда не была как следует налажена и не носила регулярного характера. Со своей первой женой Екатериной он жил урывками. Его второй жене Надежде было с ним очень трудно (ей было семнадцать лет, когда сорокалетний Сталин на ней женился, и, возможно, ей было всего шестнадцать, когда он лишил ее невинности).

Часто после ссор с деспотичным Генсеком ее находили в слезах. Некоторые предполагают, что он был ей неверен (см., напр.: 191, 226— 229; 162, 260 и далее; 63, 190). Постепенно он довел ее до самоубийства в 1932 году, даже, возможно, он ее и убил, хотя рассказы о том, как он это сделал, весьма противоре-

чивы (см., напр.: 180, 91—92; 75, 117; 63, 199). Версия убийства несет в себе значительный психологический смысл, учитывая, что молодой Сосо был свидетелем попытки отца убить его мать (см. выше: с. 69), и зная уравновешенный характер и чувство ответственности Надежды, которые исключили бы самоубийство (см., напр.: 63, 194; 266). После смерти Надежды Сталин мог вступить в связь с женщиной по имени Роза Каганович, а мог и не делать этого, в зависимости от того, чьим воспоминаниям верить (см., напр.: 72, 382 и противоположные свидетельства: 270, 360-361; 165, 171). Но если Сталин и нашел другую женщину, то ненадолго. Возможно, детская близость с чрезмерно заботливой матерью плюс отождествление с отцом, избивающим жену, породили его изначальное женоненавистничество, которое помещало ему в дальнейшем иметь продолжительные любовные отношения с женщиной. Только очень редко Сталин позволял себе проявить положительные чувства к женщине. Так, он, похоже, искренне горевал о смерти своей первой жены.

Сталину особенно нравилось употреблять ругательства в присутствии женщин. В размолвках с Надеждой он использовал самые грязные русские выражения, так называемый мат. Он ругался на Крупскую, жену Ленина, чем страшно огорчил ее. Он грубо говорил о сексуальной жизни своей дочери Светланы в присутствии как ее, так и своих коллег-мужчин («Ну, друзья, бьюсь об заклад, вы не знаете, кто ее сейчас е...» — 75, 251). Даже его мать, которая в ранние годы взрастила его нарциссизм, время от времени была предметом его оскорблений: «Ты тоже здесь, старая шлюха?» — сказал он ей, приехав в Тифлис в 1927 году (там же, 233)⁴. Конечно же, именно так ее называл его отец.

Отношение Сталина к женщинам ясно выражено в рассказе его дочери: «Когда Василий рассказал ему, что развелся с первой женой из-за того, что «с ней не о чем говорить», отец расхохотался: «Ишь ты, идейную захотел! Ха! Знали мы таких идейных... селедок, — кожа да кости!» Это было при мне; но вслед за этим отец и сын пустились в непристойную дискуссию, и я ушла» (10, 330)⁵.

Мы видим, что враждебность Сталина по отношению к женщинам (или, если взглянуть под другим углом, дух товарищества с мужчинами) идет рука об руку со склонностью к грязным оскорблениям.

Враждебность по отношению к женщинам на первый взгляд не является признаком гомосексуальности, особенно в мужчине, который в то или иное время был настроен враждебно практически ко всем окружающим его

людям, независимо от пола. Но в случае со Сталиным подобная враждебность к людям часто объясняется его паранойей (см. выше, главу 2). И это важно, так как психоаналитики полагают, что сама паранойя имеет гомосексуальную этиологию. В работе о случае Шребера Фрейд (133, XII, 63) высказывает мысль, что мания преследования может иметь в своей основе гомосексуальные эмоции

(ср.: 235, 199—200; 123, 188—197, 262—263; 315). Соответственно, подсознательное, подавляемое предположение

Я (мужчина) люблю его

превращается в результате проекции и перестановки в параноидальное утверждение: Он ненавидит (преследует) меня.

В соответствии с этой теорией параноидальное отношение Сталина к, скажем, военачальникам, которых он устранил (Тухачевский, Якир, Примаков и др.), можно было бы интерпретировать как прикрытие его подсознательных гомоэротических эмоций (но ниже я разъясню, что подобные эмоции больше относились к Гитлеру, чем к уничтожаемым им мужчинам).

Некоторые эмпирические исследования параноидальных пациентов подтвердили идею связи между фантазиями преследования и гомосексуальными побуждениями. Например, во время одного тахистоскопического исследования параноики гораздо быстрее, чем непараноики, реагировали на прозвучавшие гомосексуальные («fruit», «fairy», «homos», «sucker»,

«queer» etc.) слова (111; см.: 174, 329—341, где представлен великолепный обзор экспериментальных исследований паранойи).

Если Сталин был параноиком, как указывалось выше в этой книге, и если психоанализ прав, заключая, что паранойя основана на подавленной гомосексуальности, тогда Сталин был «подавленным» гомосексуалистом (ср.: 126, 253). Когда бы Сталин ни предпринимал действий против воображаемых «врагов», таких, как старые большевики, инженеры, армейские офицеры, евреи и т.д., он частично пытался справиться с подспудными гомоэротическими импульсами. Я говорю «частично», так как он, безусловно, решал тем самым и многие другие задачи: осуществлял проекцию своей вины на других, концентрировал все большую власть в своих руках или расчищал путь к пакту с Гитлером.

Как мы уже видели, одним из элементов сталинского имитирующего отождествления с Гитлером было стремление повторить уничтожение последним капитана Рема и его сторонников в 1934 году. Но, как мы знаем, Рем и многие члены его отрядов были хорошо известны как гомосексуалисты. Гитлер не только устранял политически неудобных, им также руководила его враждебность в отношении гомосексуалистов (см.: 240; 154, 104—

Все вышеперечисленные английские слова в американском сленге служат для обозначения с той или иной степенью грубости мужчины-гомосексуалиста, как правило, «пассивного». — Прим. ред.

). Сталин должен был знать об этом. Самое интересное в том, что предположительно именно сподвижник Рема внедрился в правительство Сталина. Мы узнаем об этом из «Письма старого большевика» Бориса Николаевского: «Большой шум произошел в результате расследования и разоблачения немецкой про-

паганды на Украине, особенно в той части, которая касалась гомосексуалистского заговора. Подробности раскрытого в конце 1933 года заговора были следующие: помощник немецкого военного атташе и последователь известного капитана Рема сумел проникнуть в гомосексуальные круги в Москве и под прикрытием гомосексуальной «организации» (в то время гомосексуализм еще не был запрещен в России) положил начало целой сети национал-социалистической пропаганды. Ее филиалы появились в провинции, Ленинграде, Харькове, Киеве и т.д. Были вовлечены некоторые деятели литературы и искусства: личный секретарь одного очень популярного актера, известного своими гомосексуальными наклонностями, важный научный сотрудник Института Ленина и др. Эти связи использовались немцами не только для получения военной информации, но и для того, чтобы посеять раздор в правительстве и партийных кругах. Цели руководителей заговора были настолько далеко идущими, что советские руководители были вынуждены вмешаться» (220, 31; ср.: 241, 209—210).

Николаевский, похоже, полагает, что «гомосексуалистский заговор» действительно существовал. Но, возможно, заговора вовсе не было. Возможно, это была одна из многих параноидальных идей, которые не без помощи Сталина циркулировали в правительственных кругах в 30-е годы. Возможно, это были сталинская выдумка, состряпанная для того, чтобы оправдать введение законодательного акта против гомосексуализма в декабре 1933 года. В любом случае с психологической точки зрения не было никакой нужды в действительном заговоре. Совершенно ясно, что высшее советское руководство, включая Сталина, с его хорошо известной склонностью подробно входить в тонкости действий правительства, должно быть, предполагало наличие «гомосексуалистского заговора» в конце 1933 года. Этот «заговор», спровоцированный Германией, затронул советских граждан. Сама идея «заговора» — неважно, истинного или ложного — выявила, что в умах некоторых людей уже в 1933 году существовал своего рода «нацистско-советский гомосексуальный пакт». Сталину эта идея могла казаться отвратительной, хотя могла быть всего лишь сплетней. Но такая идея существовала, и Сталин, без сомнения, знал о ней, а возможно, даже сам ее изобрел. Я хочу сказать, что эта идея была как нельзя кстати, если иметь в виду будущий нацистско-советский пакт 1939 года.

Интересно отметить, что в середине 30-х годов многие исторически важные события, имевшие отношение к гомосексуализму, происходили одновременно как в Германии, так и в Советском Союзе (см. таблицу).

**НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ ГОМОСЕК-
СУАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В СЕРЕДИНЕ
30-Х ГОДОВ**

<i>Дата</i>	<i>Германия</i>	<i>СССР</i>
Начало мая 1933 г.	Шайка нацистских студентов разрушает архивы и библиотеку Института сексуальной науки в Берлине, основанного и руководимого лидером немецкого гомофильного движения Магвусом Хиршфельдом.	Заявление о раскрытии в Советском Союзе «гомосексуалистского заговора» с участием последователя капитана Рема и сети советских гомосексуалистов.
Конец 1933 г.		В Советском Союзе вступает в силу новый законодательный акт, запрещающий добровольные гомосексуальные отношения между взрослыми (наказание: до пяти лет лишения свободы).
17 декабря 1933 г.		Массовые аресты гомосексуалистов в Москве, Ленинграде, Харькове, Одессе. Точное число гомосексуалистов, отправленных в ГУЛАг за их сексуальные пристрастия за годы сталинского правления, неизвестно.
Январь 1934 г.		Максим Горький публикует в «Правде» статью, в которой восхваляет Советское правительство за преследование гомосексуалистов и критикует фашистскую Германию

<i>Дата</i>	<i>Германия</i>	<i>СССР</i>
		за разрешение гомосексуальных связей. Он цитирует поговорку, модную в то время в Советском Союзе: «Уничтожьте гомосексуалистов — фашизм исчезнет».
23 мая 1934 г.	«Ночь длинных ножей» знаменует развязывание Гитлером кровавой чистки нацистских рядов от соратников капитана Рема из SA (Sturmabteilung, или «штурмовых отрядов»).	
23 июня 1934 г.	Первая большая волна арестов гомосексуалистов в Германии.	
Октябрь – ноябрь 1934 г.	Первая большая волна арестов гомосексуалистов в Германии.	
28 июня 1935 г.	Пересмотрен и расширен немецкий закон, преследующий гомосексуализм. Объявляется противозаконным любое «миогозначительное прикосновение мужчины к мужчине». По различным оценкам, 500000 «голубых» погибло за время правления Гитлера.	Смерть «голубого» русского поэта Михаила Кузьмина.
1 марта 1936 г. – конец 1936 г.		Писатель-гомосексуалист Андре Жид воз-

<i>Дата</i>	<i>Германия</i>	<i>СССР</i>
		вращается после визита в Советский Союз и публикует книгу, породившую многие споры, в которой среди прочих вещей критикует эту страну за закон против гомосексуалистов.

Совершенно очевидны общие черты развития событий в обеих странах. И там и там было осуществлено санкционированное правительством ужесточение законов о (мужском) гомосексуализме. Не берусь сказать, имитировал ли Сталин Гитлера (или наоборот, или то и другое). Ясно, что оба диктатора испытывали враждебное отношение к гомосексуализму.

В то время как сталинские приспешники вели борьбу с гомосексуалистами, Гитлер собирал

силы в Германии и превращался в реальную угрозу для Советского Союза. До 1933 года действовал Рапалльский договор с Германией от 1922 года, в котором оговаривалось экономическое сотрудничество двух «изгоев версальской системы» (Такер). Со временем договор пополнился рядом секретных соглашений по совместным военным учениям и разработке оружия, которые были запрещены Версальским договором. Сталину были очень по душе такие «особые отношения» (Гохман) с Германией. Это хорошо видно в интервью с Людвигом в 1931 году, где Сталин говорит о своей симпатии к немецкому народу и своей точке зрения на Версальский договор: «Мы никогда не были гарантами Польши и никогда ими не станем так же, как Польша не была и не будет гарантом наших границ. Наши дружественные отношения к Германии остаются такими же, какими были до сих пор. Таково мое твердое убеждение» (48, XII, 117).

Но в начале 1933 года Гитлер был у власти. Сталин, возможно, даже помог ему возвыситься, не поддержав Германскую коммунистическую партию в борьбе против фашизма. Сталин, согласно Такеру (295), боялся, что Советский Союз все еще очень слаб, чтобы помогать победившим немецким коммунистам, в то время как победившие нацисты были бы слишком заняты Западом и не мешали бы Сталину строить «социализм в отдельно взятой стране». Хотя в 1933 году немецкий диктатор сделал в отношении Советского Союза несколько дружественных жестов, он также начал сближаться с Польшей, и не было заметно, что он отказался от

намерений (выраженных в «Mein Kampf») захватить «Lebensraum» на Востоке. В Германии было произведено множество арестов советских граждан и налетов на советскую собственность, Полагают также, что немцы допустили

утечку к французам информации о до того времени тайном сотрудничестве между рейхсвером и Красной Армией. К июню Советы почувствовали необходимость прекратить военное сотрудничество, и через несколько месяцев были закрыты ты германо-советские танковый полигон на Ка ме и авиационный завод в Липецке.

Как раз в то время, когда сворачивалось германо-советское военное сотрудничество, был! сделаны заявления о «гомосексуалистском затоворе», в котором участвовали германский военный атташе и ряд советских граждан. Безусловно, Сталин знал об этом (возможно, он даже был инициатором его «раскрытия»), Сталин также должен был осознавать, какую важную роль играет гомосексуальность в жизни многих военных в окружении Гитлера. Таким образом, у него не могла не возникнуть совершенно четкая ассоциация между гомосексуальностью и германскими военными. Он мог даже допустить, что Гитлер сам был гомосексуалистом, но последующие «ночь длинных ножей» и преследования гомосексуалистов в Германии опровергали подобную мысль. И все-таки ассоциация между идеей гомосексуальности и идеей гитлеровской военной мощи возникла как у него, так и у многих других. С психоаналитической точки зрения не имеет значения, является ли ассоциация позитивной или негативной, полтвежденной или опровергнутой (ср.: 133, XIX, 235). С тех пор гомосексуальность как общее понятие была связана с Гитлером и германскими вооруженными силами. Насколько я знаю, нет свидетельств о возникновении подобной ассоциации в отношении других потенциальных противников Сталина того времени, например Польши, Франции или Великобритании.

Когда Гитлер уничтожил капитана Рема и его в большинстве своем гомосексуальных соратников, Сталин должен был понять, что Гитлер относился к гомосексуализму так же, как он сам, то есть враждебно. Это была еще одна общая черта, которая давала повод для отождествления с Гитлером. Как мы уже видели, многие исследователи проводили аналогию между тем, как Сталин расправился со своими военными и политическими соратниками, и тем, как Гитлер поступил с гомосексуалистом капитаном Ремом и его компанией. Конечно, «враги», которых Сталин начал истреблять вскоре после убийства Кирова в 1934 году, не обязательно были гомосексуалистами, но время от времени Сталин представлял, что они являлись таковыми; например, когда он написал на полях прощения о помиловании генерала Якира: «Подлец и проститутка» (38, 668). Зная о склонности Сталина к проекции, можно задать вопрос: так кто же был для него «проституткой»?

Ответ: он сам. Если, как утверждают психоаналитики, паранойя является одним из способов справиться с беспокойством по поводу гомосексуальности, тогда Сталин мог избавляться от своего растущего беспокойства по этому поводу,

становясь все большим параноиком. Безусловно, чистки были одним из наиболее параноидальных эпизодов в жизни Сталина.

Историки представили убедительные доказательства связи между параноидальными чистками Сталина и его последующей сделкой с Гитлером в 1939 году (см. выше: с. 131-133). Психологи могут лишь поддержать эти доказательства, ни в коей мере не отвергая их. С одной стороны, в чистках присутствовал элемент паранойи, а паранойя связана с гомосексуальностью. С другой стороны, пакт был связан с отождествлением с Гитлером, а Гитлер — с гомосексуальностью. Таким образом, чистки и пакт имеют общий психоаналитический знаменатель, то есть идею гомосексуализма в сознании (или, скорее всего, в подсознании) Сталина.

Но было в этом и нечто большее, чем общий гомосексуальный знаменатель. Вполне вероятно, что Сталин действительно испытывал гомосексуальное влечение к могущественному Гитлеру. Может быть, Гитлер бы любил его так, как никогда не любил отец. К тому времени, когда он стал «домогаться любви» Гитлера (как любят выражаться непсихисторики), его гетеросексуальная жизнь была уже в прошлом (Аллилуева говорит, что смерть своей второй жены в 1932 году он воспринял с горечью, расценив ее как предательство). Когда в 1939 году он стал «постельным дружкой» Гитлера (если вновь процитировать непсихисториков), многим стало понятно политическое значение предшествующих параноидальных чисток. Однако этого нельзя сказать о психологическом янчвнии

указанных событий. Для Сталина были неприемлемы его гомосексуальные чувства к Гитлеру. Поэтому он проецировал их на своих сограждан (Якир — «проститутка») или трансформировал их в десексуализированную манию преследования (везде затаились «враги народа»). Затем, персонифицируясь со своим отцом, он «побил» этих «врагов». Так же, как политически Сталин не мог признать, что целью чисток был пакт с Гитлером, так и психологически он никогда не мог бы допустить, что его параноидальное отношение к своим согражданам исходит из его гомосексуального влечения к будущему «постельному дружке».

Подводя итоги, можно сказать: столкнувшись с Гитлером — агрессором, который направил свою агрессию на гомосексуалистов, Сталин повел себя иррационально. Он не только отождествлял себя с этим агрессором, но и испытывал к нему сексуальное влечение. В результате первого он, хотя бы частично, был слеп в отношении возможности гитлеровской агрессии, в то время как в результате второго он стал совершать больше параноидальных поступков, чем обычно, и инициировал чистки. Отождествление с агрессором привело к тому, что Советский Союз во многом оказался неподготовленным к нападению Гитлера, а сексуальное влечение к Гитлеру вызвало взрыв паранойи, в результате которого была значительно ослаблена экономическая и военная мощь страны. Эти два психологических процесса в мозгу одного человека оказались смертельными для его сограждан.

Глава 13

ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО И ВОССТА- НОВЛЕНИЕ

Когда наконец Сталин осознал, что нападение Германии не было провокацией, он потерял контроль над собой. Это наиболее красноречивое свидетельство его высоко персонифицированного отношения к Гитлеру. Выплеснув гнев на Комиссариат обороны вечером 22 июня¹, Сталин просто-напросто покинул свой пост главы государства и партии. Он уехал на дачу и ушел в себя. В это время силы Гитлера быстро продвигались в глубь страны, а высшее советское военное руководство не могло принять самых необходимых мер из-за отсутствия своего лидера. Используя термин Авторханова (1), Сталин фактически стал «дезертиром». Хрущев полагает, что в это время Сталин пил (211, 458), и говорит о «нервности и истеричности, проявленными Сталиным» (57, 45). Медведев упоминает «глубокую депрессию» Сталина (213, 122), а Такер говорит о «сильной панике» Сталина (290, 159). Улам использует термин «нервная про-страция» (301, 540). Макколи ссылается на «шоковое состояние» (209, 45), Уэйли говорит о «нервном срыве» (311, 218), а Фромм считает, что Сталин «проявил черты психического кризиса» (135, 203). В различных военных мемуарах упоминаются «нервозность» Сталина, «уныние, неспособность ни понять, ни справиться с тем, что случилось» (275, 40; 20, 179).

Сталин был настолько оторван от реальности, что, когда члены Политбюро пришли к нему обсудить положение дел, он испугался и подумал, что они пришли его арестовать. Даже после того как он собрался и произнес речь 3 июля, у него все еще чувствовались черты растерянности и депрессии (211, 461; 64, 272). Сама речь была слабой: «Сталин говорил каким-то глухим и бесцветным голосом, часто останавливался и тяжело дышал, раз или два на протяжении речи звякал стакан, из которого он пил воду. Казалось, что Сталин болен и выступает через силу» (35, 165).

Постепенно Сталин выбрался из кризиса. Он нашел способ бороться с таким сильным ударом по его нарциссизму. С тех самых пор, как его жестоко бил отец, он не был столь унижен. Избиение, получаемое им теперь от Гитлера, должно было вскрыть старые раны, должно было иметь такую же силу воздействия, как и ужасные воспоминания о побоях отца. Одновременно, хотя бы в данный момент, стало невозможным отождествление с Гитлером, так как больше нельзя было игнорировать (исключать из сознания) агрессию Гитлера.

Таким образом было возобновлено отождествление с агрессивным отцом. О войне стали говорить как о «Великой Отечественной войне». Страна, которую защищали, называлась либо «отечество», либо «родина». «Отцом» этой страны являлся Сталин, как то следует из нижеприведенных официальных и ироничных эпитетов: Отец народов

Отец, Вождь, Друг и Учитель
Отец народов Запада и востоКА
Отец отечества
Отец
Мудрый Отец
Отец и Учитель
Батька усатый
Отец родной
Отец любимый
Великий вождь народов, отец Сталин
Отец всех нас, Иосиф ВиссарионовичЗ.

«Нас вырастил Сталин», как говорится в Гимне Советского Союза, который был впервые всенародно исполнен 1 января 1944 года (43, 3; 45, 13; следует вспомнить данную Булганиным характеристику сталинской «постоянной отеческой заботы по выращиванию военных кадров» — 190, 102). «Сталин — нашей юности полет», — пелось в припеве широко известной песни Алексея Суркова. В этой же песне были слова: Сталинской улыбкою согрета, Радуется наша детвора (43, 11).

Безусловно, этот отеческий образ Сталина относится к более раннему периоду, то есть к середине 30-х годов, когда советские пресса и литература стали уделять особое внимание семейным метафорам при упоминании политических деятелей (ср.: 101; 102, 114—135) и начали культивировать образ Сталина как члена семьи (283, 203). Но война, которая унесла жизни гораздо большего числа отцов, чем даже Большая Чистка, заметно усилила отеческую роль Сталина в советском обществе. «Солдаты Сталина», которые сражались на этой войне, стали метафорическими сыновьями «Отца Народов». Как сказал поэт Твардовский, Предоставляя званье сына Солдату воинская часть... («По праву памяти»).

В отрывке одной из многих песен, прославляющих Сталина, говорится: И клятву мы дадим свою —

Его сыны и внуки, Что и в работе, как в бою... (43, 123).

Великая Отечественная война усилила в Сталине чувство личной ответственности за происходящее внутри советской «семьи». В своих речах и статьях военного времени (собранных во II томе Собрания сочинений Сталина 1967 г.) он постоянно обращается к своим согражданам как к «братьям и сестрам». Иногда он называет их «соотечественники и соотечественницы» — словами, корень

которых происходит от слова «отец». «Отец народов» постоянно призывает советских граждан защищать «отечество» или «родину» от немецко-фашистских агрессоров.

Отважная Красная Армия, чье появление в 1918 году описывается словом «рождение» (49, II, 37, 86), является «любимым детищем советского народа» (там же, 178). По словам Сталина, «Отечественная война рождает у нас тысячи героев и героинь» (там же, 41). Совершенно очевидно, что «Отец народов» воспринимал своих солдат как метафорических детей. Возможно, этому способствовал и тот факт, что двое из них, Василий и Яков, действительно были его детьми.

Но если солдаты Сталина являлись его метафорическими детьми, тогда он неизбежно должен был оскорблять их, как он поступал со своими собственными детьми. Он обязан был вымещать на них свой гнев, как Виссарион вымещал его на маленьком Сосо. Если же Сосо чувствовал себя недостойным своего отца и нелояльным по отношению к своему жестокосердному отцу (подобное часто бывает с детьми, с которыми жестоко обращаются), то теперь выросший Сталин, отождествляя себя с отцом, воспринимал своих солдат, не сумевших противостоять немцам, как недостойных и нелояльных по отношению к нему — их «отцу».

Справедливости ради надо заметить, что их неудачи были его неудачами не только потому, что он являлся основной причиной их неподготовленности к борьбе с немцами, но и потому, что ему следовало бы отождествлять себя с ними, его согражданами. Однако подобное отождествление вряд ли бы могло иметь место, особенно в начальный период войны. Совсем не в характере Сталина было отождествлять себя с кем

то страдающим (см. примечание 6, с. 189), и это было не в его характере именно потому, что Сталин не смог бы справиться с беспокойством. Он не собирался быть битым, следовательно, он не мог позволить себе отождествляться со своими солдатами, которые были биты. Вместо этого имело место старое отождествление с отцом-агрессором, и это регрессивное отождествление выполнило роль защиты и вытеснило беспокойство из его сознания. Персонифицируясь со своим отцом, он отказывался выносить любую черту в своих солдатах-сыновьях, которая хотя бы отдаленно напоминала ему о его собственной беспомощности перед лицом его жестокого отца. Он был жесток к своим солдатам, как был жесток к нему его отец.

Поначалу жестокость была словесная. 22 июня он выплеснул свою ярость на «всю Красную Армию». В грубых выражениях он обвинил своих солдат в том, что они «предатели» и «труссы» (3, 9). В этом эпизоде не было ни малейшего элемента проекции.

Позже жестокость выразилась гораздо более серьезным образом. Например, он издавал приказы, которые было невозможно выполнить или же их выполнение влекло за собой большие человеческие жертвы, чем это было необходимо. Он несколько раз запрещал отступление частей, которым грозило окружение немцами, даже когда отступление было единственным способом сохранить жизни и технику. Солдатам приказывалось кончать жизнь самоубийством, но не сдаваться. Отношение Сталина к солдатам, которых немцы брали в плен, было совершенно

иррациональным. Он не только отказался подписать Гаагскую и Женевскую конвенции, которые обеспечивали помощь Международного Красного Креста пленным, но и воспринимал возвращающихся пленных как предателей. Многие, если не все из них, после войны были отправлены в лагеря. Тысячи были сразу расстреляны по возвращении в Советский Союз. Компетентные источники, такие, как Медведев (211, 467—469), Солженицын (262, I, 237—251), Антонов-Овсеенко (75, 280), Толстой (285) и др., приводят массу свидетельств подобного злодеяния. Сам Сталин недвусмысленно высказал свою точку зрения в интервью иностранному корреспонденту: «...в лагерях Гитлера нет русских пленных, а есть только русские изменники, и мы покончим с ними, когда завершится война» (72. 321; ср.: 285. 34).

Тот факт, что одним из этих пленных был собственный сын Сталина Яков, захваченный в плен в начале войны, делает это заявление особенно значительным с психоаналитической точки зрения. Сталин отказался от предложений немцев обменять сына на таких немецких пленных, как маршал фон Паулюс и племянник Гитлера Лео Раубаль (285, 397). Когда Сталина спросили в интервью о сыне, он ответил: «У меня нет сына Якова» (72, 321). Его стыд за сына, которого он воспринимал как «предателя», был так велик, что он предпочел отречься от него. Подобным же образом он отрекся от русских, захваченных немцами («нет русских пленных»). Совершенно очевидно, что чувства Сталина в отношении солдат шли параллельно его чувствам в отношении сына. Глубоко внутри его отношение как к его метафорическим сыновьям, так и к действительному сыну было благодаря отождествлению таким же, как в свое время отношение его жестокого отца к нему самому, когда он был ребенком.

В это время Гитлер бил его, как бил отец. И так же, как он убегал от отца, он убегал от Гитлера. Его войскам не разрешалось отступить, но, когда армия Гитлера подошла достаточно близко к Москве, сам Сталин убежал. В середине октября 1941 года он несколько дней отсутствовал в советской столице (211. 461; 212, 225—226; 301, 553; 47, I, 144). И хотя это был поступок труса, он был очень естествен, очень человечен. Многие москвичи поступили так же (310, 232—242). Но тот факт, что Сталин скрывал этот «большой драм» и продолжал сваливать вину за свое неумелое военное руководство на своих солдат, доказывает, что он не отказался от своего идеализированного образа. Он не собирался

позволить Гитлеру отнять у него это точно так же, как он не позволял подобное своему отцу.

Солдаты Сталина со временем выиграли для него эту войну (что не умаляет их собственных заслуг). Они шли в бой со словами «За Родину, за Сталина!» на устах. Особенно отчаянно они сражались за Сталинград. В этой битве, которая послужила поворотным пунктом в войне и тем самым еще больше способствовала расцвету нарциссизма диктатора, погибло 700 000 человек. На глазах Сталина стояли слезы, когда он

принимал из рук Черчилля меч в честь советской победы под Сталинградом (226, 85).

После этого сражения Сталин сделал себя Маршалом Советского Союза. По мере того как его войска агрессивно продвигались на запад, ему все больше и больше нравилось отождествлять себя с ними. Когда они покинули советскую территорию и совершали жестокости в отношении гражданского населения других стран, он был положительно доволен. Например, в ответ на заявления о том, что солдаты Красной Армии убивают женщин и детей в Восточной Пруссии, полководец сказал: «Мы слишком много читаем нотации нашим солдатам; пусть они проявляют инициативу!» (118, 111; ср.: 114, 435—436).

Со временем Сталину присвоили звание Героя Советского Союза и генералиссимуса. Теперь он окончательно отошел от ошеломляющих первых ударов Гитлера. Он вновь стал прежним беспокойным мегаломаньяком. И он оставался таким до конца.

Глава 14

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Я начал эту книгу с краткого описания внешней стороны личности Сталина: его паранойи, мегаломании, садизма, жажды власти, мстительности и высоко развитого самоконтроля. По ходу дела в книге описывались и другие черты: ложная скромность, склонность к оскорблению детей, женоненавистничество и т.д. Как выяснилось, в основе всех этих черт лежали некие сложные и во многом подавляемые психологические процессы. Например, существовала неприемлемая для самого носителя бисексуальная наклонность, выражаемая чаще всего в виде паранойи и женоненавистничества. Существовало также острое чувство собственной неполноценности. Сталин справлялся с этим чувством при помощи таких подсознательных защитных механизмов, как проекция, чрезмерная компенсация, отрицание и рационализация, и создал чудовищно раздутый образ самого себя. За садизмом, жаждой власти и мстительностью скрывалось сильное беспокойство в отношении потенциальных агрессоров. С этим беспокойством он справлялся в основном путем отождествления себя с агрессором. Многие исторически последо-

вательные взаимоотношения в жизни Сталина — с русскими как классом, с царскими властями, с Лениным, с Троцким, с Гитлером — в большой степени усилили почти театральную склонность Сталина к отождествлению с агрессором. Особенно трагичным было отождествление с Гитлером. Вместе с параноидальными чистками оно привело к одной из самых жестоких войн в истории России.

Оно также послужило причиной временного психического спада у «человека из стали». Никогда еще, с самых жестоких дней раннего детства, нарциссизм Сталина не страдал так сильно. С тех пор как отец избивал его, никогда еще он не испытывал такой тревоги и беспокойства.

Как мне кажется, основной проблемой Сталина, начиная с детства, была разница в отношениях к нему родителей. Следуя теоретическим выкладкам Хорни, Такер признает, что сильная ненависть Сталина к другим являлась ненавистью к самому себе, в защитных целях направленная вовне (297, 21; 292, 434, 460). Онтогенетически Сталин в первую очередь направлял вовне безжалостную ненависть отца, поскольку Сталин отождествлял себя именно с этим агрессором. Виссарион ненавидел маленького Сосо, и поэтому Сосо вначале возненавидел себя, а затем остальных. Но мать очень сильно любила, даже боготворила Сосо.

Если бы только отец так любил его!

Все, что она делала для него, убеждало его в том, что он не был никчемным или что его нельзя было бы полюбить, напротив, он на самом деле был совершенно замечательным. Такер ясно показывает, что мать Сталина многое сделала для формирования у Сталина идеализированного самообраза. Но этот образ самого себя не совпадал с ненавистью к самому себе. Совершенно очевиден внутренний конфликт, который привел к жажде власти: «стремление к власти должно пониматься как компенсаторная реакция на низкую оценку личности (особенно когда она соседствует с высокой самооценкой)...» (186, 53, курсив мой. —Д. Р.-Л.).

Проще говоря, мать Сталина обожала его, отец ненавидел. В то время как его мать создавала в маленьком Сосо завышенный позитивный самообраз, этот образ подрывался уничижительным отношением отца, чьей любви мальчик так мечтал добиться. В отношении родителей к сыну не было соответствия, ничто не приносило облегчения от этого разительного контраста. Соответственно, став взрослым, Сталин был вынужден жить с двумя эмоциональными крайностями: он боготворил себя ? он ненавидел себя. Первая черта проявилась в поощрении нарциссического культа личности. Со второй он справлялся путем установления террора, направляя ненависть наружу, особенно же на тех, кто напоминал ему о его собственной латентной гомосексуальности. Культ личности и сталинский террор шли в Советском Союзе рука об руку, поскольку вызвавшие их чувства шли рука об руку в психике Иосифа Сталина.

Послесловие

С момента окончания работы над предыдущими главами прошло несколько месяцев. Я начал работу над другой книгой. Книга о Сталине теперь кажется очень далекой. Я чувствую, как будто забыл все, что когда-либо знал о Сталине. И в ретроспективе трехлетний период, который я провел с ним, не кажется таким уж долгим.

Но в свое время он казался вечностью. Я находился в совершенно другом мире. Пока строил теории относительно личности этого человека, я очень близко узнал его.

Недавно от моего издателя пришло письмо. Один из читателей, как видно, жалеет, что я так внезапно закончил третью главу, и хочет, чтобы я сказал больше о моей личной вовлеченности. Другими словами, пожалуйста, еще выписки из дневника.

Честно говоря, я больше не в силах читать именно этот дневник. Но ночью после получения этого письма мне приснился сон.

Ворота. Конечно, мне не разрешается их открыть. И я перепрыгиваю через них, как всегда делаю, когда хожу наблюдать за птицами. Далее дорога ведет через густой лес. Я пошел по дороге, пока она не вывела меня на поляну, где стоял круглый серый сарай. В нем творились невообразимые вещи. Раздавались крики людей, но мне было все равно. Как обычно, стальной птах вновь проявил свою жестокость. Я сказал ему, что скоро выходит моя книга о Сталине. Он улыбнулся. В глазах его мелькнул огонек. Несмотря на страшные вещи, которые я говорю о нем в этой книге, его привлекала идея получить еще немножечко бессмертия.

Что касается меня, я доволен, что вся эта затея окончена. Больше у меня нет ночных кошмаров, связанных со Сталиным.

Примечания

Примечания к главе 1

1. О Сталине писали также следующие психоаналитики: Быковский (93, 212—241, 282—290), Принс (232), Фельдман (126), Помпер (230), Фромм (135, 285—288), Раппапорт (239, 258—281). Самой обширной является книга Фельдмана, однако в ней отсутствует какой-либо научный подход, и она изобилует фактическими ошибками. Работе Быковского вредит чрезмерное использование психоаналитического жаргона, в ней имеются исторические неточности и вольное обращение с историческими источниками (см.: 74, 12—13). Помпер и Фромм будут прокомментированы ниже (см. с. 43, 91). В общем, все психоаналитические работы о Сталине достаточно поверхностны по сравнению с глубоким трудом Такера. Раньян (244, 245) называет его работу одной из «растущего числа проницательных и умных психобиографий».
2. Для более полного освещения цифр см.: 281; 282; 109.

Примечания к главе 2

1. См., напр.: 211, 493—497; 214, 147—148, 159—160; 75, 289—292; 148, 501 и далее.; 228, 83—88, 101—108, 198—201, 484—486; 292, 139—140; 301, 678 и далее. 727; 114, 53—54. 286, 387, 473—478; 14, 82—83, 200 и далее; 286, 27—28; 288, 56 и далее; 209, 63; 63; 5, 238 и далее; 269, 596—597; 42, 106—108; 72, 152 и далее; 13, 221; 262, I, 92; 171, 258—269; 94, 93—116.

2. Улам признает привилегированную сущность паранойи Сталина: «...большинство людей никогда не обладали абсолютной властью с ее страхами и соблазнами; никогда не могли успокоить любое подозрение, удовлетворить любое желание и чувство обиды» (301, 685). Но, в отличие от Улама 1973 года (301), Улам 1982 года (302) не спешит признать, что Сталин был параноиком.

3. Такер цитирует несколько психиатрических и психоаналитических трудов по паранойе (291, 287, прим. 36, 288. прим. 12, 289. прим. 19). Однако он не упоминает о гомосексуальном элементе, который, по мнению психоаналитиков, является основой паранойи (дополнительно об этом см. ниже, главу 12).

К числу других источников, рассматривавших вопрос о паранойе Сталина (помимо указанных выше), принадлежат: 145, 44 и далее; 306; 95, 90; 211, 305 и далее; 170, 334; 301, 319—320, 445, 611; 116, 609 614; 230; 239; 297 и далее, 306 и далее; 254, 193; 286, 50 и далее; 222. 103, 106—107; 287, 49.

Первым, кто поставил Сталину диагноз «паранойя», был выдающийся невропатолог Владимир Михайлович Бехтерев. Побеседовав со Сталиным в декабре 1927 года, Бехтерев заявил, что у Сталина был «типичный случай тяжелой паранойи» (63, 180; ср.: 75, 254). Вскоре после того, как Бехтерев сделал это заявление своим коллегам, он умер при таинственных обстоятельствах.

Еще раз диагноз паранойи был поставлен Сталину кремлевскими врачами Д. Д. Плетневым и Л. Г. Левиным в 1939 году (306, 16 и далее, ср.: 269, 582). Позже Плетнев умер в концентрационном лагере, а Левин был убит.

Чалидзе (61) и Медведев (211) сделали попытку доказать, что Сталин не был параноиком. Они, похоже, полагают, что истинная паранойя помешала бы эффективной политической деятельности. Но нет действительной причины, в силу которой паранойя не могла бы использоваться в политических целях. Когда в сентябре 1941 года Сталин поносил англо-американских посланников в Москве за то, что они не оказывали Советскому Союзу эффективной помощи («Недостаточность ваших предложений ясно показывает, что вы хотите, чтобы Советский Союз был побежден» — 146, 89), он совершенно очевидно проявлял признаки параноидального поведения. Но такое поведение также заставляло посланников чувствовать себя обязанными Сталину и прилагать больше усилий для его ублажения.

Как показывает Агурский (5, 238 и далее), антисемитизм Сталина (одна из форм паранойи) очень пригодился, когда он боролся с оппозицией в 20-е годы. Тайная антисемитская кампания против Троцкого и его сторонников четко отражала настроения Сталина и частично была им организована. Он очень эффективно использовал свою паранойю.

4. Термин «садизм» представляет некоторую трудность, так как он имеет сексуальную подоплеку. Хорни (158, 191 и далее) полагает, что сексуальное возбуждение и садистское волнение — это совершенно разные вещи и что уничижительные сексуальные действия являются только одним из возможных проявлений общих садистских наклонностей личности (или тем, что она предпочла в дальнейшем называть мстительностью — 159, 201). Сексологи используют термин «садизм» исключительно в сексуальном значении, как это делал изобретатель термина Крафт-Эбинг (см.: 237, 282; большинство статей в 246). Здесь я буду придерживаться свободной психоаналитической концепции садизма, то есть понимать под садизмом насилие против других, вне зависимости от того, сопровождается оно или нет сексуальным удовлетворением (ср.: 185, 401).

5. Некоторые не применяют термин «садист» в отношении всех профессиональных мучителей. Например, Петере (227, 179) говорит: «Хотя многих садистов привлекает роль мучителей, когда таковая возможна, вполне доказуемо и то, что институт пыток создает так много садистов, сколько ему необходимо». Таким образом, многие из сегодняшних мучителей проходят «специальное обучение», во время которого их самих физически истязают и совершают насилие над их разумом (там же, 182). Похоже, что Сталин в раннем возрасте получил от своего отца именно такой вид «специального обучения». В любом случае и то, что делает типичный специалист по пыткам, и то, что делал Сталин, является проявлением садизма в соответствии с данным выше общим психоаналитическим определением (см. примечание 4), и то и другое включает отождествление с первичным агрессором.

6. По вопросу защитного использования организационного большинства для сокрытия садистских целей см.: 117.

Примечание к главе 3

1. См. послесловие Такера к его «Мемуарам биографа Сталина» (300, 267—268), где он утверждает, что его собственный мучительный опыт «спасения» его русской жены от опасностей жизни в Советском Союзе подтолкнул его к выводу, что у Сталина существовала фантазия спасения «России-матери» от опасностей капиталистического окружения.

Примечания к главе 4

1. Или отчим, если верить источникам, которые уверяют, что Виссарион в действительности не был отцом Сталина (см.: 75, 232—233; 211.

337 ; 114, 24—25; 112; 44, № 5, 75; 47, I, 124). Возможно, никогда не будет выяснено, был ли Виссарион Джугашвили биологическим отцом Сталина. Но он, безусловно, являлся социально признанным отцом (он — его отец, если не его родитель). Поэтому в последующем я буду ссылаться на Виссариона как на отца Сталина.

2. Я с некоторым беспокойством пользуюсь посмертно опубликованными мемуарами Давричеви, поскольку они кажутся воспоминаниями очень забывчивого пожилого человека. Они изобилуют фактическими ошибками и плохо изданы (например, Капанадзе становится «Кананадзе», Иремашвили — «Амирачвили», происхождение клички Сталина «Коба» связывается с несуществующим грузинским поэтом тринадцатого века, Троцкий [Бронштейн] ошибочно назван «Бернштейн» и т.д.). В отличие от меньшевика Иремашвили, Давричеви являлся социал-федералистом, который поддерживал программу демократического социализма в Грузии, освобожденной от царского правления и объединенной с другими кавказскими республиками. Он также верил в использование терроризма для достижения политических целей. Он безмерно восхищался Сталиным и отдавал ему должное в организации многих вооруженных ограблений («экспроприации»), совершенных революционерами на Кавказе. Однако он добавляет, что его собственная группа организовала ряд ограблений, включая знаменитый налет на сокровищницу Душет, который, по словам Давричеви, принес 375 000 рублей. Давричеви также уверяет, что в какой-то момент Сталин пытался увлечь его большевизмом. Несмотря на очевидную слабость и уникальную политическую позицию, мемуары Давричеви являют нам молодого Сталина, что служит подтверждением других доступных источников. Кстати, Давричеви является «l'aviateur Zozo» в воспоминаниях Павла Игнатьева «Ma mission en France» (163). Агурский (66) также полагается на Давричеви.

Примечания к главе 5

1. См. также: 75. 182; 130, 224; 288, 336; 7S 258—259; 126. 26; 292. 438—439; 83, 160 и да лее; 114, 485—486; 181, 82.

2. 170. 248,303;292,436—437, 453, 459; 291 110; 288, 376; 75, 45, 167, 220, 244, 277, 307 211,331.

Примечания к главе 6

1. Конечно, еще Зигмунд Фрейд концептуализировал развитие сознания или идеального эго (суперэго) как отождествление с различного рода агрессорами (см., напр.,: 133, XIX, 34— 35). Но работа сознания (чувства вины) задействует интернализацию агрессии, то есть агрессия

направлена на себя (ср.: 185, 208). Когда агрессия не повернута на себя, а направлена наружу, мы имеем отождествление с агрессором в его примитивной форме. Иногда неясно, направлена ли агрессия вовне или же на себя. Примером может служить поведение Бухарина на суде. Бухарин сделал двусмысленное признание, которое могло бы быть понято как признание и как эзопова атака на сталинский режим (103, 375 и далее). Другими словами, агрессия была направлена как внутрь, так и вовне. Боннард (88) воспринимает признание Бухарина как пример «отождествления с идеализированным агрессором». Но Бухарин идеализировал не сталинскую агрессию, а большевизм.

Есть указания на то, что в сталинский период отождествление с агрессором стало широко распространенным явлением среди политически активных индивидов. Например, обсуждая смену Ярославским политических цветов после атаки Сталина в прессе, Такер говорит: «Простого признания в ереси было недостаточно; еретик должен был присоединиться к инквизиции. Только вступив в ряды обвинителей, он мог рассчитывать, что его отречение будет воспринято серьезно. Обвинение других в контрабанде троцкизма подчеркивало истинность чьего-либо «настоящего» большевизма — иными словами, сталинизма. Покаяние, вслед за которым следовало обличение, становилось ритуалом в советской политической культуре. Одним из многих примеров является публичное отречение Ярославского от своего друга Минтса» (296, 362).

Ритуал «покаяния, вслед за которым следовало обличение», во многих случаях, должно быть, задействовал психологический процесс отождествления с агрессором, уменьшающим беспокойство. Конечно, агрессор имитировался. Что касается вопроса, было ли задействовано отождествление (то есть существовали ли более глубокие, подсознательные процессы за простым осознанным и циничным оппортунизмом), то это следует рассматривать в каждом отдельном случае.

2. Дополнительно об отождествлении с агрессором см.: 127, 481; 185, 208—209; 82, 78—82; 78; 174, 245—246. Сделав его восприимчивым к отождествлению с агрессором, плохие отношения Сталина с его родителями (особенно с его агрессивным отцом) предрасположили его к следующим личностным чертам (некоторые из них перекликаются): 1) макиавеллизму (197, 132; 121, 144; 99, 333—37); 2) авторитаризму (65; 121, 30—34; 134, 164 и далее, 207 и далее); 3) этноцентризму (65); 4) антисемитизму и другим формам расовых предрассудков (там же).

Многие биографы Сталина соглашались, что эти черты действительно были свойственны взрослому Сталину. Но насколько я знаю, ни один из биографов никогда не ссылался на обоснованные статистически исследования личности, которые я только что процитировал. Такер упоминает глобальный труд Адорно и др. «Авторитарная личность», но полагает, что он в основном применим, к «авторитарным последователям» (то есть потенциальным последователям фашизма), а не к авторитарным лидерам (291, 23). Однако Сталин сам являлся последователем — особенно Ленина, даже когда он поднимался в иерархии большевиков. Помимо этого психологические труды, на которые Такер опирается, такие, как количественно не подтвержденная работа Эриксона и Хорни, больше предназначались для приложения скорее к последователям, чем к лидерам. И наконец, основное фрейдистское/лассуэллианское предположение, которое делает Такер в своем исследовании Сталина, а именно что ранний семейный опыт крайне важен для понимания последующей общественной деятельности, и является предметом исследования в «Авторитарной личности». Например, Эльза Френкель-Брунвик нашла в этом труде, что «предубежденные субъекты имеют тенденцию говорить об относительно строгой и пугающей домашней дисциплине, которую им пришлось пережить, будучи ребенком» (см.: 65, 385). Исследователи соглашались, что у Сталина было предубеждение по крайней мере в отношении евреев, если не всех других народов.

3. Так же, как и Хорни в своем исследовании «садистских наклонностей» (158, 191—216) или в исследовании «высокомерной мстительности» (159, 197 и далее).

4. Другие также показывают ясное понимание того, как Сталин отождествлял себя со своим агрессивным отцом. Например: «Незаслуженные, ужасные избиения сделали мальчика таким же жестким и бессердечным, как его собственный отец» (164, 12, курсив мой. — Д. Р. Л.). См. также: 126, 26; 93, 224; 286, 24.

5. Многие связывают мстительность Сталина с тем, что в основе его поведения лежит традиционная грузинская культура (см., напр.: 170, 248; 260, 51; 220, 14; 288, 415; 224, 25; 75, 274; 314, 401). Это вполне законно, так как среди народов Кавказа существует давняя традиция кровной мести и платы кровью (69, 275—277; 183, 30—33). Сталин, конечно, был осведомлен об этой традиции и мог таким образом поощрять свои мстительные чувства. Однако сами мстительные чувства являются психологическим явлением, а не просто культурным артефактом. В личностном развитии Сталина грузинская традиция только усилила их проявление, а не являлась их истинной причиной. Безусловно, большинство грузинских товарищей Сталина не были столь мстительны и злопамятны. Насколько я смог выяснить, постоянные избиения маленьких детей отцами не являются существенной чертой грузинского воспитания. Но, как мы видели, это было характерно для воспитания Сталина. Давричеви говорит, что худшим наказанием для детских друзей Сталина, получаемым ими от их отцов, был «громкий шлепок» (112, 74).

6. Садизм Сталина должен был бы задействовать отождествление не только с прошлым агрессором, но и с жертвой, то есть с тем, против кого в данный момент направлена агрессия. Одно отождествление не исключает другое. Но характерное для садизма в целом отождествление с жертвой (133, XIV, 129; 277, 98; 185, 402) было в случае Сталина довольно незначительным по сравнению с отождествлением с агрессором. У большинства людей оно более ярко выражено и приводит к актам сострадания, а не к жестокости. Можно сказать, что Сталин отождествлял

себя со своими жертвами только для того, чтобы отвергнуть это отождествление. Иными словами, личность Сталина была настолько захвачена ощущением того, что он является жертвой (чувство неполноценности и т.д.), что он был вынужден постоянно избегать этой своей подлинной тождественности путем отождествления с агрессором.

7. Если бы была возможность вызвать Сталина из могилы и побеседовать с ним на кушетке аналитика, было бы интересно выяснить, связана ли его озабоченность ногами/сапогами (см. ниже, главу 8) как инструментами насилия с дефектом его левой ноги. И было бы интересно узнать, является ли его поддержка философии «бей кулака», а также его садистское отношение к «кулакам» и другим крестьянам в начале 30-х годов следствием дефекта его левой руки. Я подозреваю, что эти связи существовали в мозгу Сталина, но у меня нет никаких свидетельств, кроме психоаналитической интуиции.

Примечания к главе 7

1. Это совсем не означает, что «межвозрастное трансмиссионное объяснение» является единственным объяснением жестокого обращения с детьми (так же, как не является единственным объяснением, почему Сталин бил своих детей). Как показывает Бельский (81), существует множество факторов, вызывающих жестокое обращение с детьми (например, поведение самого ребенка, социальные ожидания и т.д.). Кауфман и Зиглер (167) считают, что вероятность жестокого обращения с детьми в шесть раз выше в семьях тех родителей, которых самих подвергали жестокому обращению, чем у населения в целом. Удивительно, что многие сторонники «межвозрастного трансмиссионного объяснения» не осознают, что они в подобных случаях имеют дело с отождествлением с агрессором. Но это никоим образом не является единственным примером того, как психологи-бихевиористы пренебрегают уроками психоаналитиков.

Предполагается, что Сталин не бил свою дочь, свою любимицу Светлану. Она уверяет, что он ударил ее «впервые в жизни», когда ей уже было семнадцать лет и она встречалась с евреем старше ее, которого Сталин не одобрял (71, 169). Но это не очень правдоподобная история.

Сама Светлана известна ее склонностью бить свою дочь Ольгу. Журнал «Time» (85, 58) описывает, как Светлана ударила свою дочь по лицу сжатым кулаком. Имея в виду тенденцию к межвозрастной трансмиссии унижающего поведения и тенденцию Сталина унижать, можно предположить, что таким же образом Сталин бил саму Светлану. Такер (299) говорит о «похожести отца и дочери». Однако мы не можем полностью исключить вероятность, что Светлана позаимствовала что-то из унижающего поведения у своей матери.

2. Знаменитая фотография, на которой Сталин держит на руках маленькую девочку в матроске, имеет очень поучительную историю. Отец девочки, Ардан Маркизов, народный комиссар сельского хозяйства в Бурят-Монгольской автономной республике, был арестован и расстрелян вскоре после того, как была сделана эта фотография. Мать отбыла срок в ГУЛаге, а затем покончила жизнь самоубийством (33).

Примечания к главе 9

1. См. предисловие В. Лакшина к сборнику произведений Булгакова (17, 30), а также: 141, 18; 41, 141; 5, 217—219. Проффер (233, 306) говорит, что Сталин смотрел пьесу «несколько раз». По общему мнению, Сталин сам говорил Виктору Некрасову, что он смотрел пьесу «раз десять, а то и больше» (42, 92).

2. Солженицын, полемизируя с Такером, утверждает, что Сталину, для того чтобы угнетать и убивать свой народ, не нужен был пример Ивана Грозного (263, 116—117). Жестокость Сталина происходила «из собственного лукавого и злобного нутра» (47, IX, 355). Но один исток поведения Сталина не исключает другие истоки. Как биограф Сталина, Такер прекрасно осведомлен о «лукавом и злобном нутре», сформировавшемся в результате обстоятельств детства. Но Такер смог показать, что Сталин также почерпнул кое-что у Ивана Грозного.

3. Сравни с заявлением Сталина Алеше Сванидзе в 1934 году: «А ведь русский народ — царистский народ. Ему царь нужен» (11, 277). В конце 40-х годов Сталин повторил это Виктору Некрасову: «...народ наш кроме бани любит, чтобы у него и царь-батюшка был... Самодержец Всесоюзный. Не плохо звучит, а? (42, 96).

4. Кротков (179, 100) в художественном изложении вкладывает эти слова в уста Сталина когда тот обращается к Берия. Согласно Эйзенштейну, Сталин сказал, что Петр не ликвидировал достаточное количество врагов («Петруха недорубил...» — 64, 736). В недавнем произведении Рыбакова «Дети Арбата» Сталин выражает восхищение как Иваном Грозным, так и Петром Великим (44, № 4, 108). Сталин у Рыбакова также полагает, что Иван казнил недостаточное число бояр (44, № 5, 78).

5. По этому противоречивому вопросу см.: 66; 259; 292, 108—114; 75, 240—241; 211, 315—324; 13, 224 и далее; 213, 15—18.

6. Сталину не просто был присущ «интуитивный макиавеллизм» (264, 585; ср.: 76, 48, 106; 208, 215), он действительно читал Макиавелли (292, 212). Следует отметить, что Сталин демонстрирует не все, а некоторые черты того, что психологи, такие, как Кристи и Гейс (99) и Элмс (121, 136—148), называют макиавеллизмом: 1) «относительное отсутствие эмоций в межличностных взаимоотношениях», 2) «несоблюдение общепринятых норм морали», 3) «отсутствие явной психопатологии» и

4) «низкая идеологическая задействованность» (99, 3—4).

Большинство специалистов по Сталину согласятся, что пункт 2 прекрасно характеризует Сталина. Другие пункты более спорны. Например, в некоторых взаимоотношениях он был достаточно подвержен внешнему манипулированию и демонстрировал мало эмоциональной вовлеченности (пункт 1), но в других случаях он вполне мог проявить эмоции, такие, как гнев или отчаяние. Что касается пункта 3, то, как я уже говорил выше, вопрос о «психопатологии» Сталина не так уж важен. Но я склонен согласиться с Медведевым, который полагает, что «Сталин, без сомнения, был вменяемым человеком и в большинстве случаев осознавал, что он делал» (211, 306). Пункт 4 является сложной проблемой, но большинство ученых согласятся,

что по крайней мере иногда Сталин действовал с полным и циничным пренебрежением марксистской социалистической идеологией. Таким образом, в целом Сталин в психологических тестах на макиавеллизм может быть оценен как занимающий точку выше середины шкалы, а возможно, мог бы получить и «высший Мак».

7. В первом томе «Архипелага ГУЛага» Солженицын говорит: «Есть психологические основания подозревать Сталина в подсудности также и по этому пункту 58-й статьи [т.е. часть 13, служба в царской полиции]...» (47, V, 75, курсив мой. — Д. Р.-Л.; ср.: 46, I, 127 и далее). Де Йонг (114, 48) выдвигает интересное суждение, что, поскольку у Сталина была тенденция проецировать свои собственные поступки на других и учитывая тот факт, что многие подзащитные на показательных судах обвинялись в службе в царской охранке или тайной полиции, было бы логичным предположить, что сам Сталин работал на царскую секретную полицию. Следует упомянуть следующее место из Конквеста (109, 290): «У профессора Такера имеется теория, согласно которой все, в чем советская пресса обвиняла противника, было именно тем, что делало само Советское правительство» (ссылка на источник не дается).

8. Не утверждая, что Сталин был царским агентом, и не упоминая Анны Фрейд, Раппапорт говорит, что Сталин «был увлечен отождествлением с методами своих преследователей» (239, 261).

9. Быковский в своем психоаналитическом рассмотрении данного явления говорит об «отождествлении с врагом» у Сталина, но затем, нанеся еще один удар по достоверности психоанализа, ошибочно уверяет, что сталинский пакт о ненападении с Германией был идеей маршала Тухачевского (93, 229).

10. Я склонен согласиться с теми историками, такими, как Коэн (104), которые полагают началом исторического влияния Сталина 1929 год. Сами советские сталинисты признают, что 1929 год был «годом великого перелома» (316,150).

Примечания к главе 10

1. Некоторые документальные свидетельства см.:173,49 и далее; 211,446 и далее; 35; 145,41; ;124, главы 2 и 3; 275;247,55—66;100,III, 357 и далее; 317, 228 и далее; 32, 341 и далее; 16, 44 и далее; 194; 149, 331—332; 20, 170 и далее; 67,136—137;15,1,393 и далее; 219,164 и далее; 40; 148, 360 и далее. Наиболее детальным исследованием предмета является работа Уэйли «Кодовое слово БАРБАРОССА» (311). 84 «предупреждения» Уэйли достаточно разнородны, начиная от участвовавших нарушений границы со стороны немецких разведывательных самолетов («предупреждение» № 5) и кончая очень точным уведомлением о решении напасть и времени нападения (например, послания Зорге из Токио, которые составляют «предупреждение» № 37). Многие «предупреждения» никогда не попали к Сталину, и некоторые были ложны. Несмотря на это, у Сталина было более чем достаточно причин подготовить свои войска и принять другие защитные меры задолго до 22 июня. Тот факт, что он этого не сделал, не означает, что ему не хватало информации или что он был введен в заблуждение руководителями своей разведки, которые находили информацию сомнительной (Берия, Голиков и Кузнецов прекрасно знали, что Сталин хотел услышать). Уэйли полагает, что «Сталин ошибся, приписав оппоненту свой собственный сложный, хотя в целом рациональный взгляд на русско-германские отношения» (311, 226). Но даже если взгляд Сталина на его отношения с Гитлером был «в целом рациональным» (что "маловероятно, учитывая отождествление с Гитлером и другие задействованные защитные реакции), то проекция такого взгляда на Гитлера уже иррациональна.

2. 25, XIX, 107.

3. Решение Гитлера напасть на Советский Союз (не закончив войны с Англией) анализируется с точки зрения психоанализа Уэйтом (308, 398 и далее). Уэйт приходит к заключению, что операция «Барбаросса» была военным воплощением фантазий саморазрушения Гитлера.

4. Между Сталиным и Гитлером были и другие сходства. У обоих были физически унижавшие их отцы. Оба тирана были известны своими вспышками гнева. Оба любили разыгрывать своих

соратников. Ни один не выносил, когда ему противоречили подчиненные. У обоих присутствовали садистские, мегаломаниакальные и параноидальные тенденции и была склонность проецировать свои личные неудачи на политических противников. Оба происходили из низших слоев.

Существовали также важные различия. Идеологически их взгляды на марксизм не могли бы быть более противоположными. Их политические стили были очень разными — не обладающий обаянием Сталин полагался больше на интригу, а Гитлер, обладая талантом к интриге, поднялся в основном благодаря своему ораторскому искусству. Если Гитлер был вегетарианцем и трезвенником, то Сталин любил грузинские мясные блюда и вина.

Есть еще много других сходств и различий.

Было сделано мало попыток контрастного анализа двух диктаторов (см., напр.: 307). Мне кажется, что глубокий контрастный психоанализ Сталина и Гитлера мог бы многое выявить в психологических истоках диктатур.

Среди многочисленных источников о жизни и душе Гитлера см. следующие: 92; 184; 284; 98; 308; 90; 135, 369—433.

5. Карикатура воспроизводится в литературном приложении к «Times» (09.05.1986, 503).

6. Существует обширная и разноречивая литература, касающаяся истории советских заигрываний с Гитлером, включающая следующие работы: 131; 68; 210, I; 265; 36; 22; 147; 156; 149; 1; 148, 309 и далее, 322 и далее.

7. Я не согласен, что предстоящий пакт с Германией был единственной причиной чисток в конце 30-х годов. Сталин, похоже, намеренно поддерживал нестабильность своей бюрократии, постоянно натравливал друг на друга своих подчиненных с целью укрепления собственной авторитарной власти (особенно см.; 193, 276—279).

8. Сталин получил бы высокий балл по знаменитой шкале «?» («?» означает «фашизм»), разработанной Адорно и др. (65).

9. Сталин мог также, когда начал расширять советские границы во время пакта с Германией, отождествлять себя со старыми империалистическими царями (во время переговоров с Финляндией он по крайней мере дважды поднимает вопрос о русско-финской границе, которая существовала в царские времена — 278, 26, 75). Но, как мы видели выше, отождествление с царями тоже является отождествлением с агрессором. После того как пакт был нарушен Гитлером, отождествление с царями осталось неизменным. По наблюдению Маккэга, «даже в самые мрачные дни 1941 года он [Сталин] никогда не скрывал желания установить после войны границы так, как он разработал их с Гитлером в 1939 и 1940 годах, границы, которые бы вернули России большинство территорий, потерянных после первой мировой войны» (208, 39, курсив мой. — Д. Р.-Л.).

10. В противоположность утверждениям Суварина (268, 267), тот факт, что Сталин отождествлял себя с Лениным, не означает, что Ленин и Сталин должны отождествляться друг с другом. Психологический процесс отождествления не обязательно подразумевает объективное сходство.

11. Это могло с самого начала быть отождествлением с (осознанным) агрессором. Такер признает, что с самого начала существовала «потенциальная амбивалентность» в боготворении Сталиным Ленина (292, 143; но ср.: 292, 284—285). Враждебная сторона этой амбивалентности не могла бы существовать без понимания того, что сам Ленин был враждебен по отношению к нему, то есть того, что Ленин был потенциальным агрессором.

Химмер (150; ср.: 151) установил, что существовало некоторое «отчуждение» от Ленина между 1906 и 1912 годами, но ошибочно полагает, что «враждебная оценка Ленина» исключает «отождествление с Лениным» (150, 284). В психоанализе как обычное дело рассматривается состояние, когда амбивалентность и отождествление идут рука об руку. Действительно,

любой историк, игнорирующий психологическое понятие амбивалентности, вынужден сделать нереальный выбор: или Сталин был преданным учеником Ленина, или он не выносил Ленина.

Существуют указания на то, что Сталин принял меры по ускорению смерти Ленина (288, 372 и далее; 63, 234—237; 270, 487). Бажанов сообщает, что после смерти Ленина Сталин находился в прекрасном настроении и делал печальное лицо только на публике (это было до того, как Сталину передали «Завещание» Ленина — см.: 14, 88—89). Антонов-Овсеенко полагает, что Сталин ненавидел «Ленина люто, исступленно» (11, 175). В качестве доказательства он приводит длинный список лиц, которые были близки Ленину и позже были ликвидированы Сталиным (ср.: 76, 52—53). Согласно Хрущеву (171, 46), отношение Сталина к Ленину было «неуважением», и он говорит, что после войны Сталин часто отзывался о Ленине плохо (56, I, 188). Авторханов цитирует вдову Ленина, Надежду Крупскую, которая сказала следующее об интригах Сталина против Троцкого и Бухарина: «Да что я? Действительно, живи сегодня Володя, он бы и его засадил. Ужасный негодяй, мстит всем ленинцам из-за политического завещания Ильича о нем!» (2, 162). Источник этой цитаты не приводится, но тем не менее это похоже на правду, так как мы знаем, что Сталин был чрезвычайно мстительным человеком. Сильные эмоции Сталина в отношении Финляндии во многом были связаны с Лениным. Именно в финском городе Таммерфорсе в 1905 году Сталин впервые встретил своего героя. В апреле 1917 года Ленин, как известно, прибыл на Финляндский вокзал. В июле Сталин помог загримировать Ленина как финского крестьянина, сбрав ему бороду и усы, чтобы Ленин смог безопасно скрыться от царских властей (70, 198). Когда позже в том же году произошла революция, Ленин настоял, чтобы Финляндия, до этого часть Российской империи, получила право национального самоопределения. Сталин, будучи русским шовинистом, не был в восторге от этой идеи. Несмотря на это, по настоянию Ленина, в ноябре он поехал в Хельсинки и объявил собравшимся финским социал-демократам, что Финляндия может получить независимость (в Брест-Литовском договоре 1918 года Советы окончательно отказались от претензий на Финляндию).

Став независимым государством, Финляндия воспринималась советскими лидерами, включая Сталина, как источник опасности. Ее граница проходила слишком близко к Ленинграду Сталин думал, что Германия может использовать Финляндию как плацдарм для нападения на Советский Союз. Так же, как Англия, Франция или Америка. Сами финны могли засылаться в Советский Союз буржуазно-империалистическими силами. Эти идеи Сталина были хорошо известны его соратникам (см.: 180, 117; 39, 178; 147, 222). Когда сам Сталин вторгся в Финляндию зимой 1939/40 года, он захватил не всю страну, и даже не большую ее часть. Одной из причин этого могла быть тесная ассоциация в его мозгу Финляндии с Лениным. Тяжелыми последствиями финской войны Ленин как будто бил Сталина из могилы. Возможно, Сталин испытывал те же чувства, когда позже финны присоединились к немцам в нападении на Советский Союз. Уинстон Черчилль говорит, что он почувствовал «почти истерические нотки» в реакции Сталина на колебания Англии в вопросе об объявлении войны Финляндии (100, III, 531). Однако после войны Сталин воздержался от попыток сделать Финляндию русской провинцией. Желание Ленина следует уважать.

12. Цифра в 35 000 подвергнутых репрессиям офицеров приводится Кривицким (178, 177) и Конквестом (105, 485). Оценка Медведева составляет 25 000—30 000 (214, 13). Суварин сообщает о 60 000 (269, 575—576).

13. Ср.: 170, 316; 75, 284; 255. С этим мнением согласны и многие другие критики сталинской чистки офицеров Красной Армии.

14. Об этой политической стратегии см.: 170, 253; 75, 40; 288, 53, 120, 378 и далее; 264, 582; 242, 61; 76, 31 и далее.

Примечания к главе 11

1. Возможно, Сталин также ассоциировал «ночь длинных ножей» с тем фактом, что он

кидал в своего отца нож, или с воспоминанием, что тот был убит ножом. Такая ассоциация должна была усилить отождествление с, фигурально выражаясь, обладающим ножом Гитлером.

2. Очевидно, что отождествление и проекция довольно часто смешивались в установках Сталина по отношению к высокопоставленным мужчинам, встречавшимся в его жизни. Детальный анализ его чувств к Троцкому, Тухачевскому, Тито, Черчиллю и некоторым другим может прояснить эту комбинацию. Психолог-когнитивист мог бы сказать, что Сталин относился к Гитлеру как к «самообъекту», то есть как к недостаточно отделенному от него самого (см. ниже, примечание 1 к главе 14).

3. Крупица правды, о которой Сталин, очевидно, не знал, заключалась в том, что Чемберлен в августе 1939 года подготавливал приезд Германа Геринга в Лондон для проведения переговоров. Но прежде чем это случилось, в Москве был подписан нацистско-советский пакт (см.: 147,227).

4. Даже после нападения Гитлера и после того, как Великобритания стала союзницей Советского Союза, Сталин продолжал с подозрением относиться к англичанам (хотя его подозрение больше не было частью рационализации его восприятия враждебного поведения Гитлера). Он сконцентрировал свое подозрение на Черчилле. Например, он обвинял английского премьер-министра в том, что тот «чересчур боялся сражаться с немцами» (100, IV, 486). На конференции в Тегеране в 1943 году он открыто спросил, собирается ли Черчилль открыть фронт на западе (операция «Overlord»): «...действительно ли англичане верят в «Overlord», или они только так говорят, чтобы успокоить русских?» (цит. по: 146, 273; ср.: 16, 263; 100, V, 373). По вопросу о том, как вести себя с немцами после победы, «Сталин продолжал безжалостно язвить Черчилля. Несколько раз за вечер он ясно давал понять, что премьер-министр, питая тайную симпатию к немцам, хочет мягкого мира» (146, 273). Конечно, не так давно Сталин сам «боялся» немцев и сам питал к ним симпатию. Нападая на Черчилля, он действовал под импульсом проекции и мог получить от этого садистское удовольствие. Рузвельт, который понимал, что Сталину необходимо атаковать Черчилля, сыграл на этом, чтобы сдвинуть переговоры в Тегеране: «Я начал подшучивать над английскостью Черчилля, над Джоном Буллем, над его сигарами, его привычками. Сталин стал это замечать. Уинстон покраснел и начал ругаться, и чем больше он так делал, тем чаще улыбался Сталин» (цит. по: 226, 84) Переводчик Черчилля, г-н Бирс, очень неодобрительно отнесся к поведению Рузвельта и по чувствовал, что Рузвельт играет на руку Сталину (83, 155—156). Но то, что Рузвельт по чувствовал комплекс неполноценности Сталина и осознал, что «Дядюшка Джо» опасается, как бы главы двух западных государств не «ополчились» против него, возможно, спасло Тегеранскую конференцию. Сталин стал более разумным, когда он с Рузвельтом смог «ополчиться» на Черчилля, когда он увидел, что побит кто-то другой.

Примечания к главе 12

1. Любопытно, что психоаналитик Густав Быковский использует ту же метафору — «его любовная связь с Адольфом Гитлером» (93, 290), но дальше не углубляется в обсуждение латентной гомосексуальности Сталина.

2. Совершенно очевидно, что Сталина привлекали девочки-подростки. Однако нет никаких свидетельств сексуального влечения к девочкам, не достигшим половой зрелости, а потому диагноз «педофилия» необоснован.

3. Дополнительно о гомосексуальном аспекте членства в чисто мужских властных иерархиях, таких, как братства, армейские и политические структуры, спортивные команды, мужские клубы и т.д., см.: 237, глава 47.

4. Дополнительно о сквернословии Сталина см.: 211, 329; 292,455;13,221;224,316,318;9, 22, 180; 10. 365, 376, 381, 384; 79, 264; 11, 250; 42, 103; 112, 46; 53, II, 184; 165. 264.

5. Аллилуева объясняет, что под «идейными селедками» Сталин подразумевал независимых, политически активных женщин первых послереволюционных лет. Второй женой Сталина

была именно такая женщина, ярая феминистка, которая, к несчастью, вышла замуж за грузинского мужского шовиниста.

Довольно удивительно, что одним из любимых литературных произведений Сталина была феминистская повесть Антона Чехова «Душечка». Анна Аллилуева говорит, что молодой Сталин знал повесть «почти наизусть» (70, 206). Главная героиня повести — мягкая, глупая женщина без какой-либо индивидуальности. Все, что она может делать, это воспроизводить мысли и мнения ее мужчин. Ироническое отношение к ней автора ясно указывает на феминистскую идею (женщина должна быть независимой, должна иметь свою собственную индивидуальность). Но феминистская идея не могла привлекать Сталина, женоненавистника до мозга костей. Скорее, ему нравилась агрессивность сатиры и сверхъестественная способность женщины имитировать мужчин, встречающихся в ее жизни. Аллилуева постоянно ссылается на склонность самого Сталина к мимикрии. Другое любимое произведение Сталина, «Хамелеон» Чехова (см. там же), также описывает последствия чрезмерного увлечения имитацией. Как мы видели выше, имитация, актерская игра и сильная склонность к отождествлению (особенно с агрессорами) были важными компонентами личности Сталина.

6. Ср. данную Конквестом характеристику «Письму...» как «компендиуму слухов и сплетен» (109, 503).

7. См.: 229; 189, 40 и далее, 68 и далее; 241, 208 и далее; 240, 103 и далее, 116, 130; 166; 31, 152 и далее, 179; 138, 38—39; 60. 227—229; 23; 220, 31. Я был вынужден скомпоновать материалы в таблице по своему усмотрению, поскольку не все первоисточники совпадали.

Примечания к главе 13

1. Эта вспышка гнева описана в документальном романе сталинистского писателя Александра Чаковского «Блокада» (58, 49). Медведев (211, 458), Авторханов (3, 14) и Улам (301, 537) полагаются на отчет Чаковского о поведении Сталина.

2. 75, 266. Возможно, Микоян ссылается на этот случай, когда описывает удивление Сталина при появлении его коллег: «Чувствовалось, что он встревожен, но старается сохранять спокойствие» (40, 98).

3. См.: 75, 229, 269, 306; 43, *passim*; 196, 36; 31, 107; 261, *passim*; 122. 63-69; 278, 64; 212, 232; 59, I, 282.

4. В психоанализе идея, что мужчина-лидер в стране принимает для ее граждан образ отца, считается обычным явлением (см., напр.: 133, XV, 159; 115, 175). Коган (29, 102) предпочитает воспринимать Сталина как «злодея-отчима» в доме России-матери.

5. В одном из сообщений говорится, что Яков покончил жизнь самоубийством в немецком концентрационном лагере после того, как услышал слова отца, переданные по радио (10, 370; о несколько иной версии самоубийства см.: 256). Более ранняя, неудачная попытка Якова застрелиться вызвала у Сталина следующую раздраженную реплику: «(Ха, не попал!» (9, 97). Такер полагает, что враждебность Сталина в отношении Якова на самой деле скрывала враждебность к самому себе (292, 434). Вполне вероятно, так оно и есть, но вовсе не потому, что Яков напоминал Сталину его собственный подавленный грузинизм, как думает Такер (там же). Другие грузины не вызвали у Сталина такой сильной реакции. Скорее, Яков мог напоминать ему подавленное чувство унижения перед собственным нелюбящим и жестоким отцом, и он отгонял эти чувства через отождествление с этим отцом и выражая враждебность в отношении своего сына, а не себя самого.

6. Ср.: «Кем метафорически был Сталин для миллионов других советских сражающихся людей, тем он практически был и для Якова — бессердечным и тираничным отцом...» (301, 549).

7. Иногда даже имя Сталина ставилось на первое место: «За Сталина, за Родину!» (7, 618-619; 6, 240).

Примечания к главе 14

1. Вместо термина «идеализированный самообраз» я предпочел бы пользоваться термином Когута «grandiose ego» (176). Но я не могу утверждать, что Сталин страдал тем «нарциссическим личностным расстройством», которое описывает Когут. Иными словами, не ясно, восходят ли нарциссические проблемы Сталина к самому началу оэдиповой стадии, когда внешние объекты связывались бы с его нарциссическим либидо, когда существовали бы фантазии слияния с внешними объектами и контроля над ними. До какой степени взрослый Сталин воспринимал внешние объекты (Ленина, Гитлера, русских как класс и т.д.) как недостаточно дифференцированные от его собственного нарциссического ego? Испытывал ли он смутные ощущения обманчивости собственного существования, его нереальности? Видел ли он навязчивые сны, в которых бы летал? В каких ситуациях он испытывал чувство стыда или неловкости? Был ли он ипохондриком? Такие вопросы мог бы задать аналитик-когутианец для того, чтобы определить, насколько grandiose ego Сталина было задействовано в его взрослых взаимоотношениях и до какой степени его ущемленный нарциссизм соответствует термину «нарциссическое личностное расстройство».

2. Такое упрощение в некотором отношении является чрезмерным сверхупрощением. Возможно, Виссарион в действительности испытывал некоторую любовь к сыну, которого он привык бить. И наоборот, у Кеке могло возникнуть чувство злости на Сосо (время от времени она поколачивала его). Другими словами, в отношении обоих родителей к ребенку должна была существовать обычная двойственность. Двойственность отношения матери к Сосо имела особое значение, так как ребенок был гораздо ближе к ней, чем к отцу. Фактически, мать, лишенная эмоциональных и сексуальных контактов со своим жестоким мужем-алкоголиком, была вынуждена направлять большую часть своих чувств (как ласковых, так и враждебных) на единственного выжившего сына. Это не могло не привести к определенным последствиям.

Некоторые ученые полагают, что различные проблемы во взаимоотношениях матери и ребенка могут во взрослом возрасте привести к ущемленному нарциссизму (см., напр.: 258; 129, 72—79). Такое могло произойти и в случае со Сталиным. Но Сталин был не просто чрезмерно нарциссичен. Он чувствовал себя великим до невероятия. Его нарциссизм был столь раздутым потому, что являлся компенсаторным. Сталин был близок к эмоционально обделенной матери, и его подвергал побоям и унижениям отец, и у него были физические недостатки. Из этих трех факторов, похоже, унижения со стороны отца нанесли наибольший нарциссический урон и имели позже наибольшие политические последствия.

Существует несколько свидетельств, связывающих постэдиповы отношения с матерью с мотивом власти (312). Но повторяю еще раз, жажда власти у Сталина была чрезмерной, и это лучше всего видно из постэдиповой компенсаторной реакции на ущемленный нарциссизм, а также из отождествления с агрессором, о чем я уже говорил выше.

Литература

1. Авторханов А. Закулисная история пакта «Рвбентроп—Молотов» // Континент. 1975. № 4.
2. Авторханов А. Технология власти. Париж, 1976.
3. Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Франкфурт, 1979.
4. Агурский М. Двудесятилетний Сталин // Время и мы. 1977. №8.
5. Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.
6. Александров Г. Ф., Галактионов М. Р., Кружков В. С., Митш М. В., Мочалов В. Д., Поспелов П. Н. Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М., 1953.
7. Александров Г. Ф., Галактионов М. Р., Кружков В. С., Митин М. В., Мочалов В. Д., Поспелов П. Н. Сталин // Большая советская энциклопедия. Т. 52. М., 1947.
8. Алексеев Г. Количественные параметры культа личности // СССР: внутренние противоречия. 1982. № 6.
9. Аллилуева С. Двадцать писем к другу. Лондон, 1967.
10. Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк, 1969.
11. Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. Нью-Йорк, 1980.

12. Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина // Осмыслить культ Сталина. М., 1989.
13. Арсенидзе Р. Из воспоминаний о Сталине // Новый журнал. 1963. № 72.
14. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Нью-Йорк, 1983.
15. Бакланов Г. Собр. соч. М., 1983—1985.
16. Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1982.
17. Булгаков М. Избранная проза. М., 1966.
18. Булгаков М. Пьесы. М., 1986.
19. Волкогонов Д. А. Феномен Сталина // Литературная газета. 09.11.1987.
20. Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963.
21. Гнедин Е. Катастрофа и второе рождение: Мемуарные записки. Амстердам, 1977.
22. Гнедин Е. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией // СССР: внутренние противоречия. 1982. № 4.
23. Горький Максим. Пролетарский гуманизм // Правда. 23.05.1934.
24. Довнер М. Лубок вместо истории // Память. 1981. №4.
25. Документы внешней политики СССР: В 21 т. М., 1957—1977.
26. Зиновьев А. А. Нашей юности полет // Континент. 1983. № 35.
27. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945: В 6 т. М., 1960—1965.
28. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя: документы, записки, рассказы // Молодая гвардия. 1939. № 12.
29. Коган Э. Соляной столп: Политическая психология Солженицына. Париж, 1982.
30. Козловский В. И.В. Сталин в русской жаргонной лексике // СССР: внутренние противоречия. 1982. № 3.
31. Козловский В. Аргументы русской гомосексуальной субкультуры: Материалы к изучению. Бенсон, Вермонт, 1986.
32. Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1969.
33. Л. А. Девочка в матроске: Комментарии к фотографии // Память. 1978. № 1.
34. Ленин В. И. Поли. собр. соч. 5-е изд. М., 1958—1965.
35. Майский И. М. Дни испытаний // Новый мир. 1964. № 12.
36. Максимычев И. ?. Дипломатия мира против дипломатии войны. М., 1981.
37. Мандельштам ?. Вторая книга. Париж, 1972.
38. Медведев Р. А. К суду истории: Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974.
39. Мерецков К. А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1968.
40. Микоян А. И. В первые месяцы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1985. № 6.
41. Некрасов В. Дом Турбиных // Новый мир. 1967. № 8.
42. Некрасов В. Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы... Лондон, 1983.
43. Песня о Сталине: Избранные стихи советских поэтов. М., 1950.
44. Рыбаков А. Н. Дети Арбата // Дружба народов. 1987. № 4, 5, 6.
45. Советский государственный гимн // AATSEEL Newsletter. March 1987.
46. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛаг, 1918—1956: В 3 т. Париж, 1973—1975.
47. Солженицын А. И. Собр. соч.: В 3 т. Париж, 1978—.
48. Сталин И. В. Соч. М., 1946—1953.
49. Сталин И. В. Соч.: В 3 т. Стэнфорд, 1967.
50. Сулов И. Рассказы о товарище Сталине и других товарищах. Нью-Йорк, 1981.
51. Суворин Б. Последние разговоры с Бабедем // Континент. 1980. № 23.
52. Телесин ff. 1001 избранный советский политический анекдот. Танефлав, Нью-Джерси, 1986.
53. Троцкий Л. Д. Сталин: В 2 т. Венсон, Вермонт, 1985.
54. Троцкий Л. Д. Сталин: интендант Гитлера // СССР: внутренние противоречия. 1985. № 12.
55. Тюленев И. В. Через три войны. М., 1960.
56. Хрущев Н. С. Воспоминания: В 2 т. Нью-Йорк, 1979—1981.
57. Хрущев Н. С. Хрущев о Сталине. Нью-Йорк, 1988.
58. Чаковский А. Б. Блокада // Знамя. 1968, № 11.
59. Чаковский А. Б. Победа: Историческое повествование в трех книгах. Минск, 1985.
60. Чалидзе В. Уголовная Россия. Нью-Йорк, 1977.
61. Чалидзе В. Победитель коммунизма: Мысли о Сталине, социализме и России. Нью-Йорк, 1981.
62. Черкасов Н. К. Записки советского актера. М., 1953.
63. Шатуновская Л. Жизнь в Кремле. Нью-Йорк, 1982.
64. Эренбург И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9.
65. Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D. J., Sanford R. N. The authoritarian personality. N.Y., 1969.
66. Agursky M. Stalin's Ecclesiastical background // Survey. 1984. № 28.
67. Akhmedov I. In and out of Stalin' GRU: a Tatar's escape from Red Army intelligence. Frederick, Maryland, 1984.
68. Allard S. Stalin und Hitler: Der sowjetrussische Außenpolitik 1930—1941. Bern, 1974.
69. Allen W. E. D. A history of the Georgian people. L., 1971.

70. The Alliluyev memoirs: Recollections of Svetlana Stalina's maternal aunt Anna Alliluyeva and her grandfather Sergei Alliluyev / D. Tutaev. N.Y., 1968.
71. Allilueva S. Twenty letters to a friend. N.Y., 1967.
72. Allilueva S. Only one year. N.Y., 1969.
73. Amnesty International. Torture in the eighties. L., 1984.
74. Andersen T. H. Becoming sane with psychohistory // *The Historian*. 1978. № 41.
75. Antonov-Ovwyenko A. The time of Stalin: Portrait of a tyranny. N.Y., 1983.
76. Avtorkhanov A. Stalin and the soviet Communist party: A study In the technology of power. N.Y., 1959.
77. Backer G. The deadly parallel: Stalin and Ivan the Terrible. N.Y., 1950.
78. Bandura A., Ross D., Ross S. A Transmission of Aggression through imitation of aggressive models // *Journal of abnormal and social psychology*. 1961. № 63.
79. Barmine A. One who survived: The life story of a Russian under the Soviets. N.Y., 1945.
80. Beating fantasies // *The Kris study group of the New York psychoanalytic institute. Monograph I / E. D. Joseph*. N.Y., 1965.
81. Belsky J. Child maltreatment: An ecological integration // *American psychologist*. 1980. № 35.
82. Bettelheim B. Surviving and other essays. N.Y., 1980.
83. Birse A. H. Memoirs of an interpreter. N.Y., 1967.
84. Blackstock P. W. Agent of deceit: Frauds, forgeries and political intrigue among nations. Chicago, 1966.
85. Blake P. The saga of Stalin's little sparrow // *Time*. 28.01.1985.
86. Bloom S. F. The peasant Caesar: Hitler's union of German imperialism and Eastern reaction // *Commentary*. 1957. № 23.
87. Boldin I. V. At Western army group headquarters // *Stalin and his generals: Soviet military memoirs of World war ? / S. Bialer*. N.Y., 1969.
88. Bonnard A. The metapsychology of the Russian trials confessions // *International journal of psycho-analysis*. 1954. №35.
89. The breaking of bodies and minds: Torture, psychiatric abuse, and the health professions / E. Stover, E. O. Nightingale. N.Y., 1985.
90. Bromberg N., Volz V. Small. Hitler's psychopatology. N.Y., 1983.
91. Bulgakov M. The early plays of Mikhail Bulgakov / E. Proffer. Bloomington, Indiana, 1972.
92. Bullock A. Hitler: A study in tyranny. N.Y., 1961.
93. Bychowski G. Dictators and disciples: From Caesar to Stalin. N.Y., 1969.
94. Cans J. The silent millions: A history of the Jews in the Soviet Union. L., 1969.
95. Carmichael J. Stalin's masterpiece. N.Y., 1976.
96. Carr E. H. Stalin // *Soviet studies*. 1953. J« 5.
97. Carr E. H. A great agent of history // *Stalin T. H. Rigby*. Englewood Cliffs. N.J., 1966.
98. Carr W. Hitler: A study in personality and politics. N.Y., 1979.
99. Christie R., Gels F. Studies in Machiavellianism. N.Y., 1970.
100. Churchill W. S. The Second world war. 6 vols. Boston, 1983.
101. dark K. Utopian anthropology as a context for Stalinist literature // *Stalinism: Essays in historical interpretation / A Tucker*. N.Y., 1977.
102. Clark K. The Soviet novel: History as ritual. Chicago, 1985.
103. Cohen S. Bukharin and the Bolshevik revolution: A political biography 1888—1938. N.Y., 1973.
104. Cohen S. Bolshevism and staltnism // *Stalinism: Essays in historical interpretation/A Tucker*. N.Y., 1977.
105. Conquest A. The great terror: Stalin's purge of the thirties. Toronto, 1968.
106. Conquest A. Inside Stalin's secret police: NKVD politics 1936—1939. Stanford, 1985.
107. Conquest A. Purge and revision // *TLS*, 09.05.1986.
108. Conquest A. What is terror? // *Slavic review*. 1986. № 45.
109. Conquest Я. The harvest of sorrow: Soviet collectivization and the teriOr-famlne. N.Y., 1986.
110. Corson W. A, Crowley A T. The new KGB: Engine of Soviet power. N.Y., 1985.
111. Daston P. G. Perception of homosexual words in paranoid schizophrenia // *Perceptual and motor skills*. 1956. № 6.
112. Davrlchewy J. Ah! Ce qu'on rigolait bien avec moncopain Staline. P., 1979.
113. Dedijer V. Tito speaks: His self portrait and struggle with Stalin. L., 1953.
114. De Jonge A. Stalin and the shaping of the Soviet Union. N.Y., 1986.
115. DeMause L. Foundations of psychohistory. N.Y., 1982.
116. Deutscher I. Stalin: A political biography. N.Y., 1967.
117. Deureux G. Sadism, superego and the organizational mores // *Journal of psychoanalytic anthropology*. 1980. M 3.
118. DjUas M. Conversations with Stalin. N.Y., 1962.

119. Djilas M. Christ and the commissar // *Stalinism: Its impact on Russia and the world* / G. R. Urban. L., 1982.
120. Documents on German foreign policy 1918—1945. 13 vols. Washington, 1967—1964.
121. Elms A. C. Personality In politics. N.Y., 1976.
122. An end to silence: Uncensored opinion in the Soviet Union, from Roy Medvedev's underground magazine «Political diary / S. Cohen. N.Y., 1982.
123. Erdelyi M. H. Psychoanalysis: Freud's cognitive psychology. N.Y., 1985.
124. Erickson J. The road to Stalingrad: Stalin's war with Germany. Vol. I. L., 1975.
125. Feldman A. B. The unconscious in history. N.Y., 1959.
126. Feldman A. B. Stalin: Red lord of Russia, 1879—1953. Philadelphia, 1962.
127. Fenichel O. The psychoanalytic theory of neurosis. N.Y., 1945.
128. Feuchtwanger L. Moscow 1937. N.Y., 1937.
129. Fine R. Narcissism, the self, and society. N.Y., 1986.
130. Fisher L. The life and death of Stalin. N.Y., 1952.
131. Fisher L. Russia's road from peace to war: Soviet foreign relations 1917—1941. N.Y., 1969.
132. Freud A. The ego and the mechanisms of defence. N.Y., 1946.
133. Freud S. Standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. 24 vols. L., 1953—1965.
134. Fromm E. Escape from freedom. N.Y., 1964.4
135. Fromm E. The anatomy of human des! N.Y., 1973.
136. Gay P. Freud for historians. N.Y., 1985.
137. Getty J. A. The origins of the Great Purges: Th Communist Party reconsidered, 1933—1938. Cambridge
138. Gide A. Return from the U.S.S.R. N.Y., 1139. Gilmore W. J. Psychohistorical inquiry: A comprehensive research bibliography. N.Y., 1984.
140. Glazov Y. The Russian mind since Stalin's death. Dordrecht, 1985.
141. Glenny M. Mikhail Bulgakov: Return from obscurity // *Communist Affairs*. 1968. J« 6/2.
142. Greenstein F. I. Personality and politic.: Problems of evidence, inference, and conceptualization. Chicago, 1969.
143. Grey I. Stalin, man of history. N.Y., 1979.
144. Harrlman W. A. America and Russia in a changing world: A half century of personal observation. N.Y., 1971.
145. Harrlman W. A. Stalin at war // *Stalinism: Its impact on Russia and the world* / G. R. Urban. L., 1982.
146. Harrlman W. A., Abel E. Special envoy to Churchill and Stalin 1941—1946. N.Y., 1975.
147. Haslam J. The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe, 1933—1939. L., 1984.
148. Heller M., Nekrich A. M. Utopia in power: The history of the Soviet Union from 1917 to the present. N.Y., 1986.
149. Hilger G., Meyer A. G. The incompatible allies: A memoir-history of German-Soviet relations 1918—1941. N.Y., 1953.
150. Himmer R. On the origin and significance of the name «Stalin» // *Russian review*. 1986. J6 45.
151. Himmer R. Evidence of Aesopian language in the writings of Joseph Stalin // *Kennan institute occasional paper*. 1987. № 214.
152. Hingley R. Joseph Stalin: Man and legend. N.Y., 1974.
153. Hirsh H. N. Clio on the couch // *World politics*. 1980. № 32.
154. Hitler: Memoirs of a confidant / H. A. Turner, Jr. New Haven, 1985.
155. Hitler's secret conversations, 1941—1944 / H. R. Trevor-Roper. N.Y., 1953.
156. Hochman J. The Soviet Union and the failure of collective security, 1934—1938. Ithaca, 1984.
157. Hopkins H. The inside story of my meeting with Stalin // *The American magazine*. 14—15.12.1941.
158. Horney K. Our inner conflicts: A constructive theory of neurosis. N.Y., 1945.
159. Horney K. Neurosis and human growth: The struggle toward self-realization. N.Y., 1950.
160. Horney K. The neurotic personality of our time. N.Y., 1964.
161. Hoxha E. With Stalin: Memoirs. Tirana, 1981.
162. Hyde H. M. Stalin: The history of a dictator. N.Y., 1971.
163. Ignatief P. Ma mission en France. P., 1933.
164. Iremaschuiili J. Stalin und die Tragodie Georgiens: Erinnerungen. B., 1932.
165. Kahan S. The wolf of Kremlin. N.Y., 1987.
166. Karlinsky S. Russia's gay literature and history (Ilth—20th centuries) // *Gay sunshine*. 1976. № 29/30.
167. Kaufman J., Zigler E. Do abused children become abusive parents? // *American journal of orthopsychiatry*. 1987. № 57.
168. Kaufman M. T. Polish writers: The underground is on top // *New York Times book review*. 04.08.1985.
169. Kemple C. H., Silverman F. N., Steele B. F., Drogemueller W., Sliver H. K. The battered-child syndrome // *Journal of the American medical association*. 1962. № 181.
170. Kennan G. F. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1960.
171. Khrushchev N. S. Khrushchev remembers. Boston, 1970.
172. Khrushchev N. S. Khrushchev remembers: The last testament. Boston, 1974.
173. Khrushchev N. S. The «secret» speech delivered to the closed session of the Twentieth congress of the Communist

- Party of the Soviet Union. Nottingham, 1976.
174. Killne P. Fact and fantasy In Freudian theory. L., 1981.
 175. Knickerbocker H. R. Stalin mystery man even to his mother // New York Evening post. 01.12.1930.
 176. Kohut H. The analysis of the self: A systematic approach to the psychoanalytic treatment of Narcissistic personality disorders. N.Y., 1971.
 177. Konner M. The tangled wing: Biological constraints on the human spirit. N.Y., 1982.
 178. Krivitsky W. G. In Stalin's secret service. N.Y., 1939.
 179. Krotkov Y. The red monarch: Scenes from the life of Stalin. N.Y., 1979.
 180. Kuusinen A. Before and after Stalin: A personal account of Soviet Russia from the 1920s to the 1960s. L., 1974.
 181. Labin S. Stalin's Russia. L., 1950.
 182. LaCapra D. History and psychoanalysis // Critical Inquiry. 1987. № 13.
 183. Lang D. M. A modern history of Soviet Georgia. N.Y., 1962.
 184. Langer W. The mind of Adolf Hitler: The secret wartime report. N.Y., 1972.
 185. LaPlante J., Pontalis J.-B. The language of psychoanalysis. N.Y., 1973.
 186. Lasswell H. D. Power and personality. N.Y., 1948.
 187. Lasswell H. D. Psychopathology and politics: A new edition with afterthoughts by the author. N.Y., 1960.
 188. Laue T. von. Stalin among the moral and political imperatives, or How to judge Stalin? // Soviet Union/Union Soviétique. 1981. № 8.
 189. Lauritzen J., Thorstad D. The early homosexual rights movement (1864—1935). N.Y., 1974.
 190. Leite N. Psychopolitical analysis: Selected writing of Nathan Leites / E. Marvick. N.Y., 1977.
 191. Lermolo E. Face of a victim. N.Y., 1958.
 192. Leuin JI. Infantile omnipotence and grandiosity // Psychoanalytic review. 1986. № 73.
 193. Lewin M. The making of the Soviet system. N.Y., 1985.
 194. Lisann M. Stalin the appeaser // Survey. 1970. № 76.
 195. Loewenberg J. Decoding the past: The psychohistorical approach. Berkeley, 1985.
 196. Löffler L. On the beneficence of censorship. Munich, 1984.
 197. Loye D. The leadership passion: A psychology of ideology. San Francisco, 1977.
 198. Ludwig E. Stalin. N.Y., 1942.
 199. Lukacs J. The last European war: September 1939—December 1941. Garden City, 1976.
 200. Lungi H. Stalin face to face // The Observer. 24.02.1963.
 201. Lyons E. Assignment in Utopia. N.Y., 1937.
 202. Macdonald D. Dwight Macdonald on movies. Englewood Cliffs, N.J., 1969.
 203. Man of the year. 1940 // Time. 01.01.1940.
 204. Mandelstam N. Hope against hope: A memoir. 1976.
 205. Mandelstam N. Hope abandoned. N.Y., 1981.
 206. Marcou L. Staline et ses biographes // Les interpretations du stalinisme / E. Pisier-Kouchner. P., 1983.
 207. Marshall H. Masters of the Soviet Cinema: Crippled creative biographies. L., 1983.
 208. McCage W. O., Jr. Stalin embattled, 1943—1948. Detroit, 1978.
 209. McCauley M. Stalin and stalinism. Burnt Mill, England, 1983.
 210. McSherry J. E. Stalin, Hitler and Europe. 2 vols. Cleveland, 1968—1970.
 211. Medvedev R. A. Let history judge: The origins and consequences of stalinism / D. Joravsky, G. Haupt. N.Y., 1973.
 212. Medvedev R. A. New pages from the political biography of Stalin // Stalinism: Essays in historical interpretation / A. Tufner. N.Y., 1977.
 213. Medvedev R. A. On Stalin and stalinism. Oxford, 1979.
 214. Medvedev R. A. All Stalin's man. N.Y., 1985.
 215. Miller F. J. The image of Stalin in Soviet Russian folklore // Russian review. 1980. № 39.
 216. Moody C. Solzhenitsyn. N.Y., 1975.
 217. Moraitis G. The psychoanalyst's role in the biographer's quest for self-awareness // Introspection in biography / S. Baron, C. Pletsch. Hillsdale, N.J., 1985.
 218. Nazi-Soviet relations, 1939—1941: Documents from the Archives of the German Foreign office / R. J. Sontag, J. S. Beddie. Washington, 1948.
 219. Nekrich A. M. June 22, 1941. Columbia, S.C., 1986.
 220. Nicolaevsky B. I. Power and the Soviet elite / J. Zagoria. N.Y., 1965.
 221. Niederland W. G. Narcissistic ego Impairment in patients with early physical malformations // Psychoanalytic study of the child. 1965. № 20.
 222. Noue A. Stalinism and after. L., 1981.
 223. Ochberg F. The victim of terrorism: Psychiatric considerations // Terrorism. 1978. № 1 (2).
 224. Orlov A. The secret history of Stalin's crimes. N.Y., 1953.
 225. Payne R. The rise and fall of Stalin. N.Y., 1965.

226. PerkiM F. The Roosevelt I know. N.Y., 1946.
227. Peter» E. Torture. N.Y., 1985.
228. Pinkus B. The Soviet government and the Jews, 1948—1967: A documented study. Cambridge, 1984.
229. Plant R. The pink triangle: The Nail war against homosexuals. N.Y., 1986.
230. Pomper P. Necaev, Lenin and Stalin: The psychology of leadership // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 1978. № 26.
231. The price of vision: The diary of Henry A. Wallace, 1942—1946 / J. M. Blum. Boston, 1973.
232. Prince C. A psychological study of Stalin // *Journal of social psychology*. 1945. № 22.
233. Proffer E. Bulgakov: Life and work. Ann Arbor, 1984.
234. Ra'anani G. 'D. International policy formation in the USSR : Factional «debates» during the Zhdanovschina. Hamden, Connecticut, 1983.
235. Rancour-Laferriere D. Semiotics, psychoanal ysis, and science: Some selected intersections // *Ars semeiotica*. 1980. № 3.
236. Rancour-Laferriere D. Out from under Gogol's overcoat: A psychoanalytic study. Ann Arbor, 1982.
237. Rancour-Laferriere D. Signs of the flesh: An essay on the evolution of homlnid sexuality. B., 1985.
238. Rancour-Laferriere D. The deranged I Solzhenitsyn's portrait of Stalin in «The first cir<1985. J» 18.
239. Rappaport E. Anti-Judaism: A psychohistory. Chicago, 1975.
240. Rector F. The Nazi extermination of homosexuals N.Y.,1981.
241. Reich W. The sexual revolution: Toward a selfgoverning character structure. N.Y., 1969.
242. Rigby T. H. Stalinism and the mono-organizational society // *Stalinism: Essays in historical interpretation / R. Tucker*. N.Y., 1977.
243. Roobol W. H. Tsereteli — a democrat In the Russian revolution: A political biography. 1976.
244. Runyan W. McKinley. The histories and psychobiography. N.Y., 1984.
245. Rutherford B. Psychopathology, decision-making, and political involvement // *Journal of conflict resolution*. 1966. № 10.
246. S and M: Studies in sadomasochism / T. Weinberg, G. W. Levi Kamel. Buffalo, 1983.
247. Salisbury H. E. The 900 days: The siege of Leningrad. N.Y..1969.
248. Sarnou I. Identification with the aggressor: Some personality correlates of anti-semitism among Jews // *Journal of personality*. 1951. № 20.
249. Sarnou /. Psychoanalytic theory and social attitudes // *Public opinion quarterly*. 1960. № 24.
250. Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union N.Y.. 1971.
251. SeatoreA Stalin as military commander. N.Y., 1976.
252. Serge V. Portrait de Staline. P., 1940.
253. Sherwood R. E. Roosevelt and Hopkins: An intimate history. N.Y., 1950.
254. Shostakovich D. Testimony: The memoirs of Dmitri Shostakovich / S. Volkov. N.Y.. 1979.
255. Simonov K. The terror and the war // An end to silence/S. Cohen. N.Y., 1982.
256. Simpson C., Shirley J. The last days of lieutenant Jakov Stalin // *The Sunday times*. 24.02.1980.
257. Siomopoulos V., Goldsmith J. Sadism revisited // *American journal of psychotherapy*. 1976. № 3U.
258. Stater P. E. The glory of Hera: Greek mythology and the Greek family. Boston, 1968.
259. Smith E. E. The young Stalin: The early years of an elusive revolutionary. N.Y., 1967.
260. Smith W. B. Moscow mission: 1946—1949. L., 1261. Solzhenitsyn A. I. The first circle. N.Y., 1969.
262. Solzhenitsyn A. I. The Gulag archipelago, 1918—19An experiment in literary investigation. N.Y., 1973—1976.
263. Solzhenitsyn A. I. The mortal danger: Hov misconceptions about Russia imperil America. N.Y., 1981.
264. Souarine B. Stalin: A critical survey of bolshevism N.Y., 1939.
265. Sowarine B. Une partie serree se joue entre Hitler e Staline // *Le Figaro*. 07.05.1939.
266. Sowarine B. Staline et les siens // *Le contrat social* 1967. № 11.
267. Souvarlne B. Les faux dans la guerre politique // *B contrat social*. 1968. № 12.
268. Sowarine B. Deux nouvelles biographies de Staline /;Est et Ouest. 1975. № 554.
269. Souvarine B. Staline: Apercu historique di bolchevisme. P., 1977.
270. Souuarine B. Did Stalin kill Lenin? // *Konti Contemporary Russian writers / G. Bailey*. N.Y., 1271. SpeerA. Inside the Third Reich. N.Y., 1971.
272. Splnetta J. J., Rigler D. The child-abusing parent psychological review // *A psychological bulletin*. 1972. I» 1
273. Staun / V. Works. 13 vols. Moscow, 1952—1955.
274. Stalin / T. H. Rigby. Englewood Cliffs, N.J., 196»
275. Stalin and his generals: Soviet military memoirs World war ? / S. Bialer. N.Y.. 1969.
276. Stern M.. Stern A. Sex in the USSR. N.Y., 1980.
277. StorrA. Human aggression. N.Y., 1968.
278. Tanner V. The winter war: Finland against Russia, 1939—1940. Stanford, 1957.
279. Thomas H. Armed truce: The beginning of the cold war, 1945-1946. N.Y., 1987.
280. Thompson K. «Ivan the Terrible» and Stalinist Russia: A reexamination // *Cinema journal*. 1977. № 17/1.

281. Thurston R. W. Fear and belief in the USSR's «Great Terror»: response to arrest, 1935—1939 // *Slavic review*. 1986. №45.
282. Thurston R. W. On desk-bound parochialism, commonsense perspectives, and lousy evidence: A reply to Robert Conquest // *Slavic review*. 1986. № 45.
283. Timasheff N. The great retreat: The growth and decline of communism in Russia. N.Y., 1946.
284. Toland J. Adolf Hitler. 2 vols. Garden City, 1285. Tolstoy N. Victims of Yalta. L., 1977.
286. Tolstoy N. Stalin's secret war. L., 1981.
287. Toranska T. They // *Granta*. 1985. M 17.
288. Trotsky L. Stalin: An appraisal of the man influence. N.Y., 1946.
289. Tucker ft. C. The dictator and totalitarianism // *Word politics*. 1964—1965. № 17.
290. Tucker R. C. A twentieth-century Ivan the Terrible // *Stalin / T. H. Rigby*. Englewood Cliffs, N.J., 1966.
291. Tucker R. C. The Soviet, political mind: stalinism and post-stalin change. N.Y., 1971.
292. Tucker ft. C. Stalin as revolutionary, 1879—1929: A study in history and personality. N.Y., 1974.
293. Tucker ft. C. Stalinism as a revolution from above // *Stalinism: Essays In historical interpretation / A Tucker*. N.Y., 1977.
294. Tucker R. C. The Georges' Wilson reexamined: An essay on psychobiography // *American political science review*. 1977. № 71.
295. Tucker R. C. The emergence of Stalin's foreign policy // *Slavic review*. 1977. № 36.
286. Tucker R. C. The rise of Stalin's personality cult // *American historical review*. 1979. № 84.
297. Tucker R. C. Memoir of a Stalin biographer // *Princeton alumni weekly*. 03.11.1982.
298. Tucker R. C. A case of mistaken identity: DugashviliStalin // *Biography*. 1982. № 5.
299. Tucker R. C. Svetlana inherited her tragic flaw // *Washington post*. 25.11.1984.
300. Tucker R. C. A Stalin biographer's memoir // *Introspection in biography: The biographer's quest for selfawareness / S. Baron, C. Fletsch*. HUlsdale, N.J., 1985.
301. UlamA. Stalin: The man an his era. N.Y., 1973.
302. Ulam A. The price of sanity // *Stalinism: Its impact on Russia and the world / G. R. Urban*. L., 1982.
303. Van Possum L. A. Antonov-Ovseenko's book on Stalin: Is it reliable? A note // *Soviet studies*. 1984. № 36.
304. Vlhavainen T. A note on a spurious source: Finskil Vestntk II Russian review. 1985. № 44.
305. Vishnevskaya G. Galina: A Russian story. N.Y., 1984.
306. VoUki (Valentliwv) N.. Souuartne B. Un Caligula a Moscou: Le cas pathologique de Staline // *Bulletin de l'Association d'etudes et d'informations politiques internationales* 98 (suppl.). 1953.
307. Von Thaaen A. Die Erbschaft der Giganten: Adolf Hitler und Josef Stalin. Leoni am Starnberger See, 1976.
308. Walte R. G. L. The psychopathic God: Adolf Hitler. N.Y., 1977.
309. Worth R. D. Joseph Stalin. N.Y., 1969.
310. WerthA Russia at war: 1941—1945. N.Y., 1984.
311. Whaley B. Codeword BARBAROSSA. Cambridge, 1973.
312. Winter D. G. The power motive. N.Y., 1973.
313. Wolfe B. D. Strange communists I have known. N.Y.. 1965.
314. Wolfe B. D. Three who made a revolution: A biographical history. N.Y., 1984.
315. Wolowitz H. M. The validity of the psychoanalytic theory of paranoid dynamics // *Psychiatry*. 1971. № 34.
316. Yaroslavsky E. Landmarks in the life of Stalin. L., 1942.
317. Zhukov G. K. The memoirs of marshal Zhukov. N.Y., 1971.

Д. Ранкур - Лаферриер
 Психика Сталина
 Серия: Библиотека психоанализа
 Издательства: Весь Мир, Прогресс-Академия
 Мягкая обложка, 240 стр.
 ISBN 5-85864-082-6
 Тираж: 5000 экз.
 Формат: 84x104/32
 переводчики: Т.Е. Астахова, М. Озерова